

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2020 8 (837)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

8

выпуск 837

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

8

Issue 837

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)

Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.

Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветеева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

СТРАНЫ ВОСТОКА: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА

Дардыкова Н. В.

Грамматикализованность акционсартовых форм
(на материале турецкого языка) 11

Калинин О. И.

Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР 26

Ким Е. В.

Сленг в речи современной корейской молодежи 38

Ло Мэн

Прагматика русско-китайского перевода
в свете теории релевантности 46

Мавлеева Д. В.

О некоторых особенностях перевода военных терминов
корейского языка на русский язык 59

Мозоль Т. С.

Грамматикализация в корейском языке лексических единиц
английского языка (на примере неологизмов) 68

Полищук А. И.

Типичные ошибки студентов при переводе персидской прозы
на военную тематику 80

Рахимбекова Л. Ш.

Некоторые проблемы перевода лексики культурологической тематики
в языковой паре «русский – китайский» 94

Сайдумаров Х. Ш.

Конструкции приглагольных отношений русского родительного падежа
и способы его выражения в таджикском языке 103

<i>Храмцова А. И.</i> Семантика служебных слов в составе видовых конструкций на материале корейского языка	112
<i>Чечина Н. Ю.</i> Терминообразование в экономическом дискурсе СМИ КНР и РФ	128
<i>Шахаева А. А.</i> Эгоцентричность семантики китайского глагола направленного движения 去	139

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Гольдман А. А.</i> Фреймовый анализ когнитивного диссонанса при интерпретации постмодернистского художественного текста	150
<i>Голышкина Л. А.</i> Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий	160
<i>Данилин А. С., Афанасьев С. Е., Вишняков Д. А.</i> Применение особых знаний и навыков военного переводчика для обеспечения успешного перевода с иностранного языка на русский	172
<i>Дементьева А. М.</i> Аландский диалект и шведский язык материковой Финляндии: сходства и различия в лексической системе	182
<i>Матакова М. В.</i> Жанровые особенности текстов выступлений в ООН	191
<i>Чекалина Е. М.</i> Английские формы множественного числа существительных в шведском языке	204

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кондратьева Е. Н.</i> Специфика перевода корейской средневековой мемуарной литературы (на примере воспоминаний госпожи Хон Хандюннок 한동록 «Написанное в печали», 1795–1805)	214
--	-----

<i>Рустамова З. И.</i> О некоторых параллелях сюжета о голом короле, или Парадоксы поведения	226
--	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Дудинова А. А.</i> О двойственной природе корейской традиционной образности	236
<i>Николаева М. В.</i> «КАРИ АРАБИЙЯ ВА ФРАНСИЙЯ» (исторические особенности образования в странах арабского Магриба и проблемы самоидентификации)	245
<i>Тарасова Е. И.</i> Особенности аккультурации российской диаспоры в Шанхае в XXI веке	258

CONTENTS

LINGUISTICS

ASIAN COUNTRIES: LANGUAGE, CULTURE, LITERATURE

<i>Dardykova N. V.</i> The Degree of Grammaticalization of <i>Aktionsart</i> Forms (on the material of the Turkish language)	11
<i>Kalinin O. I.</i> Discursive Metaphor of Coronavirus In PRC Media	26
<i>Kim E. V.</i> Slang in the Speech of Modern Korean Youth	38
<i>Luo Meng</i> The Pragmatics of Russian-Chinese Translation in the Light of the Relevance Theory	46
<i>Mavleeva D. V.</i> About Certain Peculiarities of Military Terms Translation from Korean into Russian	59
<i>Mozol T. S.</i> Grammaticalization of English Lexemes in Korean Neologisms	68
<i>Polishchuk A. I.</i> Common Students Mistakes in Translation of Persian Military Prose into Russian	80
<i>Rakhimbekova L. Sh.</i> Some Problems of Foreign Cultural Vocabulary Translation in the “Russian – Chinese” Language Pair	94
<i>Seydumarov Kh. Sh.</i> Constructions of Adverbial Relations of the Russian Genitive Case and Ways of Its Expression in the Tajik Language	103

<i>Khramtsova A. I.</i>	
Semantics of Auxiliary Verbs as Part of Aspectual Constructions on the Example of the Korean Language	112
<i>Chechina N. Y.</i>	
The Main Tendencies of Term Formation in the Economic Discourse of the PRC and Russian Media	128
<i>Shakhaeva A. A.</i>	
The Egocentric Semantics of the Chinese Directional Motion Verb 去	139

CURRENT ISSUES OF EUROPEAN LINGUISTICS

<i>Goldman A. A.</i>	
Frame Interpretation of Cognitive Dissonance in Post-Modern Fiction	150
<i>Golyshkina L. A.</i>	
Decoding Rhetoric: Concept and Methodological Tool	160
<i>Danilin A. S., Afanas'ev S. E., Vishnjakov D. A.</i>	
Application of Special Knowledge and Skills of a Military Interpreter to Ensure Successful Translation from a Foreign Language into Russian	172
<i>Dementieva A. M.</i>	
The Åland Dialect and the Swedish in Mainland Finland: Similarities and Differences in the Lexical System	182
<i>Matakova M.V.</i>	
Genres of Public Speech at United Nations	191
<i>Chekalina E. M.</i>	
English Nominal Plurals in Swedish	204

LITERARY STUDIES

<i>Kondratyeva E. N.</i>	
Translation Practices of the Korean Memoirs (한동록, The Memoirs of Lady Hyegyong, 1795–1805).....	214

Rustamova Z. I.
About Several Parallels in the Plot about the Naked King
or Behaviour Paradoxes 226

CULTUROLOGY

Dudinova A. A.
On the Duality of Traditional Korean Images 236

Nikolaeva M. V.
Historical Particularities of Educational Processus
in the Arab Maghreb Countries and Identity Problems 245

Tarasova E. I.
The Specifics of Acculturation of Modern Russian Residents
in Shanghai in XXI Century 258

СТРАНЫ ВОСТОКА: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА

УДК 81-367.7

Н. В. Дардыкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков,
Минский государственный лингвистический университет;
e-mail: n.dardykova@gmail.com

ГРАММАТИКАЛИЗОВАННОСТЬ АКЦИОНСАРТОВЫХ ФОРМ (на материале турецкого языка)

Статья посвящена грамматикализации сложновербальных акционсартовых форм на материале примеров из агглютинативного турецкого языка. Предпринимается попытка выявить степень грамматикализованности данных форм с помощью параметров Х. Лемана. Установлено, что заложенное в глагольной семантике акционсартовое значение вступает во взаимодействие с лексической семантикой конкретного глагола. В результате значения рассматриваемых форм в турецком языке либо приобретают вид особого лексического оттенка, либо воплощаются в особенностях сочетаемости вспомогательного глагола.

Ключевые слова: грамматикализация; степень грамматикализованности; параметры Х. Лемана; акционсартовые формы; турецкий язык.

N. V. Dardykova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Oriental languages,
Minsk State Linguistic University; e-mail: n.dardykova@gmail.com

THE DEGREE OF GRAMMATICALIZATION OF AKTIONSART FORMS (on the material of the Turkish language)

The article is devoted to grammaticalization of multi-verb *Aktionsart* forms basing on the examples taken from the agglutinative Turkish language. It is attempted to disclose the degree of grammaticalization of these forms through Ch. Lehmann's parameters. It is revealed that *Aktionsart* meaning of the verb form interacts with

the lexical semantics of the specific verb. As a result meanings of the analyzed forms in the Turkish language either get a certain connotative lexical meaning or are embodied in collocational properties of the auxiliary.

Key words: grammaticalization; degree of grammaticalization; Ch. Lehmann's parameters; Aktionsart forms; the Turkish language.

Введение

Термин *Aktionsart* – вид, способ действия был введен в научный обиход С. Агреллем [Агрелль 1962], а применительно к тюркологическим исследованиям был использован, как нам известно, В. Г. Гузевым [Гузев 1988]. В турецком языке акциональность может быть выражена лексически, т. е. усматриваться в акциональном классе полнозначного глагола (например, *kaunamak* – кипеть, бурлить представляет собой неконтролируемый непредельный процесс; *gelmek* – прийти предельное осуществление (свершение) и т. д.), и грамматически, с помощью:

- видовременных форм (посттерминальное значение у форм на *-mİŝtI*, значение длительности у форм на *-Iyor*);
- перифрастических конструкций, состоящих из глагольных основ полнозначных глаголов и вспомогательного глагола – *olmak / bulunmak* – быть, находиться (начинательное значение у *-(A)r ol-*: *Önceleri daha çok macera okurdum, şimdi ise tarihi kitapları okur oldum.* «Раньше я больше читал(-а) приключенческие книги, а сейчас начал(-а) читать исторические»);
- редуцированных форм (типа *sordu durdu* – постоянно спрашивал(-а); *uyudu kaldı* – погрузился / погрузилась в сон);
- сложновербальных, в том числе акционсартовых, форм (обороты *-(y)Ip/-(y)Adur-*, *-(y)Ip/-(y)Akal-*, *-(y)Ip/-(y)Agel-*, *-(y)Ipgit-*, *-mAyA gör-*, *-(y)Akoy-*, *-(y)Iver-*, *-(y)Ayaz-*) [Гузев 1987; Насилов 1989].

Акционсартовые формы передают как универсальные для лингвистической науки видовые (аспектные) значения (фазовость, длительность, кратность и др.), так и специфические, присущие тюркским языкам, значения, указывающие на направление действия (вперед-назад, вверх-вниз), и значения, передающие субъектно-объектную ориентацию действия [Насилов 1989; Гузев 2015]. Изучением акционсартовых форм в тюркских языках занимались такие

ученые, как М. К. Уюкбаев, Л. Н. Харитонов, Б. А. Серебрянников, А. А. Юлдашев, Д. М. Насилов, Э. Н. Гаджиев, Э. М. Лебедев, П. В. Гращенков и др.

В. Г. Кондратьев отмечает, что «в турецком языке можно отметить ярко выраженную тенденцию к сокращению числа глагольных форм, выражающих характер протекания (способ) действия, образованных путем сочетания деепричастий с глаголами-модификаторами» [Кондратьев 1992]. В связи с этим утверждением возникает вопрос о современном статусе данных форм. В данной работе выяснение статуса акционсартовых форм выполняется с помощью «инвентаря» теории грамматикализации, в частности, параметров грамматикализации Х. Лемана [Lehmann 2002 URL]. Следовательно, целью работы стало выявление степени грамматикализованности акционсартовых форм в турецком языке.

Исследование проводилось на материале современных (начиная с 2000 г.) письменных текстов, взятых из Национального корпуса турецкого языка [Türkçe Ulusal Derlemi URL]. Всего было проанализировано 4084 контекста, из них 2500 – с *-(y)Iver-*, 384 – с *-(y)Ip dur-*, 198 – с *-(y)Adur-*, 331 – с *-(y)Akal-*, 242 – с *-(y)Ip kal-*, 406 – с *-(y)Agel-*, 23 – с *-(y)Ip gel-*. Обороты на *-mАуА gör-*, обозначающий причину, вследствие которой происходит какое-то событие, и оборот на *-(y)Акоу*, имеющий длительную семантику, не встретились в выбранном нами для анализа корпусе текстов. Отметим также, что форма на *-(y)Iver-* встретилась в 23 393 вхождениях, из которых нами были рассмотрены первые 2500 контекстов.

Грамматикализация в узком и широком понимании

Грамматикализация может пониматься в широком и узком смыслах. В узком значении грамматикализация ассоциируется с изменением статуса языковой единицы, ее переходом из лексических единиц в грамматические показатели [Майсак 2002]. Данный подход к процессу грамматикализации тесно связан с понятием *источника*, исходной лексической единицы, служащей своеобразной отправной точной грамматикализации [Bybee, Perkins, Pagluica 1994]. Применительно к анализируемым акционсартовым формам в турецком языке, наблюдаются следующие виды слов-источников:

1) глаголы расположения в пространстве:

durmak – стоять → *-(y)Ip/-(y)Adur-* – продолжать

kalmak – оставаться на месте → *-(y)Ip/-(y)Akal-* – продолжать,
оставаться

2) глаголы, обозначающие простейшие действия:

yazmak – писать → *-(y)Ayaz-* – чуть было не совершить что-либо

vermek – давать → *-(y)Iver-* – происходить быстро, неожиданно

3) глаголы движения:

gitmek – уходить → *-(y)Ip git-* – продолжаться, длиться
(из настоящего в будущее)

gelmek – приходить → *-(y)Ip/-(y)Agel-* – продолжаться, длиться
(из прошлого в настоящее)

Таким образом, рассматриваемые формы являются результатом переосмысления понятий, обозначающих местонахождение, перемещение и простейшее действие. В рамках когнитивно-ориентированного подхода данные источники признаются базовыми, наиболее часто встречающимися в языках различных типов [Heine 1993], что может объясняться их связью с наиболее важными сферами человеческого опыта, занимающими приоритетное место в процессах мышления и коммуникации человека.

Семантика глаголов-источников оказывает влияние на значение акционсартовых форм: в фокусе *-Ip/-Agel-* (от *gelmek* – приходить) является продолженность действия от прошлого к настоящему, а *-Ip git-* (от *gitmek* – уходить) обозначает действие, длящееся от настоящего к будущему. В случае с глаголами положения в пространстве также наблюдается четкая взаимосвязь между словарными и формальными значениями. Основным словарным значением лексического глагола *durmak* является – находиться без движения, стоять, а грамматикализовавшись до показателя в акционсартовой форме, он получает значение длительного, а чаще – повторяющегося действия.

Лексический глагол *kalmak*, словарным значением которого выступает – оставаться на месте, грамматикализовавшись до *-(y)Ip kal-* получает значение фиксированности действия, а в формах на *-(y)*

Akal- – приобретает дополнительный оттенок оцепенения в том или ином душевном или физическом состоянии.

В более широком смысле грамматикализация является расширением сферы действия языковой единицы, получающей из лексического статуса грамматической, а из грамматического – более грамматический статус [Майсак 2002]. Таким образом, предполагается, что языковая единица может быть грамматикализована в большей или меньшей степени.

Для выявления степени грамматикализованности акционсартовых форм в турецком языке использовались параметры Х. Лемана, представляющие собой набор критериев, позволяющих выявить степень автономности или грамматичности языковой единицы. Каждому параметру определен процесс изменений, такой как морфологическое реструктурирование, синтаксическая фиксация, увеличение частоты использования, семантическое опустошение и расширение сочетаемости. При этом, вслед за К. Хенгевельдом, основным показателем большей или меньшей степени грамматикализованности акционсартовой формы мы будем считать коллокационные возможности, а именно количество контекстов с разными лексико-семантическими классами глагола, которые способен образовывать тот или иной показатель [Hengeveld 2017].

Параметры Х. Лемана

Морфологически грамматикализация акционсартовых форм связана с реструктурированием, процессом перехода от полипредикативной к монопредикативной структуре [Гращенко 2015]. Реструктурирование прослеживается через параметры связанности и синтаксической вариативности.

Связанность, или степень слияния слов через контактное положение [Lehmann 2002 URL], позволяет поделить акционсартовые формы на являющиеся частью сложных слов *-(y)Adur-*, *-(y)Akal-*, *-(y)Agel-*, *-(y)Iver-*, *-(y)Ayaz-* и образующие аналитические формы *-(y)Ip dur-*, *-(y)Ip kal-*, *-(y)Ip gel-*, *-(y)Ip git-*. Служебные глаголы в акционсартовых конструкциях в процессе грамматикализации, вероятно, прошли через процесс фонетической редукции и «адаптировались» к полнозначному глаголу в качестве грамматических формантов. Под адаптацией языковой единицы в процессе грамматикализации понимается

её способность всё больше приспосабливаться к непосредственному окружению. Показатель может полностью «слиться» с другой морфемой либо полностью или частично утратить свои характеристики (утрата фонем и целых слогов, утрата просодических характеристик) [Майсак 2005].

Синтаксически фиксация вспомогательного глагола по отношению к полнозначному глаголу в аналитических формах с деепричастиями проявляется через параметр синтагматической вариативности (т. е. возможности менять свое положение в синтагме). «Фильтром»-тестом для данного параметра выступает возможность служебного глагола:

- 1) менять свое положение по отношению к основному глаголу;
- 2) принимать зависимые слова (в нашей работе такими выступили обстоятельства времени и образа действия типа *hemen* – сразу, *yavaş* – медленно, *çabuk* – быстро).

Как показывает анализ, служебные глаголы, составляющие акционсартовые формы в турецком языке, не могут менять свое положение по отношению к полнозначному глаголу или принимать зависимые слова, что позволяет сделать вывод о морфологизации, или утрате морфосинтаксической автономности служебного глагола в акционсартовых конструкциях в турецком языке.

Парадигматическая вариативность в работе Х. Лемана определяется как степень свободы, с которой говорящий выбирает языковую единицу [Lehmann 2002 URL]. В рамках данного исследования мы связывали возможности грамматикализации по этому параметру с полнотой словоизменительной парадигмы, в результате чего акционсартовые формы были разделены на:

- более продуктивные формы, или формы, которые без ограничений сочетаются с большинством словоизменительных аффиксов, присущих турецкому языку: $-(y)Ip\ dur-$, $-(y)Ip/-(y)Akal-$, $-(y)Ip/-(y)Agel-$, $-(y)Iver-$, $-(y)Ayaz-$.
- менее продуктивные формы, или формы, употребляющиеся преимущественно с определенными типами аффиксов. Так, обороты на $-(y)Adur-$ в 97% контекстов используются в формах повелительного наклонения:

1. О zaman siz yukarı çıkadurun, ben bir bakkal bulup su alayım. – «Тогда вы продолжайте подыматься, а я найду продуктовую лавку и куплю воды».

К менее продуктивным относятся и формы на *-Ip gitmek*, которые в основном употребляются в формах длительных времен, причастиях на *-An* и деепричастиях на *-Irken*:

2. Kemal'in sessiz ve ketum hali sürüp gidiyor, hayat bir şekilde devam ediyordu. – «Скрытный и молчаливый образ жизни Кемала продолжался, а жизнь так или иначе шла дальше».

Кроме того, на степень грамматикализованности языковой единицы влияет ее способность конкурировать с другими средствами выражения акционсартового значения. Так, формы на *-(y)Iver-* являются единственным грамматическим способом выражения быстроты действия в турецком языке. В свою очередь, остальные акционсартовые формы конкурируют с более регулярными видовременными формами и перифрастическими конструкциями. Например, для выражения модального значения неудавшейся попытки, помимо интересующей нас формы на *-(y)Ayaz-*, используются еще видовременные формы на *-Iyordu* и *-Acaktı*:

3. Az kaldı düşecektim/düşüyordum. – «Еще немного, и я бы упал(а)».

Семантическое опустошение грамматического форманта прослеживается через степень утраты целостности его содержания, т. е. путь от конструкции с богатым лексическим содержанием до показателя с обобщенным значением [Lehmann 2002 URL]. Поскольку сферу нашего интереса составляет не сам процесс грамматикализации, а степень грамматикализованности акционсартовых форм, данный параметр решено было редуцировать. При выполнении анализа мы обращали внимание на следующее: во всех ли случаях акционсартовая функция закреплена за конкретной формой или же ее компоненты могут трактоваться по-другому в некоторых контекстах своего употребления. Так, формы на *-(y)Ip gel-* и *-(y)Ip git-*, помимо использования в своих акционсартовых значениях, могут трактоваться, как сочетания деепричастия с глаголом движения:

4. Garson gözüme iki kere tuhaf ***bakıp gidiyor***. – «Официант два раза ***смотрит*** на мне в глаза странным взглядом ***и уходит***».
5. Ana'ya söyle bir çay yapсын. Önce sor bakalım; çayları, şekerleri var mıymış? Burhan ***sorup geldi***. – Yokmuş. – «Скажи матери, пусть

сделает чаю. Сначала спроси, есть ли чай и сахар? Бурхан *спросил и вернулся*. – Нет».

Кроме того, были выявлены некоторые случаи «затемнения» значения акционсартовых форм, о которых более подробно будет рассказано в следующем разделе.

Сочетаемость компонентов акционсартовых форм

Коллокационные возможности акционсартовых форм, рассматриваемые у Х. Лемана через параметр сферы действия, варьируются в зависимости от типа показателя, образующего тут или иную акционсартовую форму.

Форма на *-(y)Iver-*

Данная форма является продуктивной и, судя по частоте своего использования, коммуникативно востребованной. Только в нашей выборке *-(y)Iver-* встречается со 139-ю разными по семантике глаголами, среди которых предпочтение отдается тем, которые обозначают физическое действие (29%: *yarıvermek* – быстро сделать), движение (26%: *gidivermek* – быстро уйти) и социальное взаимодействие (10%: *sosyalleşivermek* – быстро освоиться (начать общаться); *evlenivermek* – быстро жениться).

Частым является употребление бытийного глагола *olmak* – быть (11 % случаев), при этом в новых конструкциях *-(y)Iver-* получает добавочное значение неожиданности происходящего:

Böyle birdenbire, gürlütüsüz patirtısız *oluvereceğini* hiç düşünmemiştim bu için. – «Я никогда не думал(-а), что эта работа вдруг, ни с того ни с сего, станет бесшумной, несуетливой».

Это может объясняться тем, что для акционсартовых форм в принципе характерно наличие соприкасающихся значений. В целом, коллокационные возможности *-(y)Iver-* позволяют назвать данный показатель грамматикализированным.

Формы на *-(y)Ayaz-*

Учитывая тот факт, что показатель *-(y)Ayaz-* встретился всего в 25 контекстах, с осторожностью отметим, что в нашей выборке

он преимущественно встретился с глаголами, обозначающими движение (8 контекстов) и неконтролируемые действия (8 контекстов: *boğulayazdın* – ты чуть было не задохнулся; *yutayazdım* – я чуть не проглотил(-а); *bayılayazdım* – я чуть было не потерял сознание). На семантику акционсартовой формы может влиять и значение лексического глагола *yazmak* – писать, поскольку, когда действие происходит, его можно считать записанным или зафиксированным.

Формы на *-(y)Ip / -(y)Adur-*

Данные формы проявляют схожую сочетаемость, употребляясь преимущественно с одними и теми же группами глаголов (см. рис. 1). При этом, *-(y)Ip dur-* чаще встречается с глаголами движения (55% случаев: *çıkıp durmak* – продолжать выходить; *gezip durmak* – продолжать гулять), а *-(y)Adur-* – с глаголами физического действия или воздействия (33% случаев: *yapadurmak* – продолжать делать; *kemiredurmak* – продолжать грызть). Отметим, что в 3% и 8% глаголов, употребляющихся с *-(y)Ip dur-* и *-(y)Adur-* соответственно, и не отраженных на рисунке 1, вошли глаголы с длительной и локативной семантикой.

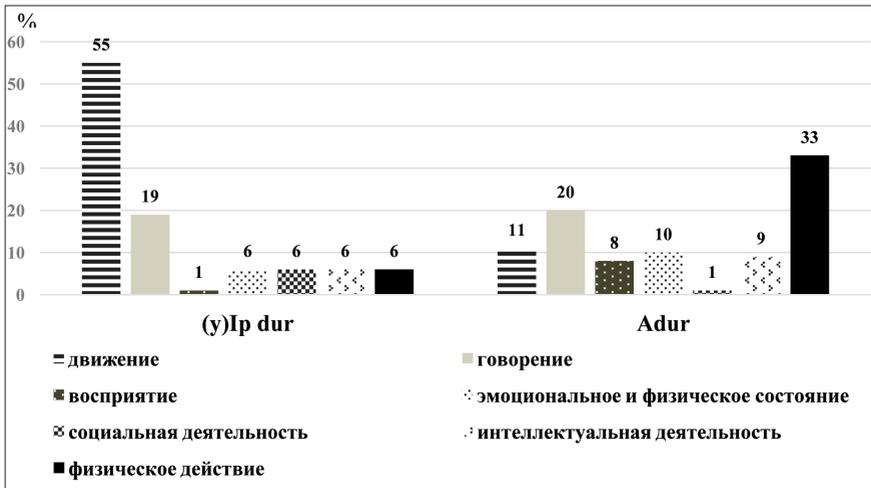

Рис. 1. Лексико-семантические классы глаголов, с которыми сочетаются формы на *-(y)Ip / -(y)Adur-*

Таким образом, анализ позволил выявить, формы на *-(y)Ip/- (y)Adur-* способны формировать достаточно большое количество контекстов с разными лексико-семантическими группами глаголов. При анализе была также выявлена специализация данных форм, когда *-(y)Adur-* чаще используется для обозначения длительных, непрерывных действий, а *-(y)Ip dur-* – для обозначения однократных повторяющихся действий:

6. Sınav haftası yaklaşıdursun biz ailemizle çok güzel bir kulüp günü geçirdik. – «Пусть сессия продолжает приближаться, мы с семьей провели отличный день в клубе».
7. Yalan mı söylediler bize yıllarca?! Kendi kendime sorup durdum. – «Они все это время нас обманывали?! Продолжал я спрашивать сам у себя».

Следовательно, ограничения на выбор полнозначного глагола регулируются семантикой акционсартовой формы: в случае с *-(y)Adur-* предпочтение отдается неопределённым глаголам, а в случае с *-(y)Ip dur-* – глаголам, по своей семантике способным прерываться (заканчиваться) и возобновляться, образуя, таким образом, серию действий: *vurup durmak* – продолжать бить, стучать; *dönüp durmak* – продолжать возвращаться.

Формы на *-(y)Ip / -(y)Akal-*

Анализ показал, обороты на *-(y)Ip / -(y)Akal-* имеют ограниченную сочетаемость, которая продиктована семантикой глагола-источника *kalmak* – оставаться на месте, предполагающей ненамеренное длительное пребывание в том или ином состоянии или положении:

8. İstanbul yönünden bir tren geldi. Yolcular bindi, tren hareket etti. Bakakaldı arkasından. Neden binmemişti ki? – «Пришёл поезд со Стамбула. Пассажиры сели, поезд тронулся. Он так и остался смотреть ему вслед. И почему не сел?»
9. Geldiği gece öylece olduğumuz yerde oturup kaldık. – «В ночь, когда он пришел, мы так и остались сидеть, где сидели».

Формы на *-(y)Akal-* имеют ограниченную сочетаемость и встречаются в основном с глаголами, обозначающими то или иное состояние,

преимущественно физическое (39% контекстов): *donakalmak* – замереть, оцепенеть; *uyuyakalmak* – заснуть; *susakalmak* – замолчать и продолжить молчать; реже – с глаголом восприятия *bakmak* – смотреть (19%). Несомненный интерес представляют случаи, когда акционсартовые формы на *-(y)Akal-* сочетаются с глаголом-источником *kalmak* – оставаться (36% контекстов):

10. *Elinde kalakalan ıslak beyaz çarşafa baktı.* – «Она посмотрела на влажный белый платок, который так и остался в ее руке».

Наличие таких сочетаемостных возможностей позволяет говорить о высокой степени семантического опустошения грамматического показателя, образующего акционсартовую форму.

В контекстах с *-(y)Ip kal-*, помимо глаголов состояния (74%), нередкими являются случаи использования с собирательной семантикой (18%): *sıkışıp kalmak* – продолжить толкаться; *yiğilip kalmak* – остаться сваленным в кучу.

Формы на *-(y)Ip / -(y)Agel-*

Поскольку количество собранных форм *-(y)Ip gel-* не представляется релевантным для анализа, было решено рассматривать данную форму совместно с формой на *-(y)Agel-*. Анализ контекстов с данными формами показывает, что они имеют ограниченную сочетаемость, а их употребление с некоторыми типами полнозначных глаголов приводит к «затемненной» семантике всего сочетания. Говоря о затемненной семантике акционсартовой формы, мы имеем в виду то, что в большинстве контекстов их употребления не ясно, исходит ли акциональная (длительная) семантика от грамматического показателя или является частью значения сочетания в целом. Так, в 75% контекстов *-(y)Ip/-(y)Agel-* используется с полнозначным глаголом *sürmek* – длиться, обозначающим длительное действие: *süregelen savaş* – продолжающаяся по настоящий момент война.

Еще в 5% контекстов *-(y)Ip / -(y)Agel-* используется с *devam etmek* – продолжаться: *devam edegelen samimi dostluğumuz* – наша искренняя дружба, продолжающаяся по настоящее время.

В оставшихся 20% случаев первым компонентом конструкции становятся глаголы говорения *demek* – «говорить» и *söylemek* – «говорить»; глаголы чувственного восприятия типа *görmek* – «видеть»;

işitmek – «слышать» и глаголы умственной деятельности типа *düşünmek* – «думать»; *değerlendirmek* – «оценивать»; *özdeşleştirmek* – «соотносить»:

11. Seyyid Nesimi'nin ölümüne neden olan insanlık dışı olay yüzyıllardır dilden dile söylenegelmiştir. – «Бесчеловечное событие, ставшее причиной смерти Сеида Насими, веками пересказывается от одного человека другому».
12. Cheval'in sağlam bir sağlığı olduğunu düşünegeldim bugüne dek. – «До сегодняшнего дня я думал, что у Чевала прекрасное здоровье».

Форма на *-Ip git-*

Как и в случае с *-(y)Ip/-(y)Agel-*, в данных формах чаще всего используются лексические глаголы с длительным значением, в первую очередь, с глагол *sürmek* – длиться (37% случаев):

13. Parti sonsuza kadar sürüp gidebilirdi. – «Вечеринка могла бы длиться до бесконечности».

Следующим по частоте предикатом является *akmak* – течь (35% случаев):

14. O balo, bu kokteyl, parti, günleri su gibi akıp gidiyordu. – «То бал, то коктейль, то вечеринка, дни утекали, как вода».

Большой интерес вызывают случаи, когда *-Ip git-* сочетается с глаголом *uzamak* – длиться, тянуться (17%). В качестве субъектов при нем чаще всего используются локативы типа *deniz* – море; *orman* – лес; *yataç* – склон, и полученные формы длительного вида, следовательно, выражают, скорее, не длительность, а пространственную протяженность:

15. Uzanıp giden tren yolları. Konya'ya giderken treni seçtik. – «Тянущиеся в даль железнодорожные пути. В Конью мы решили ехать поездом».

В оставшихся 11% случаев нам встретилось устойчивое выражение *geçinip gitmek* – ладить:

16. Baba ve oğlu gül gibi geçinip gidiyor. – «Отец и сын прекрасно ладят».

Следовательно, в проанализированных контекстах акционсартовая форма *-Ip git-* выражает либо протяженность, либо направленность действия из одной временной точки в другую, при этом значение длительности исходит от всего сочетания в целом.

Заключение

Таким образом, такое универсальное для всех языков явление, как грамматикализация, по-разному проявляется в языках разных типов. Даже тот ограниченный материал, который мы рассмотрели на примере агглютинативного турецкого языка, свидетельствует о существенных различиях в степени грамматикализованности акционсартовых форм.

Формы на *-(y)Iver-* выполняют функции грамматического показателя быстроты совершения действия, являются основным способом передачи этой функции. Кроме того, они продуктивны и частотны, что делает их в большей степени грамматикализованными по сравнению с другими акционсартовыми формами.

Формы на *-(y)Ayaz-* при выражении модального значения конкурируют с более регулярными формами времен (*-AcAktI*, *-Iyordu*), употребляются в ограниченном количестве контекстов, что делает их в меньшей степени грамматикализованными.

Формы на *-(y)Ip/-(y)Adur-* заняли свою нишу в качестве способов передачи многократности и непрерывности совершаемых действий. Они не слишком частотны, но с определенной долей свободы сочетаются с разными лексико-семантическими группами глаголов в рамках своей семантики.

Остальные рассмотренные акционсартовые формы выдвигают достаточно строгие селективные требования в рамках выбора полнозначного глагола. Помимо этого, выражаемое ими акциональное значение длительности (продолженности) действия в значительной степени осложняется побочными оттенками (оцепенение, направленность действия), которые, исходя из частоты их употребления и коллокационных возможностей, являются слабо востребованными коммуникативно и, соответственно, мало грамматикализованными. Возможно, при проведении более подробного диахронического исследования, утрата синтаксической свободы и сужение сферы действия данных форм могут быть истолкованы, как проявление деморфологизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агрелль С. О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида: сб. ст. / сост., ред., вступит. ст. и примеч. проф. В. Ю. Маслова. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 35–39. [Agrell', S. (1962). O sposobach dejstvija pol'skogo glagola (The aspectual classification of the Polish verb). *Voprosy glagol'nogo vida* (pp. 35–39). Moscow: Inostrannaja literatura Publ. (In Russ.)].
- Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М. : Языки славянской культуры, 2015. [Grashhenkov, P. V. (2015). *Tjurkskie konverby i serializacija: sintaksis, semantika, grammatikalizacija* (Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Гузев В. Г. О категории аспектуальности // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 3–11. [Guzev, V. G. (1988). O kategorii aspektual'nosti (About the category of aspectuality). *Russian Turkology*, 1, 3–11. (In Russ.)].
- Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя (на материале староанаталийско-тюркского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. [Guzev, V. G. (1987). *Očerki po teorii tjurkskogo slovoizmenenija: Imja (na materiale staroanatalijsko-tjurkskogo jazyka)* (Essays about the theory of the Turkic word-formation). Leningrad: Leningrad State Univ. Publ. (In Russ.)].
- Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка ; под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телецина. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2015. [Guzev, V. G. (2015). *Teoretičeskaja grammatika tureckogo jazyka* (Theoretical grammar of the Turkish language), ed. by A. S. Avrutina, N. N. Telecin. St. Petersburg: St.Petersburg Univ. Publ. (In Russ.)].
- Кондратьев В. Г. Основные тенденции в развитии грамматического строя турецкого языка: на основе сопоставления современного турецкого литературного языка и языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI вв. из Монголии и Китая. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1992. [Kondrat'ev, V. G. (1992). *Osnovnye tendencii v razvitii grammatičeskogo stroja tureckogo jazyka: na osnove sopostavlenija sovremenogo tureckogo literaturnogo jazyka i jazyka pamjatnikov drevnetjurkskoj pis'mennosti VIII–XI vv. iz Mongolii i Kitaja* (The main tendencies in the development of the grammatical system of Turkish: basing on the comparison of the contemporary Turkish language with the language of records of Old Turkic writing dated to VIII–XI cent. from Mongolia and China. St. Petersburg: St.Petersburg Univ. Publ. (In Russ.)].
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. [Majsak, T. A. (2002). *Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizenija*

- i glagolami pozicii (Typology of grammaticalization of constructions with verbs of movement and position): PhD diss. (In Russ.)].
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Majsak, T. A. (2005). *Tipologija grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizhenija i glagolami pozicii* (Typology of grammaticalization of constructions with verbs of movement and position). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)].
- Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. [Nasilov, D. M. (1989). *Problemy tjurkskoj aspektologii. Akcional'nost'* (Problems of the Turkish aspectology. Actionality). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Bybee J., Perkins R., Pagluica W. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: Chicago University Press, 1994.
- Heine B. Auxiliaries: cognitive forces and grammaticalization. New York: Oxford University Press, 1993.
- Hengeveld K. A hierarchical approach to grammaticalization // The grammaticalization of tense, aspect, modality, and evidentiality. 2017. P. 13–38.
- Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization // Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwiss. der Univ. Erfurt. 2002. № 9. URL: <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf/> (дата обращения: 06.06.2020).
- Türkçe Ulusal Derlemi. URL: www.tnc.org.tr/ (дата обращения: 06.06.2020).

УДК 81-119

О. И. Калинин

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет, докторант кафедры дальневосточных языков ВУМО; e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ МЕТАФОРА КОРОНАВИРУСА В СМИ КНР

Цель статьи – анализ метафорической репрезентации коронавируса в китайских СМИ во взаимосвязи с экстралингвистическими факторами. В ходе исследования выявлены четыре метафорические модели, их импликации метафоры и количественное распределение по дням, после чего был проведен корреляционный анализ со статистикой распространения вируса в Китае. Результаты подтверждают, что метафора является социальным инструментом, который может быть эффективным способом формирования общественного мнения.

Ключевые слова: концептуальная метафора; дискурсивная метафора; медиа-дискурс; вирус; метафора войны.

O. I. Kalinin

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Eastern Languages, Moscow State Linguistic University, PhD student, Far Eastern Languages Department, VUMO; e-mail: okalinin.lingua@gmail.com

DISCOURSIIVE METAPHOR OF CORONAVIRUS IN PRC MEDIA

The article aims to analyze the metaphorical representation of coronavirus in the Chinese media in relation to extra-linguistic factors. The study identified four metaphorical models, their entailments and quantitative distribution by day, followed by a correlation analysis with the statistics of virus spread in China. The results confirm that the metaphor is a social tool that can be an effective way to shape public opinion.

Key words: conceptual metaphor; discursive metaphor; media discourse; virus; war metaphor.

Введение

Одним из наиболее значимых международных событий 2020 года можно по праву считать вспышку эпидемии коронавируса (nCov2019), которая, начавшись в столице китайской провинции Хубей в городе Ухане, за несколько месяцев распространилась по всему миру. Эпидемия вируса затронула множество сфер жизни всего мирового

сообщества, а слова «самоизоляция» и «социальная дистанция», репрезентирующие основные меры по борьбе с эпидемией, пожалуй, стали самыми знаковыми для начала 2020 года. При этом вирус распространяется не только как физическая болезнь – посредством масс-медиа он «заражает» чувством тревоги и беспокойства множество людей по всему миру. Если защититься от невидимой смертоносной болезни можно соблюдая предписания врачей и властей, то защитить свое сознание от информации о вирусе абсолютно невозможно.

Средства массовой информации в условиях пандемии призваны информировать общество о болезни и борьбе с ней. При этом они создают образ болезни и определенным способом воздействуют на свою аудиторию. Информация о вирусе, передаваемая СМИ соотносится с уже имеющимися структурами знания и приобретает через них новые концептуальные признаки и, как следствие, категоризируется. Как известно, соотнесение какого-либо явления с той или иной категорией в сознании, во многом формирует отношение к этому явлению.

Когда общество сталкивается с масштабной информационной волной относительно массового заболевания, образ представления пандемии является крайне важным, так как отношение к болезни во многом определяет ее течение и скорость выздоровления. Как известно, вирус nCov2019 появился в Китае, и именно КНР стала первой страной, которая столкнулась с этой угрозой. При этом, как показало развитие событий, именно Китай продемонстрировал высокую эффективность в борьбе с пандемией в своей стране. Как указывал автор, это во многом связано с тем, что «репрезентация коронавируса была частью государственных мер по борьбе с эпидемией», а «последовательная позиция китайских СМИ относительно репрезентации коронавируса и представление этой болезни как опасной, но не способной привести к ужасным для страны последствиям во многом помогло предотвратить панику среди населения» [Kalinin 2020].

Значительную роль в репрезентации вируса в китайских медиа играл процесс метафоризации болезни, т. е. представление вируса через концептуальную метафорическую проекцию. Когда автор текста статьи или репортажа переносит черты вируса (сфера-цель) на другие области человеческого знания (сферы-источники), он, вне всякого сомнения, затрагивает глубинные когнитивные структуры своих читателей, оказывая мощное воздействие по созданию образа.

Цель и гипотеза исследования

В этой связи основной целью данной работы является анализ метафорической репрезентации коронавируса в китайских СМИ и выявление взаимосвязи этой репрезентации с экстралингвистическими факторами.

Предполагается, что метафорическое формирование образа вируса непосредственно зависит от эпидемиологической ситуации внутри Китая, а именно – от количества заболевших и выздоровевших.

В этой связи в данном исследовании будет проверяться гипотеза:

Репрезентация вируса в СМИ КНР представляет собой развернутую дискурсивную метафору со сферой-источником ВОЙНА, содержание которой меняется в зависимости от экстралингвистических факторов.

Для подтверждения данной гипотезы и достижения поставленной цели было проанализировано 750 заголовков и лидов новостных сообщений. Под лидом понимается 1–2 предложения в начале новостной статьи, которые обычно в полной мере отражают содержание всей статьи. Было исследовано по 15 новостей ежедневно в течение 50 дней с 21 января по 10 марта 2020 года, то есть в период, когда распространение вируса в Китае было наиболее масштабным.

Для достижения поставленной выше цели был последовательно решен ряд исследовательских задач:

- Провести контент-анализ заголовков и лидов.
- Выявить основные метафорические модели, используемые для репрезентации нового коронавируса.
- Сопоставить содержание и насыщенность метафорами со статистическими данными по распространению болезни.

На мой взгляд, данный анализ позволит не только получить представление о том, как формируется образ о новом вирусе в массмедийном дискурсе КНР, но и понять, какова роль СМИ в борьбе с вирусными эпидемиями.

Теоретические основы исследования

Методология, используемая в исследовании, сочетает критический дискурсивный анализ (CDA) [Simpson, Mayr, Statham 2018a; Weiss, Wodak 2003; Wodak, Meyer 2009], теорию концептуальной метафоры (CMT). [Kövecses 2016; Lakoff, Johnson 1980] и теории

методики на стыке двух этих направлений: дискурсивная теория метафоры [Hülse 2003; Walter, Helmig 2005] и критический анализ метафоры [Charteris-Black 2004; Simpson, Maqr, Statham 2018b].

Теория концептуальной метафоры основана на том, что концептуальная система человека преимущественно метафорична, поэтому метафора изучается как важный инструмент, с помощью которого человек осмысливает повседневную реальность. Структурно метафорический перенос представляет собой осмысление концептуальных особенностей одной сферы (сферы-цели) через другую (сферу-источник), обычно в основе этого концептуального осмысления лежит корреляция человеческого опыта в этих двух областях.

Критический дискурс-анализ коренным образом ориентирован на исследование конструктивных элементов дискурса и их связи с неязыковыми сферами жизни общества, проявлением социальных проблем в языке. Данная методология всегда была ориентирована на отражение реальной жизни в языке. В рамках этого подхода метафора рассматривается как одно из средств, которые использует власть для осуществления своей политической и идеологической программы. В этой связи основной задачей критического исследования метафоры становится интерпретация метафорических моделей, анализ их использования. В рамках критического анализа на первый план выходит не формирование и восприятие метафорических моделей, а то воздействие, которое могут оказать метафоры на коллективное сознание.

Удачное совмещение основ критического анализа, теории концептуальной метафоры и корпусоориентированных исследований дискурса представлено в методике критического анализа метафоры Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004], которая легла в основу специфического метода исследования – критический анализ метафоры (Critical Metaphor Analysis). Критический анализ метафоры направлен на выявление имплицитных интенций автора, скрытых за системами метафорических проекций в дискурсе. Эта методология оказалось очень удобной для проведения практических исследований разных дискурсов на разных языках и получила дальнейшее развитие как в прикладном, так и теоретическом ключах [Li 2016; Simpson, Maqr, Statham 2018b].

Основы понимания дискурсивности метафоры были разработаны немецкими лингвистами Й. Вальтером, Й. Хелмигом, Р. Хюльссе

[Hülse 2003; Walter, Helmig 2005]. Главный постулат их исследований заключается в том, что метафора не столько когнитивный феномен, сколько социальный. В этой связи метафоризация приписывается не конкретному индивиду как носителю языка и культуры, а языковой общности в целом. При этом метафора воспринимается как отражение общих для определённой группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности» [Hülse 2003a; Hülse 2003b].

Свое определение дискурсивной метафоры дает Й. Зинкен: «Относительно стабильная метафорическая проекция, которая функционирует как ключевой фрейм внутри определенного дискурса на протяжении некоторого времени» [Zinken, Hellsten, Nerlich 2008].

В данном определении четко отражены основные характеристики дискурсивной метафоры: протяженность, стабильность, фреймовый характер и принадлежность к определенному дискурсу. Только при наличии всех особенностей метафору можно назвать дискурсивной, также именно эти особенности свидетельствуют о метафорической модели внутри дискурса.

На указанных выше теоретических предпосылках базируется проведенное исследование. Оно основано на когнитивной природе метафоры и одновременной ее дискурсивности. Как следствие, под этим понимается способность метафорических проекций в рамках медиадискурса формировать общественное мнение, оказывая воздействие на процесс категоризации того или иного общественно-политического явления в сознании массового адресата. Критический анализ метафорических дискурсивных моделей вируса в китайских СМИ позволит подтвердить данный тезис и внести небольшой вклад в развитие целостной теории дискурсивной метафоры.

Результаты исследования

В результате анализа 750 новостных сообщений (заголовков и лидов) удалось выявить четыре наиболее характерные метафорические модели для концептуализации нового коронавируса в дискурсе масс-медиа Китая: ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, ВИРУС – причина СТРАХА.

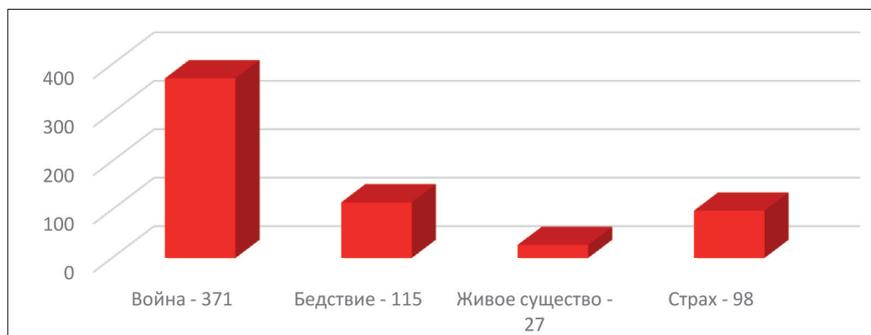

Рис. 1. Частотность метафорических моделей вируса

Всего было выявлено 611 метафор. Количественное распределение выявленных моделей по сферам-источникам представлено на рисунке 1.

Наиболее распространенной стала метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА, она составила 60,7% всех метафор. В заголовках новостей и в последующих лидах военная лексика очень частотна: 抗击 kàngjī «контратаковать, дать отпор»; 动员 dòngyuán «мобилизовывать»; 消灭 xiāomiè «уничтожить, ликвидировать»; 杀灭 shāmiè «уничтожить, истреблять», 预防 yùfáng «предотвращать», 打击 dǎjī «наносить удар», 打赢 dǎyíng «побеждать» и другие. Следует отметить использование неологизма, который начал появляться в новостях в конце января и становился все более частотным – 战疫 zhànyì «война с эпидемией». Всего он встретился в 750 новостных сообщениях 27 раз.

Использование образа войны в качестве основы для концептуализации пандемии не является сюрпризом. Военные метафоры всегда концептуализируют болезни: рак [Camus 2009], СПИД [Sandahl 2001], свиной грипп [Larson, Nerlich, Wallis 2005], Эбола [Trčková 2015], атипичная пневмония [Washer 2004] и другие. Это объясняется тем, что перед лицом опасности или трудности, человек стремится к противоборству, самой крайней формой которого и является война. Кроме того, метафора войны позволяет воодушевить население на общее единение в борьбе с болезнью.

Второй по частотности метафорической моделью стала модель ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, где болезнь описывается через

сферу-источник стихийного бедствия. Это тоже вполне объяснимо, так как вирус по своему происхождению природный, и от него также нет спасения. При этом данная метафорическая модель редко основывалась на конкретных сравнениях с ураганом (3 упоминания) или землетрясением (4 упоминания). Чаще всего использовались лексемы 天灾 tiānzāi «стихийное бедствие, непреодолимая сила», 灾害 zāihài «бедствие, несчастье», 灾难 zāinàn «бедствие, катастрофа». Описание вируса через стихийное бедствие позволяет снять ответственность с власти за его распространение, так как подчеркивается его природное происхождение и неконтролируемое распространение.

Весьма характерной была метафоризация вируса через сферу-источник «живое существо». В эту группу мы включили все метафорические модели, которые связаны с олицетворением и сравнением с человеком или животными, реальными и мифологическими. Например, 疫情肆虐 – «эпидемия свирепствует», 病毒虽然凶猛 – «хотя вирус и свирепый». Осмысление вирусной инфекции через что-то живое во многом отражает характерные для китайской культуры мифологические особенности восприятия природы.

В отдельную метафорическую модель была выделена проекция «ВИРУС – причина СТРАХА», так как в данном случае основой для переноса было только следствие «появление страха», при этом источник страха не упоминался никак. Например, 担忧之时 «во времена тревоги», 是人类最害怕最讨厌的病毒之一 «один из наиболее пугающих и ненавидимых вирусов».

Как было указано выше, одна из целей этой работы – выявление закономерностей в содержании и плотности употребления метафор от экстралингвистических факторов, связанных с распространением болезни.

Для этого мы проведем два корреляционных анализа относительно статистики по распространению вируса:

- 1) распределение всех метафор;
- 2) распределение метафоры войны и ее метафорических импликаций.

Следует сделать небольшое отступление для прояснения термина «метафорическая импликация» (metaphoric entailment). З. Ковечеш указывает: «Сфера-источник часто проецирует на сферу-цель дополнительные смыслы, которые выходят за рамки базового

значения» [Kövecses 2005, с. 7]. Эти дополнительные смыслы называют импликациями концептуальной метафоры.

В случае с метафоры борьба с ВИРУСОМ – это ВОЙНА в дискурсе китайских масс медиа были выявлены шесть импликаций:

1. Борьба с вирусом – это защита от врага
2. Борьба с вирусом – это нападение на врага
3. Медицинские работники – герои войны
4. Борьба с вирусом – общая война
5. Китай (Ухань) – поле боя
6. Больные – жертвы войны

Количественное и процентное распределение импликаций метафоры войны представлены в таблице 1.

Таблица 1

Импликации метафорической модели ВОЙНА

Импликация	Количество	%
Борьба с вирусом – это защита от врага	117	31,53
Борьба с вирусом – это нападение на врага	105	28,30
Медицинские работники – герои войны	72	19,41
Борьба с вирусом – общая война	29	7,82
Китай – поле боевых действий	32	8,62
Больные – жертвы войны	16	4,31

Для проведения корреляционного анализа были взяты статистические данные с официального сайта ВОЗ. В работе были использованы такие показатели, как количество вновь зараженных и количество вновь выздоровевших в день, так как именно эти данные демонстрируют картину распространения вируса наиболее полно.

Эти показатели мы сопоставили с общим количеством выявленных в день метафорических моделей и количеством наиболее частотных метафор: БОРЬБА С ВИРУСОМ – это ЗАЩИТА и БОРЬБА С ВИРУСОМ – это НАПАДЕНИЕ. Кроме того, был проведен анализ значимости полученных результатов при помощи расчета Т-критерия Стьюдента, который направлен на оценку различий

**Результаты корреляционного анализа и проверки
статистической значимости**

	Всего метафоры	ЗАЩИТА	НАПАДЕНИЕ
Вновь заболевшие (корреляция)	0,522	0,782	0,011
Вновь заболевшие (Т критерий)	$t_{Эмп} = 5.9, p \leq 0.01$	$t_{Эмп} = 6, p \leq 0.01$	$t_{Эмп} = 6, p \leq 0.01$
Вновь выздоровевшие (корреляция)	0,069	-0,471	0,732
Вновь выздоровевшие (Т критерий)	$t_{Эмп} = 7.6, p \leq 0.01$	$t_{Эмп} = 7.6, p \leq 0.01$	$t_{Эмп} = 7.6, p \leq 0.01$

величин средний значений двух выборок, которые распределены по нормальному закону.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Прежде всего в таблице мы видим, что все результаты исследования находятся в зоне статистической значимости $p \leq 0.01$.

Зависимость общего количества метафор от распространения вируса не является значимой. Это объясняется тем, что мы анализировали ограниченное количество новостей ежедневно, поэтому данная зависимость просто не могла проявиться.

Наиболее показательным результатом корреляционного анализа стали данные о зависимости количества вновь заболевших и распределения метафорической проекции со значением защиты от вируса (0.782), а также зависимость количества вновь выздоровевших и распределения метафорической проекции со значением нападения на вирус (0.732).

Стоит отметить, что еще на этапе контент-анализа, т. е. во время выявления метафорических моделей было заметно, что в новостях, опубликованных примерно до 14 февраля, т. е. до момента выхода эпидемии в Китае на так называемое плато, доминировали метафоры

со значением защиты, а после этого, когда количество вновь выздоровевших стало превышать количество вновь заболевших стали преобладать метафоры нападения на вирус.

Продемонстрируем эту взаимосвязь на графике. Для большей наглядности данные по вновь зараженным и вновь заболевшим показаны в тысячах.

На графике видно, что количество метафор защиты от врага увеличивается по мере увеличения количества вновь заболевших и также пропорционально уменьшается, а метафоры нападения на врага тесно связаны с показателем вновь выздоровевших. Стоит заметить, что метафорическая проекция с глаголом 打赢, которая является одной из вариаций метафорической импликации нападение на врага, стала активно использоваться в текстах новостей примерно с середины февраля, именно тогда, когда распространение вируса в Ухане вышло на так называемое плато.

Таким образом, образ коронавируса в СМИ КНР формируется посредством метафор войны, стихийного бедствия и страха. Вирус становится врагом, а борьба с ним – войной. При этом вирус – это стихийный враг, который вызывает страх и тревогу. Однако доминирование

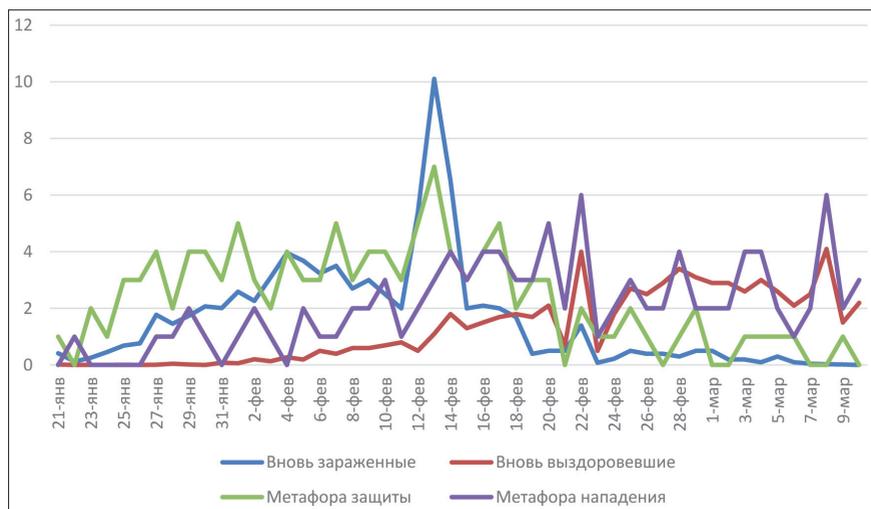

График 1. Распределение метафоры защиты и нападения в сравнении со статистическими данными по вновь заболевшим и вновь выздоровевшим

военных метафор создает модель вируса как врага, с которым можно и нужно бороться и побеждать.

Распределение метафорических импликаций военных метафор по дням в зависимости от количества заболевших и выздоровевших свидетельствует о прямой связи процесса создания образа от экстралингвистических факторов.

Выводы

Анализ метафорических образов коронавируса в китайских медиа не только в очередной раз продемонстрировал связь языка с реальной жизнью, но и позволил рассмотреть метафору войны как дискурсивную.

Результаты проведенного исследования в полной мере отражают когнитивно-дискурсивный взгляд на метафору, который формулируется в рамках теории дискурсивной метафоры [Hülse 2003; Walter, Helmig 2005]. Метафора в рамках медиадискурса одновременно отражает окружающую реальность и формирует взгляд на нее, так мы сталкиваемся с процессом категоризации явлений в сознании массового адресата, что приводит к реконструированию социальной реальности.

Таким образом, метафора в рамках дискурса становится социальным инструментом, который может быть эффективным способом формирования общественного мнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Camus J.* Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // *Discourse Stud.* 2009. Vol. 11. № 4. Pp. 465–495.
- Charteris-Black J.* Corpus approaches to critical metaphor analysis. Hampshire: Palgrave Macmillan Book Company, 2004.
- Hülse R.* Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für Int. Beziehungen.* 2003. Vol. 10. № 2.
- Kalinin O. I.* Virus Image in the Chinese Media: Comparative Analysis of Coronavirus and Ebola Metaphoric Representation // *Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication.* Moscow: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2020.
- Kövecses Z.* Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Kövecses Z.* Conceptual metaphor theory // *Routledge Handb. Metaphor Lang.* 2016. Pp. 13–27.

- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
- Larson B., Nerlich B., Wallis P.* Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species // *Sci. Commun.* 2005. Vol. 26. № 3. Pp. 243–268.
- Li W.* Rethinking Critical Metaphor Analysis // *Int. J. English Linguist.* 2016. Vol. 6. № 2. P. 92.
- Sandahl C.* Performing metaphors: AIDS, disability, and technology // *Contemp. Theatr. Rev. Perform. Disabil. Spec. Issue.* 2001. Vol. 11. Pp. 49–60.
- Simpson P., Mayr A., Statham S.* Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // *Language and Power.* Second edition. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2018a. Pp. 58–65.
- Simpson P., Mayr A., Statham S.* Critical Metaphor Analysis // *Language and Power.* Second edition. | Milton Park, Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2018b. Pp. 229–236.
- Trčková D.* Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers // *Top. Linguist.* 2015. Vol. 16. № 1. Pp. 29–41.
- Walter J., Helmig J.* Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors // *ECPR Granada Workshop Metaphors in Political Science,* 2005.
- Washer P.* Representations of SARS in the British newspapers // *Soc. Sci. Med.* 2004. Vol. 59. № 12. Pp. 2561–2571.
- Weiss G., Wodak R.* Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
- Wodak R., Meyer M.* Methods of critical discourse analysis. 2nd ed. London: Sage, 2009.
- Zinken J., Hellsten I., Nerlich B.* Discourse metaphors // *Discourse.* 2008. Pp. 1–25.

УДК 811.531

Е. В. Ким

преподаватель кафедры восточных языков,
переводческий факультет, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: elena_kim73@list.ru

СЛЕНГ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается молодежный сленг как языковой процесс, который развивается в качестве нестандартного языка внутри литературного. Молодежь представляет собой слой общества, языковой уровень которого во многом отражается на развитии разговорной речи и литературного языка. Часто мы оказываемся не готовы к повседневному общению или испытываем трудности при переводе различного рода кинофильмов, литературы, где используется нестандартная речь, отличающаяся от литературного варианта.

Ключевые слова: сленг; жаргон; секретное слово; экспрессия; заимствованная лексика; контаминация; метафора; мобильный сленг.

E. V. Kim

Lecturer, Department of Oriental Languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: elena_kim73@list.ru

SLANG IN THE SPEECH OF MODERN KOREAN YOUTH

The article considers youth slang as a language process that develops as a non-standard language within a literary language. Youth is a layer of society, the linguistic level of which is largely reflected in the development of colloquial speech and literary language. Often, we find ourselves not ready for everyday communication or experience difficulties in translating various kinds of films, literature, which use non-standard speech, which differs from the literary version.

Key words: slang; jargon; secret word; expression; borrowed vocabulary; contamination; metaphor; mobile slang.

Введение

В последние десятилетия происходят активные изменения словарного состава корейского языка, основными причинами которых является стремительная демократизация языка. Словарный состав корейского языка постоянно создается, изменяется, развивается за счет развития Интернета, информационных и коммуникационных устройств. Всё это фактически ускоряет темпы изменений не только

нашей жизни, но и нашего языка. Такие качества современной разговорной речи, как экспрессия, оригинальность, подвижность, некоторая социальная секретность привлекает многих ученых-исследователей.

Активное пополнение словарного запаса корейского языка за последние годы также происходит за счет внедрения нестандартной лексики, которая изначально использовалась при общении особых социальных групп. Так сленг стал постепенно проникать во многие сферы общественной жизни корейцев, и даже отдельные его элементы стали фиксироваться в словарях корейского языка.

В толковом словаре под редакцией И Хисына указывается, что сленг – то своего рода речевой шифр «*암호말*», который используется для того, чтобы другие нас не поняли [И Хисын 2004]. Ким Минсу описывает, что сленг – это особенные слова, которые используются между персоналом специализированного общества, сформированного из каких-либо социальных классов, профессий и групп [Ким Минсу 2007].

Отечественные лингвисты А. Д. Швейцер считает, что к сленгу относятся эмоционально окрашенные слова и устойчивые словосочетания, бытующие в разговорной речи и находящиеся вне пределов литературного языка [Швейцер 1963]. В. А. Хомяков полагает, что «относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социально речевая микросистема в просторечии, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами» [Хомяков 1971, с. 39].

Мнения корейских и отечественных исследователей приводят к тому, что сленг можно описать как нестандартный, но одновременно приближенный к литературного языка, содержащий экспрессию, некую закодированность, а также он является языковым продуктом представителей отдельных социальных и профессиональных группировок.

Говоря о сленге, следует отметить, что самой многочисленной группой, употребляющей данный слой лексики, является молодежь. Молодежь как социальная группа общества всегда активно и быстро «впитывает» любые изменения, происходящие в обществе.

Молодежный сленг в Корее неоднороден, он охватывает почти все сферы жизни человека. Сленг как правило сосредоточен на

отношениях с другими людьми. Часто бывает так, что сленг, используемый молодежью, становится неотъемлемой частью жизни даже взрослого поколения.

Е. Е. Матюшенко в автореферате отмечает, что «сленг является принадлежностью относительно открытых социальных групп молодых людей, объединенных общностью интересов, социального положения. Им владеют также образованные носители литературного языка, и его единицы часто встречаются в текстах современных литературных произведениях, языке СМИ, которые являются одним из главных источников распространения сленгизмов» [Матюшенко 2007, с. 10].

В качестве примеров, представленных в данной работе, послужили материалы, которые есть в учебных видеороликах на канале Youtube и образовательных интернет-сайтов [Slang 속어 (은어) URL; 25 Korean slangs you should know URL; Иванова URL; Мобильный сленг в корейском языке URL].

В корейской молодежной речи по частоте использования выделяются следующие сленговые выражения:

1. Сленговые выражения, образованные с помощью заимствованной лексики

Использование заимствованной лексики является одним из продуктивных способов образования сленгов. При создании новых сленговых выражений допускается корне сложение двух или более слов, при котором могут участвовать как заимствованные, так и корейские слова, а также возможны сокращения или добавления аффиксов. Рассмотрим несколько примеров:

에프킬러 (*англ.* killer F), *букв.* «убийца F», называют преподавателя, который часто ставит оценку F.

뉴비 (*англ.* newbie) – «новичок, неопытный игрок».

고고씽 (*고고* от *англ.* go go – «иди, иди» + *씽* – «звук или внешний вид очень быстро движущего человека») – «Пойдем!» или «Давай сделаем это!»

생얼 (*кит.* 생 (生) – «рождение» + 얼굴 – «лицо») – «лицо без макияжа», «естественная красота».

알바 (*нем.* arbeit – «работа») – «подработка».

2. Сленговые выражения, образованные с помощью сокращения

Как отмечают Т. М. Беляева и В. А. Хомяков, с точки зрения словообразовательных процессов нестандартной лексики встречается большое количество сленговых выражений, образованных способом контаминации [Беляева, Хомяков 1985]. То есть образование новых сленговых выражений происходит посредством сокращения нескольких слов, которые семантически мотивированы, в результате чего появляется новое значение. Рассмотрим следующие выражения:

엄친아 (엄마 친구의 아들 – «сын маминой подруги») – «примерный, прилежный маменькин сыночек».

까도남 (까칠한 도시 남자 – «высокомерный городской мужчина») – «богатый и успешный бизнесмен».

까치 (까다롭고 지시한 놈) – «капризное и высокомерное лицо».

금사빠 (금방 사랑에 빠지는 사람 – «человек, который быстро влюбляется») – «влюбчивый человек».

웃프다 (웃다 «смеяться» + 슬프다 «грустить») – «хочется смеяться и плакать одновременно».

돈까스 (돈을 벌어 카페에서 마구 쓰는 사람 – «заработавший деньги человек, небрежно тратит их в кафе») – «транжира».

뇌섹남 (뇌 «мозг» + 섹시 «сексуальный» + 남자 «мужчина») – «обаятельный, умный, красноречивый человек с юмором».

강아지 (강의 «лекция» + 아기 – «ребенок» + 지각 «опоздание») – «постоянно опаздывающий на урок ученик».

3. Метафорические сленговые выражения

Рассмотрим явление метафоризации, часто встречающееся в речи молодежи. В сборнике статей Н. Д. Арутюнова отмечает, что «в метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение, но в нем можно видеть и сокращенное противопоставление. В первом случае подчеркивается роль аналогического принципа в формировании

мысли, во втором – акцент переносится на то, что метафора выбирает самый короткий и нетривиальный путь к истине, отказываясь от обыденной таксономии» [Теория метафоры 1990, с. 18].

Метафора в современном молодежном сленге создает более точное представление описываемых особенностей предметов или явлений. «С помощью метафоры современная молодежь пытается связать понятия о предметах, явлениях одной области с понятиями другой области, используя накопленный опыт и личные эмоции, ощущения. Метафоризация всегда субъективна, поскольку свобода переноса зависит от воображения и жизненного опыта говорящего» [Матюшенко 2007, с. 18].

Так, в речи корейской молодежи можно встретить следующие выражения:

로알석 – «королевское место» (самое лучшее место в аудитории корейские студенты сравнивают с королевским тронem).

우유 학점 – «молочная оценка», означает среднюю оценку 3.4 балла (данный балл сравнивается с процентом жирности молока – 3.4%).

지게 – «балл А» (традиционная корейская деревянная носилка для груза, которую носили на спине, выглядела в виде буквы 'A').

초생달 – «балл С» (букву С сравнивают с формой луны).

메뚜기 – «прыгающий с места на место студент, который не мог найти свободное место в библиотеке» (сравнение с прыгающим кузнечиком).

На основе данных примеров можно сказать, что с помощью метафорического переноса создается новое яркое сленговое выражение, которое дает оценку предмета или явления. Использование метафоры создает образно-эмоциональный фон речи.

4. СМС-сленг

Еще один из немаловажных факторов, который влияет на словарный состав корейской молодежи, это динамичное развитие в Корее высокоразвитой системы информации, а именно – использование мобильных телефонов, Интернета, общей коммуникационной связи. В связи с чем в современной корейской речи выделяется еще один огромный лексический пласт – «СМС-сленг».

Чтобы сэкономить время при наборе и место в сообщении в корейских СМС наблюдается процесс сжатия. Например:

짐 (от слова 지금) – «сейчас»; 쌤 (от слова 선생님) – «учитель»;
비번 (от выражения 비밀 번호) – «секретный номер».

Также экономия времени влияет на графическое написание СМС-сленга. Целое слово записывается только буквами, с которых начинается каждый слог исходного слова. К примеру, для передачи значения 감사 – «благодарность», записывается следующими буквами ‘ㄱ ㅅ’; 수고 – «благодарность за работу» записывается ‘ㅅ ㄱ’.

Также сами сленговые слова, образованные с помощью английских заимствований, могут записываться в виде алфавитных букв, по принципу первая буква каждого слога: сленг 오키 (от *англ.* ok) – «все в порядке, отлично» записывается как ‘ㅇ ㅋ’; сленг 노노 (от *англ.* no no) – «нет-нет» записывается как ‘ㄴ ㄴ’; 바이바이 (от *англ.* bye bye) – «пока-пока» записывается как ‘ㅂ ㅂ’.

Еще одним из основополагающим принципом для СМС-текста является фонетический принцип, т. е. здесь происхождение нового слова дается по принципам произношения исходного слова, орфографическое написание при этом не учитывается. Например, слово 어떨게 – «как?» записывается фонетически приближенным 어케; слово 반갑다 – «быть радостным» записывается как приближенное по произношению 방아.

Повышенная степень сопутствующей сообщению эмоции передается определенным количеством символов. Например:

^^; – «потеть»;	^ _ ~ – «подмигивать»;
+ _ + – «удивляться»;	- _ - – «серьезный»;
^ ^ – «счастливый»;	*^^* – «стесняться» и т. д.

Из рассмотренных выше примеров, можно сделать вывод, что лексические особенности СМС-сленга во многом связаны с их графическими особенностями, что, в свою очередь, сопряжено с особенностями общения молодых людей в социальных сетях.

Заключение

Рассмотренные в данной статье сленговые группы объединяет большое количество сокращений и аббревиаций. Несмотря на то, что

подобные сокращения ведут к нарушению лексических норм корейского языка, в лексическом составе молодежного сленга можно выделить следующие факторы, характеризующие речь молодежи: оригинальность, новизна, краткость, образность и остроумие.

Для молодых людей в период взросления их собственная внешность и внешность окружающих являются очень важными. В связи с этим речь молодежи изобилует сленговыми выражениями, обладающими высокой степенью оценочности.

Также на создание сленговых выражений среди молодежи влияют психологические стороны, такие как эмоциональность, стремление к свободе и самовыражению и т. п. По мнению Т. А. Соловьевой использование сленга в речи молодежи – это своего рода протест запретам, которые диктуются обществом. Таким образом, «ломающая» языковые стандарты молодые люди стремятся к свободе и самовыражению [Соловьева 1961].

В заключение хотелось бы отметить, что вопрос изучения сленга в целом, используемый в любой сфере, обусловлен неоднородностью и многогранностью с точки зрения понятия. Поэтому при понимании или переводе сленговой речи следует учитывать особенности контекста, в котором они употребляются. Вопросы языкового изменения, понимания и анализ сложившейся ситуации является одной из важных проблем, стоящих не только перед современной корейской лингвистикой, но и перед переводоведением. Поэтому исследование особенностей функционирования сленга не только в молодежной среде, но и в самом обществе является актуальным вопросом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. Ленинград: ЛГУ, 1985. [Belyaeva, T. M., Khomyakov, V. A. (1985). *Nestandardnaja leksika anglijskogo jazyka* (Non-standard English vocabulary). Leningrad: LGU. (In Russ.)].
- Иванова А. Корейский сленг: 20 слов, которые пригодятся в переписке с носителем (Ivanova, A. Korean slang: 20 words that are useful in correspondence with a carrier). URL: <http://petitepolyglot.com/корейский-сленг-20-слов-которые-пригод/> (дата обращения: 29.05.2020).
- И Хисынъ. Большой словарь корейского языка. Сеул: Минджунъсогван, 2004. (이희승. 국어대사전. 서울: 민중서관, 2004). [I Hisyng. (2004). *Bol'shoj*

- slovar' korejskogo jasyka* (Korean Dictionary). Seoul: Mindzhungsogvan. (In Korean)].
- Ким Минсу. Новое корейское языкознание. Сеул: Ильджогак, 2007. (김민수. 신국어학. 서울: 일조각, 2007). [Kim Minsu (2007). *Novoe korejskoe jazykoznanie* (New Korean linguistics). Seoul: Iljogak. (In Korean)].
- Матюшенко Е. Е. Современный молодежный сленг: формирование и функционирование: автореф. диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Волгоград, 2007. [Matyushenko, E. E. (2007). *Sovremennyj molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie*. (Modern youth slang: formation and functioning): author. dis. for the degree of Cand. filol. sciences. Volgograd. (In Russ.)].
- Мобильный сленг в корейском языке (Mobile slang in Korean). URL: <https://yandex.ru/images/search?text=мобильный%20сленг%20в%20корейском%20языке&stypе=image&lr=10758&noreask=1&source=wiz> (дата обращения: 30.05.2020).
- Соловьева Т. А. К проблеме сленга // Вопросы лексикологии английского, немецкого и французского языков. 1961. № 4. С. 117–126. [Solovieva, T. A. (1961). K probleme slenga. (To the problem of slang). *Voprosy leksikologii anglijskogo, nemeckogo i francuzskogo jazykov*, 4, 117–126. (In Russ.)].
- Теория метафоры: сборник / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. [Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (eds.). (1990). *Teorija metafory* (Theory of Metaphor): collection. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда: Областная типография, 1971. [Khomyakov, V. A. (1971). *Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija* (Introduction to the study of slang – the main component of English vernacular). Vologda: Oblastnaja tipografija. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Высшая школа, 1963. [Schweizer, A. D. (1963). *Ocherk sovremennogo anglijskogo jazyka v SShA* (Essay on Modern English in the USA). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].
- 25 Korean slangs you should know. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bgFr9xDs29I> дата обращения: 29.05.2020).
- Slang 속어 (은어). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mLXkNDdCaaE> (дата обращения: 28.05.2020).

УДК 81.255.4

Ло Мэн

преподаватель факультета русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, КНР; e-mail: luom999@mail.ru

ПРАГМАТИКА РУССКО-КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ТЕОРИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Статья посвящена вопросам прагматики перевода в свете теории релевантности. В работе показаны основные процедуры прагматических умозаключений с точки зрения теории релевантности. На примере текстов перевода с русского на китайский язык предложены решения, помогающие переводчику в поиске нужных допущений для выведения прагматических умозаключений, и подчеркивается необходимость умения распознавать лакуны в памяти и сознании читателей текста перевода для успешной передачи исходных прагматических значений.

Ключевые слова: умозаключение; прагматические значения; теория релевантности; лакуна.

Luo Meng

Lecturer at the Russian Department
of Sichuan International Studies University, China;
e-mail: luom999@mail.ru

THE PRAGMATICS OF RUSSIAN-CHINESE TRANSLATION IN THE LIGHT OF THE RELEVANCE THEORY

The article is devoted to pragmatic issues in translation from the standpoint of the relevance theory. The article shows the main procedures of the pragmatic inference in terms of the relevance theory. On the example of Russian-Chinese translations the article suggests the solutions that may help translator in finding the right assumptions for pragmatic inference and emphasizes the need for the ability to recognize gaps in the memory and consciousness of readers of the translation text for the successful transfer of initial pragmatic meanings.

Key words: inference; pragmatic meanings; relevance theory; lacuna.

Введение

Переводчик не может справиться со своей работой без учета прагматических факторов перевода. Как правильно отметил В. Л. Комиссаров, изучение прагматических аспектов перевода составляет одну из центральных задач теории перевода [Комиссаров 2011, с. 137]. Прагматическое значение определяется как отношение между знаком

и человеком (точнее, человеческим коллективом), пользующимся данным знаком [Бархударов 1975, с. 106]. Как указывал Комиссаров, знаки языка могут производить на людей определенное впечатление, оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию. Способностью оказывать на читателя или слушателя определенное прагматическое воздействие обладает и любое высказывание, и любой текст [Комиссаров 2011, с. 136]. Поэтому в процессе перевода как межъязыковой коммуникации прагматические значения встречаются довольно часто, и на их передачу переводчик не может не обращать особого внимания.

При передаче прагматических значений первая задача, которая встает перед переводчиком, заключается в том, как правильно понять, т. е. «уловить» прагматические значения конкретных высказываний в оригинальном тексте. Хорошую возможность дать ответ на данный вопрос, с нашей точки зрения, предоставляет теория релевантности, созданная учеными Дирдре Уилсон и Даном Спербером, иначе говоря, теория когнитивной прагматики. Цель и задача данной работы заключаются в показе основных процедур прагматических умозаключений и предложении решений, помогающих переводчику в поиске нужных допущений для выведения прагматических умозаключений с точки зрения теории релевантности.

Краткий обзор теории релевантности

Для дальнейшего изложения следует определить, что такое релевантность, и что теория релевантности понимает под прагматическими значениями. Согласно данной теории, в любой конкретный момент информация, сообщаемая индивиду, представляет собой множество допущений (assumptions), «сконструированных» данным индивиду в когнитивном контексте, при этом «некоторое допущение является релевантным в определенном контексте тогда и только тогда, когда оно имеет в данном контексте какой-либо контекстуальный эффект» [Sperber 2012, с. 122].

С позиции теории релевантности перевод по сути представляет собой динамическую остенсивно-инференционную коммуникативную деятельность. Данная деятельность касается трех сторон коммуникаторов: автора текста оригинала, переводчика и читателей текста перевода. С этой точки зрения, перевод состоит из двух

этапов остенсивно-инференционных процессов. Переводчик является культурно-языковым посредником и ему приходится участвовать в двойной коммуникативной деятельности. С одной стороны, переводчик как читатель исходного текста должен коммуницировать с автором оригинала, понять его информативную и коммуникативную интенции, добиться оптимальной релевантности. А с другой – переводчику в качестве автора текста перевода необходимо коммуницировать и с читателями текста перевода. Ему нужно передать коммуникативно релевантную информацию, включающую информативную и коммуникативную интенции и по возможности соответствующую информации в оригинале, чтобы читатели текста перевода нашли оптимальную релевантность. Поэтому можно сказать, что в переводческой деятельности кардинальная задача переводчика заключается в поиске оптимальной релевантности между когнитивным контекстом оригинала и когнитивным контекстом перевода, в поиске и воспроизведении коммуникативно релевантных допущений. «Умение отличать коммуникативно релевантную информацию от нерелевантной является одним из ключевых умений профессионального переводчика» [Бузаджи 2011]. С точки зрения процесса перевода деятельность переводчика является посредническим действием. Переводчик, с одной стороны, «должен затратить когнитивные усилия, найти оптимальную релевантность текста оригинала и таким образом «сконструировать» познание и понимание оригинала. А потом, с другой стороны, переводчик должен передать читателю текста перевода такое познание и понимание лучшими способами» [朱燕 2007, с. 9].

Очевидно, что для переводчиков следующий вопрос заключается в том, как выводить коммуникативно релевантную информацию (далее – КРИ) в качестве прагматических значений и как их следует воспроизводить в тексте перевода.

Процесс прагматической инференции в свете теории релевантности

При понимании КРИ в исходном тексте переводчику помогает прагматическое умозаключение, выдвинутое теорией релевантности. Как отметили авторы теории релевантности, в процессе образования допущений главную роль играет недоказательное дедуктивное

умозаключение [Sperber 1995, с. 83]. По их мнению, в сознании человека работает автоматическое машинальное дедуктивное устройство, с помощью которого объединяются допущения от вводимой системы и допущения от памяти. Это устройство таким образом выводит новые допущения, в том числе и КРИ. Если в таком процессе обработка допущения A выводит допущения B , C , D и др., и в конкретный момент допущение B является самым релевантным, то B можно рассматривать как конечный вывод или посылку для нового раунда умозаключения, которое может вывести другое релевантное допущение E . Таким образом, образуется процедура прагматического умозаключения: $A \rightarrow B \rightarrow E$ [蒋冰清 2008, с. 47]. Рассмотрим пример:

Коля: Пойдем в кино завтра утром?

Лена: У меня будет экзамен.

Услышав речь Лены, Коля сначала декодирует ее высказывание, расширит логические формы и получит эксплицитно выраженную информацию «У меня (у Лены) будет (действие в будущем времени, здесь означает *завтра*) экзамен (итоговая форма оценки знаний в вузах)». Затем на основе этой экспликации Коля извлечет из когнитивного контекста набор других соответствующих допущений, в который могут входить:

- a. *Лена завтра будет сдавать экзамен.* (Экспликация из расширенных Колей логических форм.)
- b. *Я приглашаю Лену завтра утром посмотреть фильм.* (Остенсивное действие, тоже допущение в его когнитивном контексте).
- c. *Если два мероприятия проводятся в разных местах, но одновременно, то для одного человека эти два мероприятия противоречивы по времени.* (Энциклопедическое знание в памяти).
- d. *Обычно человек выбирает из двух противоречивых по времени мероприятий более важное для участия в нем.* (Энциклопедическое знание в памяти).
- e. *Обычно сдавать экзамен важнее, чем смотреть фильм.* (Энциклопедическое знание в памяти).

...

Объединяя допущения b , c , d в процессе обработки, Коля может пройти через следующие этапы умозаключения:

Первый этап

Большая посылка: если два мероприятия проводятся в разных местах, но одновременно, то для одного человека эти два мероприятия противоречивы по времени.

Малая посылка: я приглашаю Лену завтра утром посмотреть фильм, но у Лены в это же время будет экзамен.

Вывод: фильм и экзамен противоречивы по времени.

Таким образом, Коля получит новое допущение f «*Фильм и экзамен противоречивы по времени*», которое можно рассматривать как посылку для следующего этапа умозаключения:

Второй этап

Большая посылка: обычно человек выбирает из двух противоречивых по времени мероприятий более важное для принятия в нем участия.

Малая посылка: Фильм и экзамен противоречивы по времени, и сдавать экзамен в данный момент важнее, чем смотреть фильм.

Вывод: Лена будет сдавать экзамен, и поэтому отказалась от фильма.

В результате второго этапа умозаключения Коля получит новое допущение – g «*Лена не будет смотреть фильм*». Таким образом, мы проследили, как Коля с помощью информации «*Завтра у Лены будет экзамен*» выведет имплицитно выраженную информацию «*Лена отказалась от фильма*». Данная информация, безусловно, принадлежит к числу прагматических значений, имплицитно выраженных говорящим.

Надо отметить еще интересное открытие, сделанное китайским ученым Цзэн Фаньгуем. По его наблюдению, процедура инференции, показанная теорией релевантности, схожа с абдукцией [曾凡桂 2004, с. 6], выдвинутой основоположником прагматизма и семиотики Ч. С. Пирсом. Абдукция – это познавательная процедура принятия гипотез. Она представляет вид редуктивного вывода с той особенностью, что из посылки, которая является условным высказыванием, и заключения вытекает вторая посылка.

Инференционный процесс заканчивается в момент максимизации релевантности, когда одновременно заканчивается и процесс понимания адресатом высказывания адресанта. На самом деле максимизация релевантности получается тогда, когда вывод из умозаключения удовлетворяет ожидание релевантности слушающим [Sperber 1995].

Из изложенного выше становится понятно, что удачное умозаключение и результативное понимание КРИ и прагматических значений в том числе обеспечиваются именно существованием у рецепторов в памяти или в сознании нужных, иногда фоновых, допущений, которые могут служить посылками для дедукции или гипотезами для абдукции.

Что касается выведения прагматических значений при переводе русских текстов на китайский язык, то переводчику нельзя не обращать достаточного внимания на часто встречаемое отсутствие у китайских читателей фоновых знаний в памяти и необходимых допущений для умозаключения. Как указывал Л. С. Бархударов, обычной является ситуация, при которой экстралингвистическая информация, имеющаяся в распоряжении носителей исходного языка (далее – ИЯ) и переводящего языка (далее – ПЯ), не совпадает – т. е. «фоновые знания» людей, говорящих на ИЯ и на ПЯ, оказываются различными. В результате этого многое, понятное и очевидное для носителей ИЯ, оказывается малопонятным или вообще непонятным для носителей ПЯ, и наоборот [Бархударов 1975, с. 125]. А. Д. Швейцер также отмечал, что обусловленное этнографическими различиями отсутствие тех или иных ассоциативных связей приводит к расхождениям в семантической структуре слова, т. е. к отсутствию у него некоторых коннотативных значений [Швейцер 1973, с. 242]. С точки зрения теории релевантности такое обусловленное этнографическими различиями отсутствие тех или иных релевантных значений приводит к затрате большего когнитивного усилия и получению меньшего контекстуального эффекта.

Важные аспекты в релевантной инференции прагматических значений при русско-китайском переводе

Между китайским и русским этносами, безусловно, есть огромная разница в традициях, культуре, менталитете, образе языкового мышления и пр. На основе анализа текстов перевода и исходя из нашего опыта в переводческой деятельности имеем основания полагать, что переводчик, занимающийся русско-китайским переводом, при поиске возможных лакун в памяти китайских читателей должен учитывать, по крайней мере, следующие четыре аспекта, где переводчику нужно обращать особое внимание на умозаключение прагматических значений.

1. Первый аспект связан с личностью пользователей языка. Он касается как социального статуса, ситуативной роли, эмоции в конкретный момент, качества и образованности говорящих, так и отношений между коммуникантами. Все эти свойства отражаются в языке как варьирование и проявляются на всех уровнях языка: в своеобразном акценте и интонационных особенностях, употреблении характерных слов и фразеологических оборотов, морфологических форм или синтаксических конструкций [Германов 2008, с. 35]. Можно сказать, речевые выражения, произнесенные коммуникантом в определенной ситуации, довольно часто приносят в сознание адресата коммуникации больше релевантных допущений, нежели приносят обычные нейтральные выражения. Именно эта превышенная часть допущений обычно понимается как прагматические значения в качестве КРИ. Например (см. примеры 1–2).

Пример 1

Оригинал Читай! Вот что надумал твой **сынок**, любуйся!

Перевод 读读吧! 这就是您那**宝贝儿子**想出来的**馊主意**, 你欣赏去吧
(*досл.* Читай! Вот эта **нелепая идея**, что твой **любимый сын** придумал, полюбуйся!)

Пример 2

Оригинал **Вот уж гостенька так гостенька**. Забыли вы нас, забыли, Раиса Ниловна

Перевод 您这客人可是**稀客**啊, 您把我们忘了, 把我们忘了, 拉伊萨·尼洛芙娜 (*досл.* Вы уж для нас такой **редкий гость**, забыли нас, совсем забыли, Раиса Ниловна)

В примере 1 представлено предложение из фильма «Иван Бровкин на целине». Учитывая отношения между коммуникантами в данный конкретный момент коммуникации (председатель колхоза обиделся на сына колхозника), русские читатели после умозаключения могут вывести и понять, что уменьшительно-ласкательное слово «сынок» в этой ситуации никакого ласкового, нежного и дружеского смысла не имеет, а выражает ироническое значение. Поэтому в тексте перевода для того чтобы китайские читатели могли вывести

такой иронический контраст и достигнуть оптимальную релевантность, переводчик не только выбрал уменьшительно-ласкательное выражение 宝贝儿子, но и добавил выражение 馊主意 «прокисшая» идея, которое означает дурацкую идею. «Сконструировав» допущение «любимый сын придумал дурацкую идею» в сознании, читатели могут понять, что выражением «любимый сын» говорящий здесь передает иронию, а вовсе не положительно отзывается об этом молодом человеке. А в примере 2, напротив, русское ласкательное слово «гостенька» релевантно со значением «умиленность» и в этой ситуации выражает радостное настроение. Поэтому, чтобы читатели текста перевода после умозаключения могли вывести оптимально релевантное допущение, переводчик также нашел в китайском языке словосочетание 稀客 редкий гость, которое не только связано с гостеприимством и означает ожидаемого, желанного человека, но и одновременно постоянно в китайском языке употребляется со словом 客 (гость).

2. Второй аспект, который, по нашему мнению, переводчику следует учитывать при умозаключении, можно считать культурным фоном. В этот аспект также включены многие элементы знаний, таких как традиция, менталитет, обычаи и др., которые существуют только в памяти читателей исходного языка и не приносят читателям переводящего языка правильную релевантность. Поэтому для читателей перевода отсутствие этих допущений во время умозаключения, естественно, приводит к неудаче в умозаключении и, таким образом, к непониманию прагматических значений. Например (см. примеры 3–5).

Пример 3

Оригинал – Разрешите представить нашу **Надежду, веру и всеобщую любовь**.
– Как, сразу три имени? Очень приятно. Ульянов.

Перевод “我来介绍一下，这位就是我们的娜杰日达，我们的维拉，我们的柳博芙，也就是我们的希望，我们的信仰，我们的博爱” (досл. Это наша Нацзежида, наша Вэйла, наша Любофу, то есть наша надежда, наша вера, наша всеобщая любовь).
“怎么，一下子三个名字？很高兴认识您，乌里扬诺夫” (досл. Как, сразу три имени? Очень рад знакомству. Ульянов)

Пример 4

- Оригинал* Поставишь на лавку зеркало, перед ним зажжешь свечку и глядишь, глаз не отрываючи...
- Перевод* 把镜子放在凳子上, 镜前点支蜡烛, 别眨眼, 盯着看, **就会看到你未来的对象** (досл. Поставишь на лавку зеркало, перед ним зажжешь свечу, глядишь, глаз не отрывая, **и увидишь твоего будущего жениха**)

Пример 5

- Оригинал* Начальник штаба развел руками.
- Перевод* 参谋长把双手一摊, **显出无可奈何的样子** (досл. Начальник штаба развел руками, **показывая всем видом, что ничего тут не поделаешь**).

Видно, что в примере 3 китайские читатели могут не понять, почему здесь «一下子三个名字» («сразу три имени»). Если они в процессе умозаключения не знают произношения и символических значений русских имен Надежда, Вера и Любовь, сколько когнитивных усилий бы они ни затратили на умозаключения, им не удастся получить оптимальную релевантность. Подобно этому, в примерах 4 и 5 прагматические значения исходных текстов также могут быть непонятны. В России же всем известно, что представляет собой традиционное рождественское гадание на суженого перед зеркалом, поэтому исходную фразу на русском языке можно не заканчивать – русским читателям и так всё понятно. И выражение «развел руками» в России понятно всем – это традиционный жест, показывающий, что «ничего не могу поделать, не знаю, как быть» и т. п., поэтому и эту исходную русскую фразу можно не продолжать, смысл и так понятен русскому читателю. Однако китайскими читателями оптимальная релевантность может быть не достигнута, если у них отсутствуют для умозаключения знания-допущения соответственно о рождественских гаданиях, о значении выражения с помощью жестов.

3. Третьим аспектом, на который переводчик также должен обращать внимание, следует назвать логику жизни. Под логикой жизни в данном случае подразумевается образ мышления, моральные ценности, привычные, устойчивые обороты речи, которые, разумеется,

в значительной мере не совпадают в русском и китайском языках (см. примеры 6–7).

Пример 6

- Оригинал* В Царство-то Небесное не широко растворены ворота. Иной хоть и раб, а милость Божья не покроеет его.
- Перевод*天国的大门并没有完全敞开，**要进去是不容易的**。尽管是奴隶，**没有积德**，上帝的仁慈也不会降临到他身上 (до сл. Врата в Царство Небесное не распахнуты, **войти нелегко**. Пусть даже и раб, но **если добрых дел не делал**, то милость Божья не покроеет его)

Пример 7

- Оригинал* Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор
- Перевод*无产阶级文化并不是从天上掉下来的，也不是那些自封的无产阶级文化专家们杜撰出来的。**如果硬要这样说**，那完全是一派胡言 (до сл. Пролетарская культура не с неба свалилась и не является выдумкой тех, кто выдает себя за специалистов по пролетарской культуре. Если кто-то **настаивает, что это так**, то это полная чушь)

В примере 6 показано, что при переводе этой фразы на китайский язык переводчик добавил выражение «если не делал добрых дел». Дело в том, что большинству китайцев исходная фраза без этого добавления будет совершенно непонятной. Китайцы бы задали такой вопрос: «В Царство Небесное не широко растворены ворота, ну и что? И почему милость Божья не покроеет раба?». В сознании большинства китайских читателей, не знакомых с Библией и не знающих, что в рай, согласно христианскому учению, попадают лишь рабы Божьи, совершавшие в жизни добрые дела, отсутствуют допущения, существующие в сознании русских читателей и могущие служить логическими основаниями для умозаключения. Поэтому при переводе такого текста оригинала переводчику необходимо добавить соответствующие релевантные допущения.

Относительно фразы в примере 7 китайские читатели бы спросили: «Если верно, что “пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда... и т. д.”, то почему последующая фраза выглядит как “Это все сплошной вздор”»? Как это понять?» Русскому читателю здесь всё понятно, но по-китайски так нельзя сказать. Вот почему, чтобы уменьшить у китайских читателей затраты когнитивных усилий и облегчить процесс умозаключения, переводчик добавил допущение в качестве посылки (если кто-то настаивает, что это так).

4. Четвертый аспект, который, по нашему мнению, стоит учитывать переводчику с русского языка на китайский язык при поиске возможных отсутствующих допущений у читателей перевода, – это формальные языковые особенности: графические и просодические, в том числе характеристики письменности, порядок слов, характерное произношение, интонацию и др. Обратимся к следующим таблицам (см. примеры 8–9).

Пример 8

Оригинал Я иду с мечем судия.

Перевод 上海自来水来自海上
(*досл.* Водопроводная вода в Шанхае берется из моря)

Пример 9

Оригинал С начальством поговорю

Перевод 我找领导说去 (*досл.* Я поговорю с начальством)

В примере 8 в русской фразе мы видим палиндром, т. е. текст, одинаково читающийся в обоих направлениях. При переводе на китайский язык переводчик также подобрал палиндром 上海自来水来自海上 (водопроводная вода в Шанхае берется из моря): в этой фразе иероглифы следуют в одинаковой последовательности как слева направо, так и справа налево. В данном случае переводчик остроумно использовал то единственное общее, что есть у алфавитной и иероглифической письменностей, а именно – следование письменных знаков (букв или иероглифов) друг за другом.

Следует отметить, что порядок слов в русском предложении гораздо свободнее, чем в китайском. В русском языке различным

порядком слов в предложении можно выразить различные прагматические значения, как, например, в примере 9. В отличие от обычного порядка слов: «я поговорю с начальством», в данной оригинальной фразе («с начальством поговорю») имплицитно и акцентированно выражается прагматическое значение «я не боюсь, я полон решимости, я готов лично обратиться к начальнику».

В китайском же языке наличествует жесткий порядок слов в предложении, структура предложения «подлежащее – сказуемое – дополнение» есть незыблемая основа грамматики китайского языка. Поэтому при переводе исходной русской фразы на китайский язык переводчик не может прибегнуть к тому же способу передачи прагматической информации – перестановке членов предложения, он должен добавить лексические единицы, чтобы передать эту коннотацию – решительное настроение.

Заключение

Из вышесказанного видно, что для успешной передачи исходных прагматических значений переводчику нужны не только рациональное умозаключение в научной процедуре, широкий кругозор и запас знаний, но также необходима способность к распознаванию возможных лакун в памяти и сознании читателей текста перевода. Для переводчиков, занимающихся русско-китайским переводом, особенно важным и эффективным является анализ существования лакун в аспектах личности, культуры, логики и особенностей языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. [Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod* (Language and Translation). (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)].
- Бузаджи Д. М.* К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. 2011. № 2 (30). М.: Р.Валент, 2011. С. 44–55. [Buzadzhi, D. M. (2011). K voprosu ob opredelenii ponyatiya «perevod» (On the problem of «translation» definition). *Mosty*, 2(30), 44–55 (In Russ.)].
- Германова Н. Н.* Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте: учебное пособие. М.: Рема, 2008. [Germanova, N. N. (2008). *Vvedenie v yazykoznanie. Yazyk v sotsiokul'turnom kontekste*. (Introduction to linguistics. Language in a sociocultural context). Textbook. Moscow: Rema. (In Russ.)].

- Комиссаров В. Л.* Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 2011. [Komissarov, V. L. (2011). *Sovremennoe perevodovedenie*. (Modern translation studies, 2nd ed.). Moscow: R. Valent. (In Russ.)].
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. [Shveitser, A. D. (1973). *Perevod i lingvistika*. (Translation and linguistics). Gazetno-informatsionnyi i voenno-publitsisticheskii perevod. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)].
- Sperber D., Wilson D.* Meaning and relevance. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1995.
- Sperber D., Cara F. and Girotto V.* Relevance theory explains the selection task. Cognition. 1995. Vol. 57. URL: <http://www.dan.sperber.fr/wp-10content/uploads/2009/09/SperberCaraGirotto.pdf>.
- Jiang Bingqing.* Interpretation of Relevant Pragmatic Inference. Journal of Inner Mongolia University for Nationalities. 2008. Vol. 14, No. 5006. Pp. 46–48 (In Chin.).
- Zeng Fangui.* On the Retroactive Features of Pragmatic Inference in Relevance Theory. Foreign Languages and Foreign Languages Teaching. 2004. Vol. 05. Pp. 6–9 (In Chin.).
- Zhu Yan.* Research on Relevance Theory and Stylistic Translation. Changsha: National Defense University Press, 2007. (In Chin.).

УДК 81'25

Д. В. Мавлеева

старший преподаватель кафедры восточных языков,
переводческий факультет, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: selezneva_dv@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Исследования в области терминологии – важное направление исследований в современной лингвистике. В условиях активного развития науки и техники идет непрерывное пополнение терминологических систем. В первую очередь это касается специальной терминологии и специального перевода. Терминам предъявляются определенные требования, такие как однозначность, независимость от контекста, ограничение явлений синонимии. Однако очень часто в своем функционировании термины отклоняются от данных требований, что также вызывает определенные трудности при переводе.

Ключевые слова: военный перевод; терминология; термин; терминологические дублеты; адекватность перевода; специальный текст.

D. V. Mavleeva

Senior lecturer, Department of Oriental languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: selezneva_dv@mail.ru

ABOUT CERTAIN PECULARITIES OF MILITARY TERMS TRANSLATION FROM KOREAN INTO RUSSIAN

Terminological studies are an important branch of modern linguistics. It is due to the dynamic character of language vocabulary. It is also true for special terminology and special translation. There are different requirements for terms: monosemy, independence from the context, limited number of synonyms. However, in their functioning terms often deviate from these norms. It causes certain difficulties for translators and interpreters.

Key words: military translation; Korean literature; terminology; term; terminological dublets; translation adequacy; special text.

Введение

Исследования в области терминологии – важное направление в современной лингвистике. Это можно объяснить ростом значимости терминологии в языке, что вызвано динамичным развитием науки и увеличением количества новых понятий, требующих новых

номинаций, а также недостаточной изученностью процессов формирования, развития и функционирования терминов [Похолкова 2007].

В условиях активного развития науки и техники идет непрерывное пополнение терминологических систем. Вместе с появлением новых реалий, появляются и новые термины. В первую очередь это касается специальной терминологии и специального перевода. Одним из подвидов специального перевода является военный перевод.

Перевод специальных текстов представляет для переводчиков особую сложность. Л. Л. Нелюбин пишет: «Трудности при переводе специальных текстов, насыщенных специальными терминами, могут возникать как на этапе анализа формы терминологической единицы и ее соотнесения с содержанием заложенного в ней понятия, так и при подборе переводного эквивалента. Затруднения возникают и в случае интерференции родного и иностранного языков, невозможности полноценного анализа формы термина, если она является чужеродной для ИЯ или имеет сложную структурную организацию» [Нелюбин 2013, с. 115–116].

Важнейшей стадией процесса перевода является переводческая интерпретация. Как пишет Э. Н. Мишкуроев и М. Г. Новикова, переводческая интерпретация «трансдисциплинарно тесно связана процедурами и результатами предпонимания и понимания авторского текста и последовательно реализуется на их основе [Мишкуроев, Новикова 2020, с. 242].

Одной из причин сложности перевода терминов являются отличия в терминообразовании разных языков. На процессы терминообразования оказывают влияние внутриязыковые и экстралингвистические факторы. К внутриязыковым факторам можно отнести типологические особенности языков, их устройство. Так, корейский язык и русский язык не схожи в типологическом отношении, что неизменно находит отражение и в терминах. Перевод и сравнительная типология тесно связаны и взаимодействуют между собой. Л. С. Бархударов пишет, что «теория перевода и есть научно-обоснованное сопоставление систем двух языков [Бархударов 1975]. К экстралингвистическим факторам можно отнести особую военно-политическую ситуацию на Корейском полуострове, военно-политическое сотрудничество РК с США, что способствует большому количеству терминов – фонетических адаптаций из английского языка.

К терминам предъявляются определенные требования, такие как однозначность, независимость от контекста, ограничение явлений синонимии, омонимии, метафоричности. Особенно это важно для специальных текстов. Однако очень часто в своем функционировании термины отклоняются от данных требований, что также вызывает определенные трудности при переводе. Так, для терминов корейского языка очень характерно явление синонимии и омонимии.

Военные термины, являясь частью военной терминосистемы того или иного языка, напрямую зависят от степени упорядочения последней. В Республике Корея реализуются большие проекты по упорядочиванию терминологий различных специальных сфер. В 2016 г. вышла работа Им Иксуна, посвященная терминам, обозначающим понятия двойного назначения – гражданского и оборонного. Ученый обращает внимание на следующие недостатки данной терминосистемы корейского языка: неправильная передача фонетических адаптаций из английского языка; наличие японизмов – терминов, пришедших из японского языка в колониальный период; наличие сложных синокорейских терминов [Им Иксун 2016].

Материалом для данного исследования послужили специальные военные тексты, взятые с официального сайта Министерства обороны РК; из газеты Кукпань ильбо – официальной газеты Министерства обороны; из официального сборника вооружения и техники ВС РК за 2016–2017 гг. *한국군 무기연감 Defense Times*; а также из других изданий и публикаций, посвященных военной тематике.

В рамках исследования рассматриваются наиболее часто употребляемые лексические единицы, семантическая наполненность которых в двух языках не полностью совпадает, выявляются и объясняются возможные причины, вызвавшие данные несоответствия, далее дается сравнительный анализ семантической наполненности этих единиц и возможные трудности, с которыми может столкнуться переводчик при работе с данным материалом.

Анализ перевода военных терминов с корейского языка на русский. Экспериментальное исследование

Правильно перевести тот или иной термин в конкретном контексте помогает использование компонентного анализа, выявление иерархической зависимости терминов, их видовой и родовой принадлежности,

проникновение во всю глубину обозначаемого понятия. Рассмотрим несколько примеров.

Термин 로켓 [рокет] в корейском языке может иметь следующие переводческие соответствия в русском языке:

- 1) неуправляемая ракета (в оппозиции к термину 미사일 [мисайль] «управляемая ракета»). Стоит заметить, что оба термина являются фонетическими адаптациями из английского языка.

발사속도: 로켓 – 40초당 12발 / 미사일 – 10초당 2발 (из ТТХ РСЗО MLRS M270).

Скорострельность: 12 неуправляемых ракет за 40 с., 2 управляемые ракеты за 2 с.

- 2) ракетный двигатель – в данном случае это будет сокращенный вариант от полного 로켓 엔진 [рокет енчин].

탄도미사일은 주로 로켓을 엔진으로 쓰는데, 로켓은 순간적으로 큰 힘을 낼 수 있지만 오랜 시간 작동하게 만들 수는 없다. 그래서 탄도미사일들은 로켓이 작동하는 동안 최대한 속도와 고도를 올린다.

Баллистическая ракета использует *ракетный двигатель*, который способен мгновенно выдавать большую мощность, однако не может работать длительное время. Поэтому пока работает *двигатель*, ракета максимально набирает скорость и высоту.

Выбор варианта перевода в каждом конкретном случае будут зависеть от контекста, в котором термин употребляется. Переводчику необходимо понимать, о чем идет речь, о самой ракете или о ее двигателе.

Интересно рассмотреть и сравнить способы номинации и терминотворчества в корейском и русском языках. Возьмем к примеру термин 복합형 소총 [покхапхён сочхонь]. Если перевести термин по компонентам, дословно, то получится «комбинированная винтовка». Однако на деле это оружие представляет собой комбинацию гранатометного и стрелкового модулей, поэтому адекватным переводом будет «автоматно-гранатометный комплекс».

한국군의 주력소총인 K2 소총이 실전에 배치된 지 20년이 경과하면서 노후 증상들이 나타나기 시작했다. 이에 따라 ADD는 차기소총에 대한 연구개발에 들어갔고, 마침내 2009년 복합형 소총 K11을 개발했다.

Прошло уже более 20 лет с тех пор, как на вооружение южнокорейской армии поступила винтовка К2, и постепенно она стала устаревать. Поэтому Агентство оборонных разработок РК запустило проект по созданию винтовки следующего поколения. И в итоге в 2009 г. был разработан *автоматно-гранатометный комплекс* К11.

При этом использование лексемы *복합* [покхап] «комбинированный» является не единичным случаем, а скорее, закономерностью при номинации такого вида оружия. Например, название зенитной установки *비호복합* (K-30 SAM) [покхаппихо]. Первый элемент – название самого комплекса «Летающий тигр», вторая часть – «комбинированный».

На ЗСУ K-30 «Летающий тигр» разместили установки для запуска зенитных ракет *신궁* [сингунъ]. Таким образом новая система представляет собой ракетно-пушечный комплекс, что является адекватным переводом в данном случае. Рассмотрим примеры:

복합 비호는 자주대공포 비호에 신궁 단거리 대공유도탄을 탑재한 신형 무기체계다. 복합 비호 전력화로 저고도로 비행하는 북한군 공격기 및 공격헬기에 대한 대응능력을 크게 향상시켰다.

Ракетно-пушечный комплекс «Летающий тигр» представляет собой абсолютно новое оружие, которое появилось в результате установки зенитных ракет ближнего действия на зенитную самоходную установку. С принятием на вооружение данного *комплекса* значительно улучшились возможности противостоять штурмовикам и ударным вертолетам северокорейской армии, выполняющим полет на небольшой высоте.

В данном случае в переводе второй раз не используется «ракетно-пушечный комплекс», чтобы избежать повторов, так как это нехарактерно для нормы русского языка, но является одной из стилистических особенностей текстов на корейском языке.

Одним из продуктивных способов терминообразования в корейском языке является калькирование – как семантическое, так и фонетическое. Рассмотрим семантическое калькирование термина *multiple independently targetable reentry vehicle* (MIRV) из английского языка. В русском языке это переводится как «разделяющаяся головная часть с блоками индивидуального наведения РГЧ ИН». В корейском языке для данного термина существует не менее семи вариантов.

- 1) 다탄두 각개목표설정 재돌입 비행체
- 2) 다중 독립 탄두 재진입체
- 3) 다중독립 목표지향형 재진입체
- 4) 다탄두 독립목표 재돌입체
- 5) 다탄두 독립목표 재진입체
- 6) 다탄두 독립 재돌입체
- 7) 다탄두 독립 재진입체
- 8) 분리형 독립목표 재돌입 핵탄두

Такого рода неустойчивость термина наблюдается в основном у многокомпонентных терминов. И чем больше в термине компонентов, тем менее устойчивым он является. Как пишет В. Н. Шевчук, «чем сложнее формальная структура термина, тем больше вероятность того, что она в последующем подвергнется тем или иным преобразованиям, и наоборот, чем проще и экономнее его структура, тем меньшим изменениям она подвергается» [Шевчук 1985, с. 25].

Среди способов формального варьирования может быть как опущение одного из компонентов, так и его замена синонимом, замена одного или нескольких слогов того или иного компонента. 6-й и 7-й примеры представляют собой сокращенные сочетания, так как для традиционной корейской лексемы полный вариант часто оказывается слишком сложным. Как мы видим из вышеуказанных примеров, в корейском языке очень высоко развита синонимичность, несмотря на то, что в терминологии такое явление считается нежелательным. Наличие синонимических дублетов связано с непрерывным процессом создания новых терминов, а также с международным характером самой военной терминологии.

Кроме того, при обозначении данного термина на корейском языке всегда дается и его аббревиатура на английском языке – MIRV, которая часто может употребляться и без корейского текста. В военной терминологии наблюдается тенденция к выражению одного понятия одной формой [Шевчук 1985]. Этим объясняется наличие большого количества аббревиатур в военных терминосистемах. А в военной терминологии корейского языка много аббревиатур на английском языке.

При переводе данного термина следует обращать внимание на определение родовых и видовых отношений. В корейском языке *다중 독립 탄두 재진입체* может означать либо саму разделяющуюся головную часть, либо отдельные боевые блоки (боеголовки), входящие в ее состав, что часто вызывает трудности при выборе варианта перевода.

북한의 대륙간탄도미사일(ICBM) 기술이 미국·러시아·중국 등 강대국 수준에 이르렀을까. 그걸 가늠하는 지표가 다탄두 각개목표설정 재돌입 비행체(MIRV) 탑재 여부다. MIRV는 미사일의 머리에 해당하는 탄두부 안에 여러 개의 핵탄두 재진입체(RV)가 들어있는 기술이다.

Могла ли КНДР догнать США, Россию, Китай и другие державы по уровню технологий создания межконтинентальных баллистических ракет? Свидетельством этому являются разговоры о возможной разработке в стране разделяющейся головной части с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН). РГЧ ИН – это тип головной части, который несет в себе несколько боевых блоков.

블라바 미사일은 MIRV를 최대 10개까지 탑재할 수 있으며, 각 탄두의 위력은 태평양전쟁 당시 일본 히로시마에 떨어진 원폭보다 12.5배 (150kt)나 크다.

Ракета «Булава» может нести на себе до 10 боевых блоков индивидуального наведения, мощность каждого из которых превышает мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, в 12,5 раз и составляет 150 килотонн.

사거리 5천800km에 최대 16개의 분리형 독립목표 재돌입 핵탄두(MIRV)를 탑재할 수 있다. 각 탄두의 위력은 100~900kt(킬로톤/TNT 1천t에 상당하는 폭발력)에 달한다.

Дальность ракеты составляет 5800 км. Она может нести на себе 16 боевых блоков индивидуального наведения, мощность каждого из которых составляет 100-900 килотонн.

Однозначность – одного из требований, предъявляемых к термину. Однако часто термин может иметь несколько значений, выбор одного из которых будет зависеть от контекста. Например, термин 대대 [тэдэ] обозначает воинское формирование, но в зависимости от того, о каком виде ВС или роде войск идет речь, может переводиться как «батальон», «дивизион» (про артиллерию) или «эскадрилья» (если речь идет о военно-воздушных силах).

이들 미사일은 주로 스텔스 전투기를 요격하며, 일부는 탄도 미사일 요격도 가능한 것으로 알려져 있으며, 러시아 공군은 2007년부터 총 41 개 S-400 대대를 러시아 전역에 배치한 것으로 알려져 있다.

Известно, что данные ракеты предназначены, в основном, для перехвата малозаметных истребителей, однако часть из них могут перехватывать и баллистические ракеты. Начиная с 2007 года, на боевое дежурство в ВВС по всей территории страны заступил 41 *дивизион* ЗРК С-400.

지난해 3월, 미 공군은 엘스워스 기지가 일선 B-21 폭격기 **대대**가 주둔할 첫 기지가 될 것이라고 발표하면서 현재 B-2 및 B-1B 폭격기가 주둔하는 화이트맨과 다이슨 기지도 엘스워스 다음으로 B-21을 운용할 것이라고 밝혔다.

В марте прошлого года было объявлено, что американская база ВВС Эллсворт станет первой базой, на территории которой будет дислоцирована *эскадрилья* новейших бомбардировщиков B-21. Вслед за ней эти самолеты получат базы Уйатмен и Дайес, на вооружении которых сейчас находятся бомбардировщики B-2 и B-1B.

같은 날 육군8사단 백호전차**대대**가 다라대훈련장에서 새해 첫 K1A2 전차 전투사격을 펼치며 기계화사단의 위용을 과시했다.

В этот же день танковый *батальон* «Пэкхо» 8-й дивизии сухопутных войск провел первые в этом году стрельбы на полигоне «Тарактэ», продемонстрировав боевую мощь механизированной дивизии.

Заключение

В ходе данного исследования мы рассмотрели некоторые особенности терминообразования корейского языка на примере военной терминосистемы, а также особенности перевода военных терминов на русский язык. Кроме того, мы привели примеры, демонстрирующие, как часто термин не соответствует всем предъявляемым к нему требованиям, таким как однозначность, независимость от контекста и др.

При переводе специальных текстов необходимо в первую очередь верно соотнести терминологическую единицу с содержанием заложеного в ней понятия. Следует всегда помнить о том, что семантическая наполненность терминов в разных языках может не совпадать. И очень часто термин имеет более одного значения даже в пределах одной терминосистемы. Поэтому при переводе важно учитывать контекст, иерархическую зависимость терминов друг от друга, а также родовую и видовую принадлежность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. [Barxudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Language and Translation). Voprosy` obshhej i chastnoj teorii perevoda.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)].
- Мишкурлов Э. Н., Новикова М. Г.* Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении: монография. М.: ФЛИНТА, 2020. [Mishkurov, E` N., Novikova, M. G. (2020). *Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshhenii (Cognitive-hermeneutic Approach to Translation and Methodology).* Moscow: FLINTA. (In Russ.)].
- Нелюбин Л. Л.* Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. 3-е изд. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. [Nelyubin, L. L. (2013). *Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivny`j teoretiko-pragmaticheskij aspekt) (Introduction to translation: cognitive theoretical pragmatic approach).* 3rd ed. Moscow: FLINTA : Nauka. (In Russ.)].
- Похолкова Е. А.* Современная экономическая терминология в Республике Корея: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. [Poxolkova, E. A. (2007). *Sovremennaya e`konomicheskaya terminologiya v Respublike Koreya (Modern Korean economic terminology):* PhD thesis. Moscow. (In Russ.)].
- Шевчук В. Н.* Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. д-ра филол. наук. М.: Военный институт, 1985. [Shevchuk, V. N. (1985). *Voенно-terminologicheskaya sistema v statike i dinamike (Military terminology in statics and dynamics):* PhD thesis. Moscow: Voenny`j institut. (In Russ.)].
- 임익순. 국방규격 전문용어의 국어순화 연구. 미래군사학회. 2016년 12월. 페이지: 217–243. [Imiksun. *Gukbanggyugyeong jeonmunyongeoui gugeo-sunhwa yeongu. miraegunsa hakoe (Study of special language purification (national defence terms)).* 2016nyeon 12wol. peiji: 217–243. (In Kor.)].

УДК 811+811.531

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой восточных языков,
переводческий факультет, Московский государственный
лингвистический университет; e-mail: yoondanhee@gmail.com

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (на примере неологизмов)

Корейский язык активно заимствует лексические единицы и аффиксы английского языка. Интересен тот факт, что часть заимствованных из английского языка лексических единиц подвергается в корейском языке грамматикализации. Возникающие в результате подобной грамматикализации аффиксы активно используются для образования неологизмов корейского языка. В данной работе рассмотрены примеры грамматикализации и образование неологизмов корейского языка при помощи аффиксов 'no-' (노-), 'god-' (갓-), 'full-' (풀-), 'deep-' (딤-).

Ключевые слова: грамматикализация; корейский язык; неологизмы; аффиксализация.

T. S. Mozol

Ph.D. in Education, Associate Professor,
Head of the Department of Oriental languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: yoondanhee@gmail.com

GRAMMATICALIZATION OF ENGLISH LEXEMES IN KOREAN NEOLOGISMS

Korean language has borrowed huge number of English lexemes and affixes. It is interesting that some borrowed English lexemes undergo grammaticalization in Korean. This study considers the aspects and characteristics of affixation of English lexemes as Korean suffixes. This affixation creates a lot of new words. These affixes are not settled as affixes of Standard Korean language, but their productivity is increasing. We examined 'no-' (노-), 'god-' (갓-), 'full-' (풀-), 'deep-' (딤-) as examples of affixation of new words in this paper.

Key words: grammaticalization; Korean language; neologisms; affixalization.

Введение

По данным Национального института корейского языка по состоянию на 2001 г. большую часть (79,5%) неологизмов составляли

неологизмы иероглифического происхождения, в то время как на неологизмы, образованные от иностранных слов, приходилось всего 25,9 % новых слов [국립국어원 2001]. Однако в XXI веке количество иностранных заимствований в корейском языке продолжает ежегодно увеличиваться. Так в 2018 г. общее количество неологизмов, образованных при участии заимствованных слов и морфем, составило 67% [국립국어원 2018].

В настоящее время убежденность в том, что наибольшую словообразовательную способность в корейском языке имеют слова иероглифического происхождения, подвергается корректировке, постепенно синокорейская лексика уступает свои позиции в процессе неологизации заимствованиям, в большей степени заимствованиям из английского языка.

Несомненно, вопрос о длительности жизненного цикла подобных заимствований в корейском языке остается открытым, однако подобное явление демонстрирует одну из сторон трансформационных процессов, происходящих в современном южнокорейском обществе [노명희 2006, с. 45].

Следует отметить, что в процессе образования новых слов в корейском языке используются не только слова или значимые части слов английского языка, но и происходит грамматикализация английских слов в корейском языке. В данной статье рассматриваются примеры образования новых слов корейского языка с помощью аффиксов, возникших в результате утраты в процессе заимствования самостоятельности некоторых лексических единиц английского языка, т. е. явление грамматикализации в условиях языкового контакта. В настоящее время в российском корееведении практически не существует работ, посвященных данной проблеме. В южнокорейском языкознании проблеме языкового заимствования и грамматикализации в условиях языкового контакта посвящены труды Ли Гванхо [이광호 1997], Ким Сучжи [김수지 2014], Сон Чхунсон [손춘섭 2014], Ли Соньён [이선영 2017] и др.

Материалом нашего исследования послужили данные сплошной выборки из сборников Национального института корейского языка «Неологизмы» за 2000, 2001, 2005, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.; сборник Национального института корейского языка «Новые слова, которые появились после 2002 г.

Неологизмы – слова, которых нет в словаре» (2007)¹, а также материалы блогов Naver, интернет-форума Dcinside, материалы газет Chosun Ilbo, Chosun Biz, Ilyo Sinmun, Donga Ilbo, Mail Ilbo, новостных агентств YTN, SBS и др.

Грамматикализация

Грамматикализация представляет собой один из основных процессов языковых изменений. Среди лингвистов не существует общего подхода к определению понятия «грамматикализация». А. Мейе, впервые употребивший термин «грамматикализация» в 1912 г. в своей статье «Эволюция грамматических форм, понимает под данным термином «приобретение грамматического статуса словом, бывшим до этого автономным» [Meillet 1912].

Б. Хайне и М. Рей считают, что «грамматикализация» представляет собой «эволюцию, в ходе которой языковые единицы теряют семантическую сложность, прагматическую значимость, синтаксическую свободу и фонетический материал соответственно» [Heine, Reh 1984, с. 15]. В. А. Плузьян понимает грамматикализацию как «процесс усиления грамматичности языковой единицы, при котором неграмматическое превращается в грамматическое, а менее грамматическое – в более грамматическое» [Плузьян 2001]. М. Хаспельмат дает грамматикализации определение как «диахронического изменения, в ходе которого части конструкционной схемы входят в отношения более сильной зависимости» [Haspelmath 2004, с. 26].

В данной работе под грамматикализацией понимается совокупность процессов, в основе которых лежат семантические изменения, и в результате которых происходит превращение неграмматической единицы языка в грамматическую или развитие у языковой единицы большего числа грамматических свойств.

Грамматикализацию обычно рассматривают как «внутриязыковой» процесс, тогда как контактное изменение происходит под влиянием другого языка в условиях социолингвистической ситуации. В современном корейском языке грамматикализации подвергаются не только корейские слова, грамматикализации могут подвергаться и иностранные слова, в частности англицизмы. В данной работе

¹ В сборники Национального института корейского языка входят только неологизмы с относительно высокой частотностью и не включаются окказионализмы.

рассмотрены примеры аффиксализации лексических единиц английского языка и их участия в деривационных процессах в современном корейском языке (на примере часто употребляемых префиксов).

Аффиксализация лексических единиц английского языка в корейском языке

Под аффиксом в данной работе понимается «морфема, которая в своем развитии приобрела абстрактное значение, присущее целому классу слов, и которая, присоединяясь к основе, изменяет ее значение» [Карашук 1977, с. 33].

Аффиксализация – это явление, в результате которого слово, которое могло использоваться самостоятельно, в результате изменения своего значения и функций становится аффиксом. Изменения семантики в процессе аффиксализации (закрепления за аффиксами определенного словообразовательного значения) лексических единиц сопровождаются:

- 1) сужением, специализацией значения;
- 2) переносом значения.

Аффиксализация приводит к обогащению и развитию системы словообразовательных средств языка [Лежнев 2018, с. 177]. Таким образом, критериями образованных в результате грамматикализации аффиксов является несамостоятельность (зависимость), а также изменение смыслового значения.

Рассмотрим примеры деривативных аффиксов, образованных из грамматикализованных в корейском языке самостоятельных лексических единиц английского языка.

1. No (노)

Слово «по» в английском языке может выступать в качестве прилагательного, наречия и существительного. В качестве прилагательного «по» имеет значение *никакой, ни один*, в качестве наречия – *никак, нисколько*, в качестве существительного – *отрицательный ответ*. В корейском языке «по» употребляется в качестве аффикса и имеет только одно значение *отсутствия*, таким образом, отличается от семантических свойств слова «по» в английском языке¹. Аффикс «*по-*»

¹Ким Бёнгон [김병건 2017] считает «по» аффиксом. В то время как Но Мёнхи [노명희 2012] придерживается мнения, что как такового изменения смысла «по»

может сочетаться с исконно корейскими словами, словами китайского происхождения и англицизмами, образуя слова, которых нет в английском языке¹.

- 노잼 (no + 재미) неинтересно:

«반전도 노잼»..!하트시그3' 직업 + 러브라인 공개. – «Даже изменение сюжета неинтересно». Программа Heart Signal 3 раскрывает подробности профессии и истории любви участников (*URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2020/04/02/2020040201286.html*).

- 노눈치 (no + 눈치) отсутствие догадливости, смекалки:

김윤재가 너 좋아하는 거 맞다니까? 하여간 노 눈치! 우린 다 아는데 너 왜 몰라? – Ким Юнчжэ любит тебя! Какой ты недогадливый! Мы все знаем, а ты один не знаешь? (*URL: https://books.google.ru/books?id=Sf11DgAAQBAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false*).

- 노관심 (no + 관심) отсутствие интереса:

한서희는 “나는 클럽 진짜 안 좋아하고 노관심이라서 모른다”고 답했다. – Хан Сохи ответила: «Я не люблю и не интересуюсь ночными клубами, поэтому не знаю» (*URL: http://sports.khan.co.kr/entertainment/sk_index.html?art_id=201903201042013&sec_id=540101&pt=nv#csidx3f124ebc627ecc2b5ea2d59b3ad540c*).

- 노답 (no + 답) нет ответа, нет решения:

코로나발 수요 절벽, 정부·정치권은 ‘노답’. – Падение спроса из-за коронавируса. У правительства и политиков нет решения (*URL: https://biz.chosun.com/site/data/html_dir/2020/03/17/2020031702428.html*).

- 노인정 (no + 인정) не признавать, не соглашаться:

в корейском языке не произошло, однако поскольку значение прилагательного «по» в английском языке передается в корейском языке аффиксом «по», то можно частично признать «по» аффиксом в корейском языке. В данной работе мы будем рассматривать «по» в качестве аффикса.

¹ Аффикс «개» может также сочетаться с другими аффиксами корейского языка (например, 핵노잼, 개노답 и т. п.).

레벨이 다르다는 말엔 ‘레벨이 다른 건 아닌 것 같다고’, ‘노인정’을 외쳤다. – На замечание о том, что у них разный уровень, она воскликнула: «Кажется нет разницы в уровне», «не могу с этим согласиться» (URL: <http://www.kgdm.co.kr/news/articleView.html?idxno=660556>).

– 노옵션 (no + option):

1) без мебели и техники;

2) без дополнительных услуг (*o type*):

반지하는 여름에 습하고 겨울엔 옷풍이 심한 계절에 취약한 곳이더라고요. 게다가 이 집은 노옵션 원룸이어서 에어컨도 없었어요. – В полуподвальной комнате сыро летом, а зимой здесь бывают сквозняки. К тому же моя комната сдавалась без мебели и техники, так что в ней не было даже кондиционера (URL: <https://1boon.kakao.com/ohouse/5dc40eb2bcd34944b2b89763>).

이번에 필미소 여행사에서 선보이는 발리 허니문 상품의 경우 옵션이 추가되지 않는 노옵션 단독투어로 자유여행 같은 패키지 허니문 상품이라는 점이 돋보인다. – Свадебное путешествие на Бали – это туристический продукт в форме индивидуального тура без дополнительных услуг по выбору, представленный туроператором Филмисо (URL: <http://www.travelnbike.com/news/articleView.html?idxno=59540>).

2. God (갓)

Английское слово «god» подверглось грамматикализации в корейском языке. Аффикс «god-» в корейском языке приобрел значение *счастливый, прекрасный*, а также значение *выдающийся* (в этом значении аффикс употребляется с именами собственными выдающихся людей).

– 갓수 (God + 백수) состоятельный безработный, безработный из состоятельной семьи:

한국고용정보원에 따르면 백수 출신 중 대기업 입사자 비율은 14.4%, 갓수 출신은 17.8%였다. – Согласно данным Корейской информационной службы занятости, среди безработных доля трудоустроившихся в крупные компании составляет 14,4%, доля состоятельных безработных составляла 17,8% (URL: <http://www.donga.com/news/article/all/20170413/83832850/1>).

- **갓선물 (God + 선물)** прекрасный подарок:
삼성전자는 소중한 사람에게 선물로 응원의 마음을 전하는 ‘#갓선물을 보내세요’ 캠페인을 진행한다고 14일 밝혔다. – 14 сентября «Samsung Electronics» сообщил о проведении кампании «Подари прекрасный подарок», которая поможет выразить поддержку любимым (URL: <http://www.m-i.kr/news/articleView.html?idxno=187703>).
- **갓냥이 (God + 고양이)** чудесный кот:
세상을 바꾼 고양이의 습관. 역시 고양이는 갓냥이다. – Эти привычки котов изменили мир. Действительно, коты удивительны (URL: <https://www.wikitree.co.kr/articles/523471>).
- **갓날두 (God + Ronaldo)** выдающийся Рональдо:
이 경기는 포르투갈 '갓날두' 크리스티아누 호날두에겐 특히 매우 중요한 경기다. – Этот матч особенно важен для выдающегося португальского спортсмена Кристиану Рональдо (URL: <http://www.youngnong.co.kr/news/articleView.html?idxno=11690>).
- **갓의조 (God + 황의조)** выдающийся Хван Ёйчжо:
이승우 선수도 대한축구협회 SNS에 직접 «갓의조»라는 댓글을 남기며 황의조에 대한 고마움을 표시했다. – Футболист Ли Сыну написал в комментариях на странице Корейской национальной ассоциации футбола в социальных сетях «Великий Ёйчжо», выразив тем самым свою благодарность Хван Ёйчжо (URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0107_201808280950061804).
- **갓연아 (God + 김연아)** выдающаяся Ким Ёна:
4월 30일에 진행된 입장권 예매는 단 2분 만에 전석 매진을 기록했고, 티켓 예매 전후로 실시간 검색어 1위를 차지하는 등 ‘갓연아’의 위엄을 실감케 했다. – 30 апреля все билеты были распроданы всего за 2 минуты, с момента старта до окончания продаж ее новая программа стала самым популярным словом поисковых систем Интернета. Все почувствовали величие «выдающейся Ёна» (URL: https://www.huffingtonpost.kr/entry/yuna-kim_kr_5af4e6b9e4b0e57cd9f7c699).

3. Full (풀)

Английское прилагательное «full» в корейском языке может выступать как аффикс и сочетаться со исконно корейскими словами,

словами иероглифического происхождения и заимствованными из английского языка словами. Изначальное значение английского прилагательного «full» – *полный* – в процессе грамматикализации получило семантическое расширение в корейском языке.

- **풀잠 (full + 잠)** 을 자다 как следует, хорошо выспаться:
 편의점 문 잠구고 2시간 풀잠 잤다. – Я закрыл магазин и хорошо выспался в течение двух часов (*URL: https://gall.dcinside.com/board/view/?id=football_new6&no=6299934*).
 - **풀출장 (full + 출장)** участие спортсмена от начала до конца в соревновании, во всех раундах соревнования.
 김연경은 체력은 타고난 거 같다. 몸에 테이프를 붙인 걸 본적이 없음 그 정도면 풀출장가능. – Баскетболистка Ким Ёнгён – прирождённый спортсмен. Я никогда не видел, чтобы на ней были пластыри. Она вполне сможет поучаствовать во всей серии соревнований (*URL: <https://gall.dcinside.com/mgallery/board/view/?id=womanvolleyball&no=295052&page=6505>*).
 - **풀승 (풀승급, full + 승급)** повышение уровня персонажа в компьютерной игре после максимального увеличения его мастерства и магической силы, необходимого для перехода на новый уровень:
 풀승급에는 드는 마코와 보석이 몇인가요? – Сколько нужно денег и драгоценностей, чтобы перейти на новый уровень? (*URL: <https://cafe.naver.com/gimbongsik/119890>*).
 - **풀옵 (풀옵션, full option)** 1) хорошо меблированная квартира со всеми удобствами; 2) туристический продукт с полным комплексом услуг.
 풀옵션 아파트 세입자가 집에 비치된 고가의 물건을 훔쳐 몰래 이사를 했어요. – Арендатор хорошо меблированной квартиры со всеми удобствами украл все дорогие вещи из квартиры и тайно переехал (*URL: <http://www.viethantimes.com/news/articleView.html?idxno=11162>*).
- 다양한 옵션이 모두 포함된 풀옵션 푸켓 신혼여행 상품도 있다. – Существуют туристические продукты для свадебных путешествий

на Пхукет с полным комплексом разнообразных услуг ([URL: http://newsbrite.net/50182](http://newsbrite.net/50182)).

- 풀템 (풀아이템, full item) 을 갖추다, 풀템을 하다 1) иметь полный набор предметов и снаряжения (в компьютерной игре); 2) иметь все необходимое для каких-либо целей (в реальной жизни).

만렙, 풀템이 몇 일만에 가능하기 때문에 신규, 초보 유저들도 많이 던파를 찾고 계신 것 같습니다. – По всей видимости, компьютерная игра *Dungeon Fighter* пользуется популярностью у новичков и начинающих игроков, поскольку в этой игре за несколько дней можно дойти до высшего уровня и собрать все волшебные предметы и снаряжение ([URL: https://blog.naver.com/freemarmar/221312570450](https://blog.naver.com/freemarmar/221312570450)).

에어팟을 일주일 동안 써보니 케이스 안에 자석 때문에 먼지가 정말 많이 달라붙더라고요. 그래서 철가루 방지 스티커 포함해서 케이스, 이어팁까지 결국 풀템을 착장했습니다. – За неделю использования беспроводных наушников *Airpods* в футляре для наушников накопилось много пыли из-за магнита. Поэтому в итоге пришлось приобрести весь необходимый комплект – защитную пластину-стикер, кейс, насадки для наушников ([URL: https://blog.naver.com/wlgus1230/221552240816](https://blog.naver.com/wlgus1230/221552240816)).

4. *Deep* (딥)

«*Deep*» – прилагательное английского языка со значением *глубокий*, может выступать также в роли наречия и существительного. В корейском языке английское «*deep*» приобрело значение *очень*, не может употребляться самостоятельно, употребляется только в качестве аффикса в сочетании с существительными (чаще в значении – *сильная злость*).

- 딥빡 (*deep* + *빡치다*) *сильная злость, раздражение*:
어느 순간부터 딥빡이 찾아오기 시작했다. – В какой-то момент меня начала охватывать *сильная злость* ([URL: https://m.etnews.com/20141209001466#cb](https://m.etnews.com/20141209001466#cb)).
- 딥빡치다, 딥빡하다 *очень злиться*:
'온라인 수업'에 딥빡한 맞벌이 부모의 솔직후기. – Откровенный рассказ разгневанных работающих супругов об онлайн-занятиях

(URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1005751411&plink=COPYPASTE&cooper=SBSNEWSEND&plink=COPYPASTE&cooper=SBSNEWSEND).

Заключение

В последние десятилетия в корейском языке скорость и масштабы заимствования из других языков, особенно из английского, значительно увеличились. Интересной особенностью является тот факт, что корейский язык не просто заимствует лексически независимые единицы (*wife, helicopter, television* и т. п.) и аффиксы (*-ism, -tic* и т. п.) английского языка, в корейском языке происходит грамматикализация лексически независимых единиц английского языка, а возникшие в результате аффиксы (*deep-, full-, god-, no-* и пр.) активно используются при создании новых слов, сфера использования которых часто не ограничивается исключительно интернет-пространством (бóльшая часть примеров употребления, приведенных в данной статье, взята из материалов средств массовой информации и только незначительная часть – из блогов и интернет форумов ввиду отсутствия примеров употребления в южнокорейских СМИ). Лексические единицы английского языка в результате грамматикализации функционируют в новых словах также, как и аффиксы синокорейского или исконно корейского происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Карацук П. М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа, 1977. [Karashhuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie anglijskogo jazyka* (English Derivation). М.: Vysshaja shkola, 1977. (In Russ.)].
- Лежнев С. Н. Префиксальные неологизмы в современном английском языке // Восточнославянская филология. 2018. № 6 (32). С. 173–178. [Lezhnev, S. N. Prefiksál'nye neologizmy v sovremennom anglijskom jazyke (Prefixal Neologisms in Modern English). *Vostochnoslavjanskaja filologija*, 6(32), 173–178 (In Russ.)].
- Плунжан В. А. Грамматикализация // Кругосвет: электронная энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GRAMMATIKALIZATSIYA.html (дата обращения: 15.05.2020). [Plungjan, V. A. Grammatikalizacija (Grammaticalization). In *Krugosvet: electronic encyclopedia*. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GRAMMATIKALIZATSIYA.html (accessed: 15.05.2020) (In Russ.)].

- Haspelmath M.* On directionality in language change with particular reference to grammaticalization / Fischer et al. (eds.). Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 17–44.
- Meillet A.* L'évolution des forms grammaticales // *Scientia*. 1912. № 12 (26). P. 384–400. [Reprinted in: Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1965].
- 국립국어원 2000년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2000. [National Institute of Korean Language. (2000). *Neologisms of 2000 year*. Seoul: NIKL. (In Kor.)].
- 국립국어원 2001년 신어. 서울: 가야원. 2001. [National Institute of Korean Language. (2001). *Neologisms of 2000 year*. Seoul: Gajawon. (In Kor.)].
- 국립국어원 2005년 신어. 서울: 경대디지털. 2005. [National Institute of Korean Language. (2000). *Neologisms of 2000 year*. Seoul: Gyongji Digital. (In Kor.)].
- 국립국어원 2002년 이후 생겨난 새말. 사전에 없는 말 신조어. 서울: 태학사. 2007. [National Institute of Korean Language. (2007). *Neologisms appeared after 2002. New words that are not in dictionaries*. Seoul: Taehaksa. (In Kor.)].
- 국립국어원 2008년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2008. [National Institute of Korean Language. (2008). *Neologisms of 2008 year*. Seoul: NIKL. (In Kor.)].
- 국립국어원 2009년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2009. [National Institute of Korean Language. (2009). *Neologisms of 2009 year*. Seoul: NIKL. (In Kor.)].
- 국립국어원 2010년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2010. [National Institute of Korean Language. (2010). *Neologisms of 2000 year*. Seoul: NIKL. (In Kor.)].
- 국립국어원 2012년 신어. 서울: 국립국어연구원. 2012. [National Institute of Korean Language. (2012). *Neologisms of 2012 year*. Seoul: NIKL. (In Kor.)].
- 국립국어원 2013년 신어 기초 조사 자료. 서울: 경대디지털. 2013. [National Institute of Korean Language. (2013). *Neologisms of 2013 year*. Seoul: Gyongji Digital. (In Kor.)].
- 국립국어원 2014년 신어. 서울: 경대디지털. 2014. [National Institute of Korean Language. (2014). *Neologisms of 2014 year*. Seoul: Gyongji Digital. (In Kor.)].
- 국립국어원 2015년 신어. 서울: 경대디지털. 2015. [National Institute of Korean Language. (2015). *Neologisms of 2015 year*. Seoul: Gyongji Digital. (In Kor.)].
- 국립국어원 2016년 신어 조사 및 사용 주기 조사. 서울: 경대디지털. 2016. [National Institute of Korean Language. (2016). *Neologisms of 2016 year*. Seoul: Gyongji Digital. (In Kor.)].

- 국립국어원 2017년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2017. [National Institute of Korean Language. (2017). Neologisms of 2017 year. Seoul: Gyongji Digital. 2017 (In Kor.)].
- 국립국어원 2018년 신어 조사. 서울: 경대디지털. 2018. [National Institute of Korean Language. (2018). Neologisms of 2018 year. Seoul: Gyongji Digital. 2018 (In Kor.)].
- 김병건 신조어의 조어법 연구//한말연구. 2017. N 44. P. 57–81. [Kim Byeong keon. (2017). A Study on Types of Word Formation in New Words. *Hanmal Yeongu*, 44, 57–81 (In Kor.)]
- 김수지 형태·의미론적 변화를 중심으로 한 외국어의 국어화 양상 연구. 한국교원대학교. 석사학위논문. 2014. [Kim Suzhi. (2014). *A Study about Koreanization Aspects of Foreign Language Focused on the Morphological Semantic Changes*. Korean National University of Education. MA Theses (In Kor.)].
- 노명희 최근 신어의 조어적 특징//생활국어. 2006. № 16 (4). P. 31–46. [Noh Myung Hee. (2006). Characteristics of Korean Neologisms' Word Formation. *Saenghwalgugeo*, 16(4), 31–46. (In Kor.)]
- 노명희 외래어 수용과 품사적 변용//국어학. 2012. №63. P. 73–103. [Noh Myung Hee. (2012). The Import of Loan Words and Variations in Their Word Classes in Modern Korean. *Gugeohag*, 63, 73–103 (In Kor.)].
- 손춘섭 국어 어원별 접사화에 대한 연구//한국어 의미학. 2014. N 45. P. 31–67. [Son Chun Seop. (2014). A Study on the Korean Affixation. *Korean Semantics*, 45, 31–67 (In Kor.)].
- 이광호 외래어 요소가 포함된 단어 형성 연구//관악어문연구. 1997. № 22. P. 519–542. [Lee Gwang Ho. (1997). Foreign Languages' Elements in Korean Word Formation. *Gwanageomunyeongu*, 22, 519–542 (In Kor.)].
- 이선영 국어의 접사화에 대한 단견//한국학연구. 2017. № 44. P. 399–422. [Lee Seon Yeong. (2017). A Study on Affixation in Modern Korean. *Korean Studies*, 44, 399–422 (In Kor.)].

УДК 81'255.2

А. И. Полищук

кандидат исторических наук,
доцент кафедры восточных языков, переводческий факультет,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: polyshuk20@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПЕРСИДСКОЙ ПРОЗЫ НА ВОЕННУЮ ТЕМАТИКУ

Работа посвящена обзору типичных ошибок, допускаемых студентами при переводе персидской прозы по военной тематике на русский язык. В статье описываются типичные особенности персидской письменности и грамматики, влияющие на процесс перевода на русский язык, рассмотрены подходы к переводу реалий иранско-исламской действительности, уделено внимание проблеме написания комментариев и примечаний переводчика, а также стилистическим ошибкам при переводе. Рассмотренные трудности перевода с персидского могут быть учтены при преподавании курса частой теории перевода.

Ключевые слова: обучение; перевод; военная терминология; ислам; персидская письменность; тегеранский диалект; примечания; стилистика.

A. I. Polishchuk

PhD (History), Assistant professor of oriental languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: polyshuk20@mail.ru

COMMON STUDENTS MISTAKES IN TRANSLATION OF PERSIAN MILITARY PROSE INTO RUSSIAN

The article is devoted to analysis of common mistakes made by students while translating Persian military prose into Russian. The article describes particularities of Persian grammar and alphabet and its influence at translation into Russian, analyses the approaches to translation of Iranian Islamic cultural realities, pays attention to the problem of creation of comments and notes of translator and to Russian stylistics.

Key words: education; translation; military terminology; Islam; Persian alphabet; Tehran dialect; notes; stylistics.

Введение

Предлагаемая тема непосредственно связана с обучением переводу студентов переводческого факультета МГЛУ по специальности «лингвистическое обеспечение военной деятельности». К литературным

текстам на тему войны приходится обращаться начиная с пятого семестра, в рамках курса теории перевода, для иллюстрации основных теоретических положений, а также для того, чтобы привить обучающимся навыки перевода по специальности, которые понадобятся при написании курсовых и выпускных работ (ВКР) в рамках требований программы и в дальнейшей работе [Хитрик 2009].

В качестве исходных текстов для перевода мы используем современные литературные тексты на персидском языке, посвященные Ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Эта война явилась крупнейшим военным конфликтом на Ближнем востоке после Второй мировой войны и оставила глубокий след в истории, культуре и народной памяти иранцев. Как правило, на военную тему пишут непосредственные участники войны, произведения которых носят характер воспоминаний очевидцев, либо представляют собой повести и рассказы на тему Ирано-иракской войны и повествуют о событиях на фронте и в тылу.

Для перевода было выбрано несколько авторов, произведения которых показались нам интересными с содержательной и переводческой точки зрения. Это сборник рассказов известного иранского писателя, сценариста и режиссера Хабиба Ахмад-заде «Рассказы сражающегося города», Акбара Сахраи «Совершенно секретно», Ахмада Юсуф-заде «Те 23 бойца», Мехрдада Тахери «Заботы артиллеристов» и Хоссейнали Джафари «Я был солдатом Ахеменидов». Работа по обучению переводу начинается с перевода коротких рассказов из сборника Хоссейнали Джафари [Jafari 2010]. Перевод коротких рассказов позволит студентам приобрести устойчивые переводческие навыки, расширить словарный запас, пополнить знания о стране, улучшить стиль изложения материала в переводимых текстах, поможет научиться переводить большие по объёму литературные тексты в будущем.

Все вышеназванные литературные произведения отличаются по авторской манере и по сложности текстов, что предоставляет широкое поле возможностей для перевода. Сборник рассказов Хабиба Ахмад-заде «Рассказы сражающегося города» был полностью переведён студентами МГЛУ и издан для обучения студентов в качестве опыта в типографии МГЛУ в 2016 г. тиражом в 300 экз. [Ахмад-заде 2016]. При работе над переводом этого сборника был накоплен полезный опыт, который позволил нам продолжить работу над переводами и других упомянутых выше авторов в учебных целях.

Трудности прочтения

Необходимо отметить, что при переводе любых персидских текстов мы сталкиваемся, прежде всего, с трудностью прочтения текста, написанного персидско-арабским алфавитом, и эта проблема существует на всех этапах обучения языку в целом и при обучении переводу. В связи с тем, что персы после завоевания Ирана арабами перешли на арабский алфавит, они унаследовали вместе с ним и проблемы письма и чтения текстов. В арабском алфавите не все буквы соединяются между собой во всех позициях – их четыре: начальная, срединная, конечная и отдельная; графическое изображение одной и той же буквы различается. Из-за этого внутри слова образуются разрывы, которые затрудняют отделение одного слова от другого, поэтому надо, помнить «картинку» каждого слова как отдельную единицу, чтобы отделить слова друг от друга. Следующей сложностью является то, что в этих словах не пишутся краткие гласные и синтаксические связи после согласных (изафет), которые на письме не обозначаются, и при переводе трудность заключается в том, что необходимо правильно определить, где начинается и где заканчивается словосочетание. При неверном прочтении изафетной цепи неизбежны ошибки, и переводчику приходится перебирать варианты синтаксических связей, чтобы найти истину. Отсутствие так называемых огласовок, которые должны были бы указывать на то, какая гласная пропущена, затрудняет чтение не только для студентов, но и для носителей языка, которые ставят огласовки только в исключительных случаях, когда сами сомневаются в том, как надо читать слово. Отсутствие огласовок затрудняет перевод имен собственных и географических названия, и имеющих справочников часто бывает недостаточно для перевода редких названий. В персидском алфавите отсутствуют прописные буквы, что также затрудняет понимание текста. В случае совпадения значимых слов с именами (особенно при наличии омографов), можно вообще допустить серьезную ошибку. Например, слово *بازرگان* *bazargan* это и «торговец», и фамилия, и название таможенного терминала. В таких случаях переводчики часто ошибаются, особенно начинающие. Еще один пример, показывающий сразу и проблему перевода с отсутствием прописных букв и невнимательное отношение к лексике. Например, в персидском тексте стоят рядом два слова – *دکتر لشگری*

doctor и *lashgari*. Возможны два перевода: а) «доктор Лашгари», где «Лашгари» фамилия и б) «дивизионный военврач» [*doctor-e lashgari*], если после слова «доктор» мы поставим изафет [e]. Ещё один похожий пример. В тексте написано *ده کوره dehkure*, что можно понять как *deh-e kure*, т. е. «деревня Куре», что неверно, так как переводчик принял слово за изафетное словосочетание двух слов, в то время как это одно слово «*dehkure*», т. е. «деревенька». Наличие пробела (разрыва) между двумя близлежащими графическими единицами (буквами или словами) из-за особенности алфавита приводит к неверному пониманию этого фрагмента текста.

Трудности перевода

Все перечисленные особенности персидских текстов проявляются в полной мере при переводе и составляют, наряду с лексическими и стилистическими трудностями, основную проблему при обучении переводу.

Поскольку речь идет о переводе военных текстов, переводчик должен владеть военной терминологией. В целом во время занятий по военному переводу студенты усваивают основную общепринятую военную лексику, но, тем не менее наиболее частые ошибки допускаются либо по невнимательности (наиболее типичны ошибки в переводе воинских званий), либо из-за неточного знания разницы между ракетой, миной, снарядом, пулей, патроном, гранатой применительно к разным видам вооружений. В этом случае крайне важен учет контекста. Например, слово *فانسقه fanosqe* означает и «подсумок», и «патронташ», выбор за переводчиком, хотя в российской армии сейчас правомерно употреблять слово «подсумок».

Особую трудность при переводе представляют обиходные, неофициальные, военные термины, которые носят описательный характер и порой непонятны без дополнительных изысканий и опросов, и пояснений участников войны. Приведем несколько примеров таких терминов. Например, персидское *قله گند koleye gand* – «сахарная голова» означает бронеколпак *خورشیدی موانع mavaneye xorshidi* – противопехотные ежи с колючей проволокой, *شيار shiyar* – ход сообщения, *آسایشگاه asayeshgah* – лагерьный барак (первое значение персидского слова «дом отдыха»), *خاکریز hakriz* – бруствер; насыпь, *چهارمیل cheharmil* – ЗПУ-4, RPG РПГ и др. Кроме того, некоторые термины могут

иметь семантически близкие значения, но должны переводиться в соответствии с контекстом [Нелюбин 2003; Хитрик 2009]. Например, слово صباحگاه *sobhgah* может означать – «утреннее построение, развод»; «торжественное прохождение войсковых подразделений»; «церемония поднятия флага», «линейка» (в школе).

Такого рода многозначность затрудняет перевод и приводит к ошибкам. Нередки случаи, когда переводчики видят только знакомую им часть этого слова – термина صباح *sobh*, т. е. «утро» и на вторую часть گاه *gah*, то есть «место», не обращают внимания. Конечно, можно утверждать, что переводчики просто не знают слова, но здесь имеет место ситуация, близкая к «ложным друзьям» переводчика. Многозначность некоторых терминов, в том числе военных, можно проиллюстрировать на примере слова دکل *dakal*, которое может употребляться в значении: «мачта», «надстройка», «опора ЛЭП», «буровая» «антенна», «вышка». При этом надо учитывать, что не все значения этого и других слов можно найти в персидско-русских словарях. Некоторые переводчики оказываются «в плену» многозначности персидского слова. В одном из рассказов несколько раз практически рядом употреблено слово ساک *sak*, которое передано переводчиком несколькими похожими по смыслу, но разными словами, что может сбить с толку читателя.

Бородатый юноша стоял в прихожей, понунив голову ни жив – ни мёртв. Она взяла у него *вещмешок* синего цвета и поставила на пол. Затем присела на колени рядом с сумкой, и чадра сползла у нее с головы на коврик. Трясущимися руками она расстегнула молнию на *рюкзаке* и стала доставать из него вещи.

Переводчик испытывает трудности при переводе диалогов, а иногда и авторского текста, написанных на тегеранском диалекте, который представляет собой разговорный язык жителей иранской столицы и всё в большей степени становится разновидностью обиходно – разговорного языка жителей всей страны [Пейсиков 1960; Рубинчик 1982; Хитрик 2009]. Тегеранскому диалекту присущи фонетические особенности спряжения глаголов, употребления местоимённых энклитик, служебных слов, которые не кодифицированы и передаются своеобразной транскрипцией на базе арабско-персидской графики [Саברי 2007; Хитрик 2009].

Как правило, на третьем курсе (5–6 семестры) студенты изучают пособие по персидскому разговорному языку, в котором представлены образцы тегеранского диалекта в соответствующей графической форме. Однако этих знаний оказывается недостаточно при письменном переводе с персидского, и в этой связи возникают серьезные трудности с пониманием текста, особенно на начальных этапах обучения, так как графическая форма текста серьезно отличается от усвоенной ранее литературной нормы. Кроме необычной графики переводчик также сталкивается с частыми изменениями традиционного порядка слов в предложении и глагольной инверсией, что характерно для разговорной речи. Затрудняет перевод и неразвитая система знаков препинания в персидском языке, когда текст идет как бы «сплошняком», и не ясно, где прямая, а где косвенная, или авторская речь.

В военных рассказах часто встречаются также разговорная лексика, преимущественно глаголы и иногда фразеологизмы. Например: *ولو شدن* *velow shodan* – «рассыпаться, быть разбросанным, распластаться»; *ویز ویز کردن* *viz viz kardan* – «свистеть» (о пулях и снарядах); *خر خر کردن* *xor xor kardan* – «храпеть»; *قاییدن* *gapidan* – «хватать, подхватывать»; *ز زدن* *zol zadan* – «установиться»; *به خش خش* *be xes xes oftadan* – «закашляться»; *قر زدن* *qor zadan* – «ворчать»; *جز جگر زدن* *jeze jegar zadan* – «досаждать, доставать»; *خرس گنده* *xerse gande* – «паршивец, дрянь»; *به گند کشیدن* *be gand kashidan* – «загадить, вымазать»; *توی چشم بودن* *tuye cheshm budan* – «быть на виду, мозолить глаза»; *تخت تخت* *taxt taxt* – «железно, будь спок, не волнуйся» и др.

Наряду с лексическими, грамматическими и орфографическими трудностями переводчик сталкивается с необходимостью решать лингвострановедческие задачи, что предполагает необходимость иметь достаточные фоновые знания об Иране в целом и о событиях войны 1980–1988 гг. В военных текстах часто присутствует религиозная составляющая, когда мы встречаем молитвенные высказывания, отсылки к Корану, упоминания о шиитских святых, в частности об имаме Хусейне и имаме Махди, жертвенности во имя ислама. В понимании иранцев смерть за веру вытесняет даже любовь к родине. По их представлениям, герой – это, прежде всего, «шахид», т. е. человек, погибший за веру. Вряд ли русскоязычный реципиент правильно поймет текст, если мы вместо «герой» или «ветеран» будем употреблять слово «шахид», которое в обыденном сознании ассоциируется с исламским

террористом-смертником. Поэтому слово «шахид» в переводе мы практически не используем, иногда заменяя его на «мученик» или «погибший мученической смертью». Однако в конкретном контексте, не предполагающем негативного понимания, слово «шахид» может быть использовано в переводе. Приведем небольшой отрывок из рассказа Хоссейнали Джафари «Два удостоверения»: «Спустя семнадцать лет, семь месяцев и семь дней штык солдата – добровольца из группы поисковиков наткнулся на застёжку подсумка. Солдат крикнул: «Здесь шахид!». Все бросились к нему. Кости бережно и почтительно сложили в расстеленную на земле арафатку» [Jafari 2010, с. 100]. В данном случае, очевидно, что были найдены останки солдата, много лет тому назад погибшего в бою, и термин «шахид» не может быть понят как термин «смертник». В этом предложении переводчик не стал пояснять, что такое «арафатка», посчитав, что читатели должны знать это слово. В противном случае надо было бы в комментарии указать, что это платок, который носил лидер арабского движения сопротивления Ясир Арафат и который носят преимущественно боевики Палестинского движения сопротивления.

Для переводчика важно знать характер боевых действий в ирано-иракской войне, название основных воинских контингентов, принимавших участие в операциях, а также названия самих операций и географических пунктов. В рассказе Хоссейнали Джафари «Я был солдатом Ахеменидов» пожилой солдат смотрит на зарево над островом Маджнун и прислушивается к канонаде [Jafari 2010, с. 109]. Вряд ли название острова что-либо говорит реципиенту. В этом случае вполне уместно примечание переводчика такого содержания: *В 1988 г. на завершающем этапе Ирано-иракской войны велись тяжелые бои за иракский нефтеносный остров Маджнун, занятый иранцами*. Дело в том, что перевод этого предложения вызвал затруднение именно из-за слова *Маджнун*, которое в этом контексте является топонимом, а переводчик сначала принял его за имя собственное героя средневекового романа «Лейла и Маджнун». Имя «Маджнун» является синонимом человека одержимого, страстно влюбленного, сошедшего с ума от любви. В этом смысле «Маджнун» никак не сочетается с боевыми действиями. Переводчику пришлось искать истину в географических словарях и описаниях боев на ирано-иракском фронте в 1988 г. и дать соответствующее примечание.

Написание примечаний к текстам является важной составляющей работы переводчика, особенно, это касается рассматриваемых нами текстов.

Некоторую трудность представляет перевод дат в текстах в григорианский календарь. Дело в том, что Иран живет по двум календарям: солнечной и лунной хиджры, в корне отличным от европейского. В самом Иране светским календарем является солнечный, а лунный это религиозный арабский календарь. Даты в текстах преимущественно указываются по солнечной хиджре. Хиджра – начало исламского летоисчисления, приходящееся на дату переселения пророка Мохаммеда из Мекки в Медину и совпадающую с 24 сентября 622 г. Иранский солнечный год начинается в день весеннего равноденствия 21 марта, включает 12 месяцев (6 по 31 дню и 6 по 30 дней) и с учетом точки отсчета не совпадает с григорианским. Например, иранский 1398 г. солнечной хиджры длится с 21 марта 2020 г. по 20 марта 2021 г.

Для перевода дат иранского календаря в европейские существуют специальные таблицы, которые облегчают работу переводчика. Порядок перевода дат переводчикам в ручном и в электронном варианте хорошо известен, но часто переводчики забывают это делать и оставляют в тексте даты по иранскому календарю. Это наиболее часто встречающаяся ошибка студентов. То же самое касается иногда и иранских месяцев. Читаем в переводе «Шёл месяц бахман». Месяц «бахман» длится с 21 января по 19 февраля. Возникает резонный вопрос: как это переводить, если у нас нет даты. Возможны варианты: «была середина зимы» или «шел январь (февраль) месяц». Можно также поместить примечание переводчика с указанием на то, в каких числах в Иране наступает месяц «бахман».

В рассказе «Письмо» в оригинале мы читаем, что в сумке был *«маленький карманный Коран, напоминавший ему о друге, с написанной на нём датой – 01.01.1361. Значит это новогодний подарок»*.

Дату можно просто перевести по таблице, как «21.03.1982 г.», но как быть с «новогодним подарком»? У нас Новый год наступает 1 января, и в марте никто новогодние подарки не вручает. В этом случае пришлось дать примечание переводчика: *В Иране Новый год наступает 21 марта.*

В Иране существуют свои меры веса, что также необходимо учитывать при переводе. В рассказе «Титул» хозяйка дома вспоминает,

сколько еды было наготовлено для угощения гостей по случаю рождения сына: «Мы замочили 15 манов риса». В Иране «ман» в разных районах «весит» по-разному. Тебризский ман равен 3 кг, шахский ман 6 кг, рейский ман 12 кг. Как же в такой ситуации должен поступить переводчик? О каком именно мане идет в тексте речь не ясно, но в переводе надо какую-то цифру указать. Переводчику приходится прикидывать возможный вес риса, прежде всего исходя из количества овец, которое в тексте также указывается – пять, а также из традиции персов есть много риса. Если принять за меру веса шахский ман, равный 6 кг, то 15 манов будет составлять около 90 кг. Эта цифра кажется более или менее реальной, тем более, что хозяйка хвалится своим хлебосольством и говорит: *«Потом мы столько еды всем раздали, и ещё много осталось и пришлось выбросить!»*

Переводчику приходится «переводить» в понятную читателю валюту и иранские риалы и широко используемые в стране туманы (10 риалов), которые официальной денежной единицей до последнего времени не являлись, но в обиходе употребляются и в текстах иногда встречаются.

Отличительной особенностью персидского языка также является сохранение при многих существительных счётных единиц номеративов, которые в русском языке почти исчезли. Переводчик должен их знать, но переводить по возможности, если есть аналог на русском. Например, по-персидски читаем: سه باب خانه *se bab xane* «три дома», هفت فروند کشتی *chehar mil tofang* «четыре винтовки», *haft farvand kashti* – «семь кораблей». При этом номеративы будут стоять перед соответствующим существительным: для дома باب *bab* – «дверь», для винтовки میل *mil* – «ствол», а для кораблей فروند *farvand* – «румпель». При переводе на персидский язык постановка номеративов обязательна.

Особое внимание переводчик должен уделить переводу религиозных реалий, которые постоянно встречаются в военной прозе, что связано, прежде всего, с религиозным характером правления в Иране и идеологической окрашенностью текстов. Наиболее типично можно упоминание о шиитских святых, исламских обычаях, праздниках, траурных днях, исторических событиях религиозного характера. Часто встречаются такие имена, как Пророк Мохаммед, имам Хусейн, Махди (Мессия), Зейнаб, имам Реза, имена праведных халифов и святых.

Из культовых практик и сооружений и святынь ислама в текстах упоминается хадж, намаз, рамазан, мечеть, намазхане, хусейние, масалла, имамзаде, муэдзин, минарет, кибла, ашура, рузе, Кербела, Неджеф, Мешхед, Мекка и пр. Перед переводчиком всегда стоит задача – давать ли примечания в случае, если подобного рода реалии встречаются в тексте. Очевидно, что наиболее известные имена и термины в пояснениях не нуждаются, но в зависимости от их известности (или неизвестности) широкому читателю переводчик вправе прибегнуть к комментарию или к примечанию. По поводу перевода некоторых терминов существуют достаточно противоречивые мнения. Некоторые иранские исследователи считают, что переводить персидское *روزه* *rūze* русским «пост», так же, как и персидское *نماز* *namāz* словом «молитва», неверно, так как эти понятия по своему содержанию и процедуре их осуществления не совпадают. Вероятно, в этом случае всё зависит от характера текста и от контекста. Вопрос помещения переводческого комментария при переводе персидских текстов в большинстве случаев решается субъективно. Однако общим правилом может быть необходимость сделать текст понятным для предполагаемого реципиента. Например, в исходном тексте мы читаем, что «они [пленные молодые иранцы] чувствовали себя как имам Саджад и Зейнаб во дворце Йазида». Мы сомневаемся, что эта фраза будет понятна православным и даже многим мусульманам – суннитам. Фраза нуждается в комментарии переводчика. Из предшествующего персидского текста мы узнаем, что молодые иранцы попали в плен к иракцам, и президент Ирака того периода Саддам Хусейн решил использовать их в пропагандистских целях, устроив с ними встречу в Багдаде, у себя во дворце, в присутствии иностранных журналистов и представителей Красного Креста, чтобы продемонстрировать свое «гуманное» отношение к иранским молодым пленникам. У молодых иранцев не было выбора, участвовать в этой затее или нет. Их привезли из тюрьмы и доставили во дворец под усиленной охраной. После вынужденного участия в пресс-конференции с Саддамом Хусейном они обсуждают по возвращении в тюрьму это событие, и один из них говорит вышеприведенную фразу. Вся история с Саджадом и Зейнаб довольно длинная и ее можно было бы привести целиком, но можно попытаться ограничиться примерно таким примечанием: «По тайному приказу узурпатора власти в халифате Йазида в октябре 680 г. под

Кербелой был убит внук пророка Мохаммеда и сын имама Али имам Хосейн и почти все его ближайшие родственники, кроме Саджада и Зейнаб, которые попали в плен к захватившему власть в Багдаде халифу Йазиду. Йазид, вместо траура по погибшим, устроил праздник во дворце и продемонстрировал отрубленную голову Хусейна. Зейнаб не побоялась публично обличить Йазид в преступлении».

Написание приемлемого примечания переводчика удастся далеко не сразу. Для сравнения с приведенным выше комментарием мы помещаем первоначальный вариант комментария, который кажется, на первый взгляд, достаточно информативным по персоналиям, но не выражает сути происходивших событий после гибели имама Али: «Имам Саджад – четвертый шиитский имам, сын Хусейна ибн Али. Госпожа Зайнаб внучка пророка Мухаммеда по линии его дочери Фатимы аз-Захры и его зятя Али ибн Абу Талиба. Язид второй арабский халиф из династии Омейядов, конкурент рода Али и политический соперник имама Хосейна». Как можно убедиться, первоначальный вариант примечания переводчика не помогает понять текст оригинала и поэтому был изменен.

В одном из рассказов Хоссейнали Джафари женщина проклинает Саддама Хусейна и сравнивает его с Йазидом. В этом случае также необходимо примечание переводчика, поясняющее, кто такой Йазид. По сути имя Йазид воспринимается шиитами как синоним слов «предатель» и «палач».

В рассматриваемых текстах иногда встречаются молитвы или высказывания на арабском языке, которые приходится переводить с помощью коллег-арабистов. Это затрудняет работу переводчика, но в любом случае перевод должен быть сделан. Опускать такие вставки недопустимо.

В текстах также встречаются названия государственных организаций в виде аббревиатур или сокращений, которые требуют пояснений, например, *سواک SAVAK* или *سپاه Sepah*. Переводчик в примечании должен расшифровать эти сокращения. *سواک SAVAK* – Министерство государственной безопасности Ирана в 1957–1979 гг., которое обрело в стране дурную славу, так как в застенки САВАК были брошены и подвергались жестоким пыткам тысячи иранских патриотов. *سپاه Sepah* – Корпус стражей исламской революции (КСИР), созданный в период революции 1979 г. и принимавший, наряду с ополчением

«басидж», участие в войне с Ираком. В качестве определения к термину «сепях» иногда встречается слово تعاون *taavon* «кооператив», и вместе они составляют название хозяйственного подразделения КСИР – Хозяйственная служба КСИР.

Проблемы стиля

Основную проблему при переводе персидской прозы, в том числе военной, представляет плохое владение переводчиками стилистикой русского языка, незнание нормативной сочетаемости существительных с глаголами, неумение подбирать синонимы и элементарное незнания русской лексики и правил транслитерации и синтаксиса, в целом. Указанные факторы часто ведут к появлению странных словосочетаний и предложений. В рамках статьи нет возможности подробно проанализировать соотношение исходного текста и полета фантазии переводчика, но мы приведем примеры неадекватных и адекватных переводов на уровне словосочетаний и предложений.

В левой части помещены переводческие ошибки, а в правой – возможные варианты перевода:

1. Простите, что написал так закручено. –
Простите за плохой почерк.
2. Не поворачиваясь лицом, он сказал... –
Не оборачиваясь, он произнес...
3. Он радостно залился хохотом. –
Он задорно рассмеялся.
4. Он стиснул веки сильнее. –
Он сильнее зажмурился.
5. Он прижал руку к лицу. –
Он дотронулся до лица.
6. Его поглотила ночь пустыни. –
Он как сквозь землю провалился.
7. Помехи смешались с веселой арабской песней. –
Сквозь помехи слышалась бравурная арабская песня.
8. Он старался светить лицом. –
Он старался быть на виду.
9. У него на лице был подшерсток. –
У него на щеках появился пушок.

Читатель может оценить допускаемые переводчиками ляпы и на других примерах *неудачных переводов*:

Почему конец всегда раньше, чем нужно?
Он не хотел принимать удар в первых рядах.
Мы принесли в жертву пять взрослых овец.
Рука пожилой женщины замерла.
Он натянул улыбку и закрыл глаза.
Кругом взвизгивали снаряды.
Старик облокотился головой на подушку.
Какой-то полковник армии пришел нас проверить.
Он лёг мне на руки и заплакал.
Он использовал только книжные слова и говорил вежливо.
Снегопад то и дело сыпал.
И вновь мне прилетали щипки и подзатыльники.
Я остановился по центру комнаты и устремил взгляд на его руку.

К сожалению, таких примеров много, и это лишь подтверждает нашу мысль о том, что при переводе на русский язык необходимо его хорошо знать и избегать буквального перевода.

Заключение

На пути приобретения навыков перевода будущие переводчики с персидского языка сталкиваются с трудностями, обусловленными рядом осложняющих факторов: особенностями арабско-персидского алфавита, недостатком общих знаний о мире и фоновых знаний о стране, слабыми навыками визуализации текста, недостаточным знанием лексики, стилистики и синтаксиса русского языка.

При обучении переводу в вузе львиная доля работы со студентами приходится на объяснение и исправление ошибок, подобных приведенным выше, и начинается эта работа с перевода коротких рассказов, в процессе которой будущие переводчики сталкиваются практически со всем спектром переводческих трудностей. В процессе всего курса обучения переводу большое значение имеет перевод студентами текстов курсовых работ, в ходе которых начинающие переводчики приобретают устойчивые навыки перевода художественных текстов на военную тематику. Приобретенные практические навыки перевода в сочетании с полученными знаниями по теории перевода реализуются при написании выпускных контрольных работ (ВКР), которыми завершается обучение в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Нелиубин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь. Третье издание, переработанное. М.: Наука, 2003. [Neliubin, L. L. (2003). *Tolkovij perevodovedcheskiy slovar*. (Translation studies explanatory dictionary). 3rd ed. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Пейсиков Л. С.* Тегеранский диалект. М.: Издательство ИМО, 1960. [Pejsikov, L. S. (1960). *Tegeranskij dialekt*. (Tehran dialect). Moscow: Izdatel'stvo IMO. (In Russ.)].
- Рубинчик Ю. А.* О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка. Ежегодник. Иранское языкознание. М.: Наука, 1982. [Rubinchik, U. A. (1982). *O sootnesenii persidskogo literaturnogo i obichodno-razgovornogo yazika*. (About correlation between the Persian literature and spoken language). *Iranskoe yazikoznanie. Ejegodnik*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Хитрик К. Н., Полищук А. И.* Теория перевода. Персидский язык. Когнитивный аспект: учебник. М.: Рема, 2009. [Xitrik, K. N., Polishhuk, A. I. (2009). *Teoriya perevoda. Persidskij yazyk. Kognitivnyj aspekt*. (The theory of translation. Persian language. Cognitive aspect). Textbook. Moscow: Rema. (In Russ.)].
- Ахмад-заде, Хабиб.* Хроники сражающегося города. Опыт перевода. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. [Ahmadzade, Habib. (2016). *Chroniki srajaushegosia goroda. Opit perevoda*. (The chronicle of fighting city. Experience of translation). Moscow: MSLU. (In Russ.)].
- Сабери Асгар.* Разговорный персидский язык для русских студентов. Приложение // Веретенников А. А. Краткий очерк фонетических и грамматических особенностей устной разговорной персидской речи. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2007. [Saber, Asgar. (2007). *Razgovorni persidski yazyk dlia russkich studentov. Prilojenie*. Veretennikov, A. A. *Kratki ocherk foneticheskich i grammaticheskich osobennostey ustnoy razgovornoj persidskoj rechi*. (Persian spoken language for Russian students. Supplementary article by Veretennikov A. A. A short essay about grammatical and phonetic peculiarities of spoken Persian). Moscow: Rossiyski gosudarstvenniy gumanitarni universitet. (In Russ.)].
- Jafari, Hoseyn Ali.* Man sarbaze Hakhamaneshi budam. Tehran: Sherkate entesharate sure-e mehr. 1388 (2010). [Jafari, Hoseyn Ali. (2010). *I was a Hakhamaneshi soldier*. Tehran: Sherkate entesharate sure-e mehr. (In Pers.)].

УДК 81.255.4

Л. Ш. Рахимбекова

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой китайского языка,
переводческий факультет,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: l.rahimbekova@linguanet.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «РУССКИЙ – КИТАЙСКИЙ»

Для передачи культурологических реалий исходного языка, не имеющих полных эквивалентов в языке перевода, переводчик опирается на фоновые знания, при этом переводческий прием транслитерации в китайском языке используется крайне редко из-за специфики его фонетической системы и иероглифического письма, чаще используется описательный перевод либо смешанный перевод – подбирается собственный термин с «уточняющим пояснением», который обеспечивает передачу культурно-обусловленных явлений.

Ключевые слова: перевод; языковая пара «русский – китайский»; инокультурная лексика; способы передачи в переводе.

L. Sh. Rakhimbekova

PhD (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of the Chinese Language,
Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University;
e-mail: l.rahimbekova@linguanet.ru

SOME PROBLEMS OF FOREIGN CULTURAL VOCABULARY TRANSLATION IN THE “RUSSIAN – CHINESE” LANGUAGE PAIR

To adequately convey the cultural realities of the source language, which do not have full equivalents in the target language, the translator uses background information, while the translation technique of transliteration in the Chinese language is used extremely rarely due to the specifics of its phonetic system and hieroglyphic writing, descriptive translation is often used, or mixed translation – own term is selected with a “clarifying explanation”, which provide an adequate transmission of culturally determined phenomena.

Key words: translation; “Russian – Chinese” language pair; foreign cultural vocabulary; ways of adequate transmission in translation.

Введение

Любой преподаватель российского вуза, ведущий занятия по практике и переводу в группах студентов и стажеров из Китая, неизбежно сталкивается с проблемой перевода инокультурной лексики. При работе с текстами общественно-политической тематики эта проблема возникает не так часто, но при чтении русской художественной литературы и особенно классической литературы и поэзии возникает необходимость разьяснять китайским учащимся значение той или иной русской реалии.

Китайская цивилизация существенно отличается от западной христианской и, в частности, от русской цивилизации. Китайская культура выработала свои формы физической, материальной и духовной жизни, прочно усвоенные народом Китая из домашнего воспитания и школьного обучения. При изучении русского текста, особенно художественного, многим китайским учащимся (и не только учащимся) ряд ситуаций, описанных в литературном произведении, характер поведения литературного персонажа, а также то, во что он одет, что употребляет в пищу и многое другое часто кажется весьма странным и необъяснимым. Разумеется, начиная с XX века (а для Китая особенно со второй его половины), материальная культура становится международной, происходит сближение культур. Поэтому современная русская литература, отражающая современную жизнь, более понятна китайскому читателю. Культурная же действительность начала XX века, XIX и более ранняя у русского и китайского народов различалась очень сильно. В этом случае переводчик с русского языка на китайский должен найти такие средства перевода, которые объяснят не только слова и выражения, но и характерные особенности культурных объектов, упомянутых в литературном произведении.

В данной статье мы ставим целью показать и объяснить специфические особенности перевода на китайский язык тех лексических единиц русского языка, которые обозначают неизвестные в Китае культурные реалии русской действительности. Материалом послужила выборка лексики с национально-культурным компонентом из романа современного российского писателя Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог», фрагменты которого были переведены на китайский язык коллегой – преподавателем из Китая и китайскими студентами-магистрантами, с которыми затем были проанализированы мотивы

выбранного ими способа перевода той или иной инокультурной для носителя китайского языка реалии, а также проведено сравнение со способами перевода аналогичной лексики профессиональными китайскими переводчиками изданных в Китае произведений классической русской литературы. При выборе литературного материала для перевода мы руководствовались тем, что в настоящее время Б. Акунин является одним из популярных писателей в России, его романы служат основой для телевизионных сериалов и художественных фильмов, переведены и изданы в Италии, Японии и Тайване, т. е. интересны как европейским, так и восточноазиатским читателям. Но главное соображение заключалось в том, что Б. Акунин пишет на историческую тему, действие его романов происходит во второй половине XIX века и повествование буквально изобилует инокультурной для китайского читателя лексикой.

Особенности перевода русской лексики культурологической тематики на китайский язык

Под реалиями мы понимаем «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому [Влахов, Флорин 1980].

При описании дома в произведениях русской литературы часто упоминается такая реалья, как *ставни*. Ставни на окнах – типичная деталь традиционного русского дома, в современных домах встречающаяся редко. В переводных произведениях русской литературы на китайском языке встречаются два переводных варианта данного слова: 护窗板 *хучуанбань* (доска для прикрытия, защиты окна) и 百叶窗 *байечуан* (жалюзи). Со вторым вариантом трудно согласиться. Китайское слово 百叶窗 *байечуан* буквально означает «окно из сотен листочков», а русские ставни, как правило, деревянные и сплошные, служат для прикрытия окон, для защиты помещения от ветра, воров. Жалюзи в Китае всегда использовались для рассеивания света или защиты от солнца. Возьмем для примера фразу *Теперь многие боятся по вечерам из дома выйти, и двери со ставнями на ночь запирают...*¹ Перевод

¹Здесь и далее примеры приводятся из текста романа Б. Акунина «Пелагия и белый бульдог». URL: <https://knigindom.ru/pelagiya-i-belyj-buldog/>.

этой фразы на китайский язык с помощью слова 百叶窗 *байечуан* вызовет недоумение у китайских читателей: им будет непонятно, почему в России в темное время суток прибегают к помощи жалюзи (в отличие от ставней, жалюзи известны в Китае с древних времен) и как они могут помочь обитателям дома избавиться от страха. Таким образом, очевидно, что в данном контексте под словом *ставни* подразумевается именно 护窗板 *хучуанбань* (*доска для прикрытия, защиты окна*).

Перевод с русского языка названий растений, как правило, не представляет особой трудности, так как слова этой группы обычно имеют соответствующие эквиваленты в китайском языке. Большая часть этих растений есть в Китае, некоторых нет, но в китайских словарях можно найти их наименования. Переводчики, как правило, опираются на словарные варианты. С переводом же слов, обозначающих виды животных, дело обстоит сложнее. Интерес вызывает ряд наименований охотничьих собак: *борзые, гончие* и др. Например:

Этот самый Аполлон Николаевич, ныне уж покойный, страстный был собачник. И борзые у него, и гончие, и легавые.

В китайском языке существует слово с общим понятием охотничьей собаки – 猎狗 *легоу* (*охотничья собака*), но такой подробной, как в русском языке, дифференциации охотничьих собак в довольно богатом словарном запасе китайского языка нет. Анализ переводного литературного материала показывает, что при переводе слов *гончая* и *легавая* китайские переводчики используют одно и то же слово 猎狗 *легоу* (*охотничья собака*), а слово *борзая* переводится также словом 猎狗 *легоу* (*охотничья собака*), но с добавлением фонетической транслитерации *борзая*: 波尔扎亚猎狗 (дословно: *боэрчжая охотничья собака*).

Дело в том, что русские названия охотничьих собак связаны с характером русской псовой охоты, имевшей свои традиционные правила. Гончие собаки должны выгнать зверя из леса, борзые – прихватить зверя на открытом пространстве и удержать его до того времени, пока не подъедут охотники, а легавые – это собаки для охоты с ружьем. В словаре русского языка Ожегова дается следующее определение: «Гончие – это порода охотничьих собак, специально тренируемых для гона зверей» [Толковый словарь Ожегова URL], отсюда и название *гончие*. Чтобы подчеркнуть эту особую черту данной породы собак,

слово *гончие*, возможно, следовало бы перевести как 追逐猎狗 *чжуйч-жу легоу* (дословно: *гоняющая охотничья собака*). Аналогично можно поправить перевод слова *борзая*, т. е. перевести это слово как 波尔扎亚捕兽猎狗 *боэрчжая бушоу легоу*, добавив к первоначальному переводу значение 捕兽 *бушоу* (*ловить зверя*), тем самым поясняя назначение данной породы собак – схватить и держать зверя.

В Китае, как и в России, получили распространение самые разные виды конного транспорта: двухколесные и четырехколесные экипажи, открытые и закрытые и т. д., но в китайском языке, все они, как правило, обозначаются одним словом 马车 *мачэ* (*конный экипаж*), и только в отдельных конкретных ситуациях, часто при упоминании конных экипажей западного типа, к этому общему слову добавляются уточнения, конкретизирующие тот или иной тип экипажа. Посмотрим следующие примеры:

Пелагии повезло... – посадил на телегу старичок крестьянин;
...предводитель только вас дожидается, у него уж и коляска запряжена;
...велел запрягать парадную епископскую карету шестеркой.

Совершенно очевидно из контекста, что речь идет о совершенно разных видах гужевого транспорта: хозяином одного из них является простой крестьянин, другого – представитель дворянского класса, а третьего – представитель высшего духовенства. Эти три экипажа, ввиду совершенно разного социального и материального положения своих хозяев, должны заметно отличаться друг от друга. Очевидно, что перевод всех трех наименований одним и тем же китайским словом 马车 *мачэ* (*конный экипаж*) не отразит должным образом данную конкретную русскую реальность. Для слова «телега», наверное, можно оставить китайское слово 马车 *мачэ*, добавив к нему описание отличительных черт других видов экипажей, можно сделать перевод более точным и в конечном итоге более адекватным: *коляска* – 帶彈簧的马车 *дайтаньхуанды мачэ* (буквально: *рессорный экипаж*), *карета* – 驕式马车 *цзяоши мачэ* (буквально: *паланкин – экипаж*).

Писатели, создавая образы в своих литературных произведениях, внимательно относятся к описанию их одежды, поскольку то, во что одет литературный персонаж, также помогает созданию яркого и запоминающегося образа. Китайские переводчики русской литературы крайне серьезно относятся к тому, как перевести название того, во что

одет персонаж. Так, для перевода русского слова *рубашка*, обладающего ярко выраженной экспрессивностью, было использовано экспрессивное средство китайского языка – чэньюй (классический китайский фразеологизм, состоящий обычно из четырех иероглифов) 破衣烂衫 *po'и ланьшань* (лохмотья; изношенная, рваная одежда), что, на наш взгляд, является удачной находкой переводчика. Использование фразеологизмов при переводе помогает передаче образности речи и соответственно формирует образ персонажа. Для примера приведем следующую фразу:

Жандарм ничуть не удивился требовательности *решительного человека в рубашке*, но с *начальственным блеском в глазах*.

В переводе необходимо следовать замыслу писателя: показать, что, несмотря на совершенно неподобающее одеяние героя, жандарм моментально почувствовал в нем лицо вышестоящее, словам которого следует подчиняться. При переводе были использованы три чэньюя (фразеологизма): 态度坚决 *тайду цзяньцзюэ* (решительный вид), 破衣烂衫 *po'и ланьшань* (лохмотья) и 盛气凌人 *шэньци линжэнь* (держаться надменно, чваниться), которые точно и, что важно для художественного перевода, емко, выразительно передают требуемые значения, и перевод выглядит следующим образом: 宪兵对这个态度坚决的人的要求一点也不惊讶, 虽然他穿着破衣烂衫, 眼神却是盛气凌人 (дословно: *Жандарм ничуть не удивился требованиям этого решительного человека: он был одет в лохмотья, но глаза его смотрели властно*).

Особенную трудность представляет перевод религиозной лексики, поскольку большинство слов из этой группы относится к безэквивалентной лексике. В китайских словарях зафиксированы эквиваленты некоторых общих христианских терминов, например, 祈祷 *цидао* (молиться, молитва), 修女 *сюню* (монахиня), 神甫 *шэньфу* (священник) и т. д. Однако у этих слов, кроме понятийного значения, могут быть и коннотативные значения, и по этой причине в переводе могут быть допущены неточности. Проиллюстрируем это на примере слова *алтарь*. Согласно словарю Ожегова, у слова *алтарь* два значения: во-первых, это «восточная возвышенная часть христианского храма (в православной церкви отделенная от общего помещения иконостасом)» и, во-вторых, это «то же, что жертвенник» [Толковый словарь

Ожегова URL]. Для первого значения в китайском языке существует термин 圣坛 *шэньтань* (дословно: *священное возвышение / насыпь*), а для второго существует эквивалент 祭坛 *цзитайнь* (дословно: *возвышение / насыпь для совершения жертвоприношения*). При переводе, например, фразы *Это у него идея – себя на алтарь положить, чтобы из полуграмотной девки просвещенную женщину сделать* у китайского переводчика, не знакомого с устройством христианских храмов, может возникнуть сомнение: какое из этих двух значений слова *алтарь* имеется здесь в виду.

Перевод на китайский язык большинства религиозных терминов, в том числе названия религиозных праздников, осуществляется обычно описательным способом или путем создания новых слов. Например, *Яблочный Спас* в «Большом русско-китайском словаре» переводится как 苹果节 *пингоцзе* (букв. *Яблочный праздник*) [大俄汉词典 1985], при этом указывается, что это название религиозного праздника, отмечающегося в середине августа. Посмотрим следующий пример:

А надо вам сказать, что к Яблочному Спасу, как начнет небо поворачивать с лета на осень, город наш имеет обыкновение подвергаться истинному нашествию цикад...

При переводе данной фразы китайским читателям следует пояснить, что данный церковный праздник выпадает на конец лета, и в России, являющейся северной, по сравнению с Китаем, страной, лишь к этому периоду созревают первые яблоки, в противном случае носителям китайского языка, живущим в других климатических условиях и привыкшим к другим срокам созревания фруктов, будет совершенно непонятно, почему Спас называется яблочным. Поэтому, с нашей точки зрения, выражение *Яблочный Спас* следует переводить термином, но при этом делать сноску с необходимыми пояснениями.

Наиболее серьезные проблемы перевода возникают с лексикой, обозначающей служебные должности, названия организаций, общественно-политические реалии, которые существовали в прежние времена в России. Многие слова, относящиеся к этой лексике, являются историзмами, т. е. обозначают исторические явления, в настоящее время отсутствующие не только в китайских реалиях, но и в России.

Так, например, посмотрим на слова *поместье* и *имение*:

Прежде чем сестра Пелагия отправится в *поместье* генеральши Татищевой, необходимо сделать кое-какие географические пояснения, *Имение* большое, содержится в образцовом порядке. Леса, луга, мельницы, льны, овсы первостатейные.

Эти слова имеют общее значение – земельное владение, и на китайский язык они переводятся словами 地产 *дичань*, 庄园 *чжуаньюань*, 领地 *линдли*, каждое из которых тоже имеет общее значение «земельное владение». При этом переводчики используют эти слова, часто не вникая в истинное значение исходного слова. Между тем поместье исторически означало земельное владение помещика, который «является дворянином, относится к привилегированному сословию» [Ожегов URL], поэтому для перевода больше подходят слова 领地 *линдли*, что означает «феодалное владение», либо 庄园 *чжуаньюань*, что исторически означало «удельные земли, жалованные поместья членов царствующего дома династии Цин» (последняя династия Китая, прекратившая существование в 1912 г. с образованием Китайской Республики). Слово же *имение*, конечно, тоже могло обозначать помещичье имение, однако в общем обозначало земельное владение, которое могло принадлежать не только дворянам, но и любому состоятельному человеку. Поэтому, с нашей точки зрения, для перевода этого слова наиболее подходит китайское слово 地产 *дичань*, что означает просто «земельная собственность» (дословно: *земля + собственность*).

Заключение

Таким образом, следует отметить, что, наряду с чисто техническими приемами перевода, переводчик должен использовать фоновые знания (а иногда и интуицию), так как эти качества играют большую роль не только для перевода в целом, но и для передачи реалий исходного языка, которые часто не имеют полных эквивалентов в языке перевода и должны быть переводимы с особой тщательностью. Для перевода инокультурной лексики, представляющей собой, наряду с идиомами и фразеологическими единицами, наиболее сложную переводческую проблему в языковой паре русский – китайский, такой переводческий прием, как транслитерация, используется крайне

редко из-за специфики фонетической системы китайского языка и его иероглифического письма, чаще используется описательный перевод непосредственно внутри переводного текста либо смешанный перевод – подбирается собственный термин с «уточняющим пояснением», которые обеспечивают передачу культурно-обусловленных явлений в переводном языке.

Перевод текстов культурологической тематики в настоящее время чрезвычайно востребован в России в связи с возросшим интересом к Китаю, его культуре, языку, к отдыху и лечению в Китае. Аналогично можно констатировать и активизировавшийся в последние десятилетия в Китае интерес к культуре, литературе, кинематографу России, поэтому как китайскими, так и российскими переводчиками четко осознается необходимость развивать школу перевода культурологических текстов в языковых парах русский – китайский и китайский – русский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе : учебное пособие. М.: Международные отношения, 1980. [Vlahov, S., Florin, S. (1980). *Neper-evodimoe v perevode*. (Untranslatability in Translation). Textbook. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)].
- Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/>. [Tolkovyj Slovar Ozhegova. (Ozhegov's Explanatory Dictionary). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (in Russ.)].
- 大俄汉词典 (Большой русско-китайский словарь). 北京: 商务印书馆, 1985. [Comprehensive Russian-Chinese Dictionary. (1985). Beijing: Shangwu Yinshuguan. (In Chin.)].

УДК 808.2

Х. Ш. Сайдумаров

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языков и культур стран СНГ и Ближнего Зарубежья,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: Khurshed_1818@mail.ru

КОНСТРУКЦИИ ПРИГЛАГОЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУССКОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются приглагольные отношения русского родительного падежа и способы его выражения в таджикском языке. Отмечается, что по грамматическому строю русский и таджикский языки значительно различаются. Русский язык принадлежит к флективно-синтетическим языкам, а таджикский относится к языкам аналитического типа. Таким образом, способы и средства выражения в таджикском языке значений русских падежных отношений настолько разнообразны, насколько разнообразны значения, выражаемые русскими падежными отношениями.

Ключевые слова: таджикский язык; русский язык; падеж; приглагольные отношения; предлог.

Kh. Sh. Seydumarov

PhD (Linguistics), Associate Professor of the Department of CIS Languages and Cultures, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Khurshed_1818@mail.ru

CONSTRUCTIONS OF ADVERBIAL RELATIONS OF THE RUSSIAN GENITIVE CASE AND WAYS OF ITS EXPRESSION IN THE TAJIK LANGUAGE

The article deals with the adverbial relations of the Russian genitive case and ways of its expression in the Tajik language. It is noted that the grammatical structure of the Russian and Tajik languages are significantly different. Russian belongs to inflective-synthetic languages, and Tajik belongs to analytical languages. Thus, the ways and means of expressing the meanings of Russian case relations in the Tajik language are as diverse as the meanings expressed by Russian case relations.

Key words: Tajik language; Russian language; case; verbal relations; preposition.

Введение

На земном шаре насчитывается свыше двух тысяч языков. Современное языковедение делит их на семейства родственных языков.

Русский и таджикский языки принадлежат к числу обширной индоевропейской семьи. Генеалогическая классификация объединяет языки по общности корней, аффиксов, слов, что связано с общностью происхождения. Генеалогическая классификация не касается морфологического строя и типа языков. При этом по грамматическому строю русский и таджикский языки значительно различаются. Русский язык принадлежит к флективно-синтетическим языкам, а таджикский относится к языкам аналитического типа.

Отношение одного слова к другому в предложении в русском и таджикском языках выражается различными грамматическими средствами. Например, в русском языке оно передается посредством падежных форм без предлогов или с предлогами, а падежные формы образуются прибавлением окончаний к основе. В таджикском языке подобного явления нет, и значения русских падежей, которые тесно связаны с падежными окончаниями, выражаются посредством начальной формы существительного в различных синтаксических позициях и сочетаниях, изафетной конструкцией, сочетанием с предлогами и послелогом. Например, родительный падеж принадлежности в таджикском языке передается изафетным сочетанием: преподаватель таджикского языка – омузгори забони тоҷикӣ.

Приглагольные отношения родительного падежа без предлогов

Родительный падеж без предлогов при обозначении объектных отношений называет объект желания или достижения. Такое значение достигается лексическим значением глаголов. Количество таких глаголов ограничено: *хотеть, желать, жаждать, просить, добиваться, достигать, ждать, достать, требовать, выпрашивать, держаться, касаться, слушаться, отрезать, насыпать, налить* и др.

Управляемые имена существительные в подобных отношениях обозначают отвлеченные понятия. В таджикском языке родительный падеж с перечисленными глаголами передается посредством имени-основы или посредством соответствующих предлогов. Это зависит от лексического значения глагола и управляемого слова (возможна передача и посредством послелога **ро**), например:

«...желаю славы я...» (Пушкин А. С. *Желание славы*) – ман шаъну шараф мехоҳам,

«...если не добром, так неволей послушаешься бабушку!» (Гончаров И. А. «Обрыв», с. 73) – *Агар ба хуби нашавад, онгоҳ маҷбуран ба бибият сӯи мекунӣ!*

«Есть люди, которые бескорыстно ищут путей к свободе, к счастью народа...» (Горький М. «Мои университеты», с. 9). – *Одамоне ҳастанд, ки безгаразона ба сӯи озодӣ, хушбахтии халқ, роҳ меҷӯянд.*

«Матушка ваша достигла известности...» (Панова В.Ф. «Собрание сочинений», т. 3, с. 9) – *Модараки шумо шухрат пайдо кард.*

Важность употребления родительного падежа при переходных глаголах в положительной форме определяется лексическим значением управляемого существительного, которое по своему словообразовательному составу и значению может указать на то, что действием охвачен не только весь, но и часть как конкретного, так и отвлеченного значения.

Существительными в данном случае управляют обычно глаголы с приставками *на, под, от, в* и др. В таджикском языке передается посредством начальной формы (имени-основы). Если же значимость части целого особо подчеркивается, выделяется, то передается посредством предлога *аз*, например:

он купил муку – *ӯ орд харид*. Он купил и муку – *ӯ аз орд ҳам харид*; «Выпей-ка огуречного рассола с мёдом...» (Пушкин А. С. «Капитанская дочка», с. 2) – *аз намакоби бодиринг бо асал хӯри чӣ.*

Глаголы *стоит, удостоиться, заслуживать* как без отрицания, так и с отрицанием управляют только родительным падежом. Значения таких отношений очень близки к идиоматическим выражениям и в таджикском языке передаются соответствующими эквивалентами, например:

«А всё-таки он не стоит ее пальца» (Толстой Л. Н. «Анна Каренина». Часть пятая, с. 129) – *Ҳарчи ҳам бошад, вай ба як ангушти ӯ намеарзад.*

«...Элен имела большой успех и удостоилась особенно внимания такого-то...» (Толстой Л. Н. «Война и мир», с. 119) – *Элен ба муваффақияти калон ноил гашта, сазовори диққати махсуси фалони гардид.*

«В столице он осмотрел всё, что стоило осмотра» (Короленко В. Г. «История моего современника», с. 46) – *Дар пойтахт ӯ ҳама чизҳоеро, ки ба дидан меарзиданд тамошо кард.*

Родительный падеж, выражающий объектные отношения с оттенком удаления, лишения, в таджикском языке в основном передается посредством предлога **аз**. В данном случае управляющим словом является ограниченное количество глаголов – *бояться, избегать, лишать, лишаться, пугаться, опасаться, остерегаться, сторониться, стесняться, стыдиться, трусить* и др. Примеры:

«Кто воды боится, в лодку не сядет...» (Гончаров И. А. «Обломов», с. 28) – *Касе, ки аз об метарсад ба қайқ савор намешавад.*

«...себя я, стен стыжусь» (Грибоедов А. С. «Горе от ума», с. 25) – *ман аз худам, аз деворҳо шарм медорам.*

«Словно мужик чего-то опасался» (Фурманов Д. А. «Чапаев», с. 4) – *деҳқон гуё, ки аз чизе хавф мебурд.*

Приглагольные отношения родительного падежа с предлогами

Предглагольный родительный падеж с предлогами выражает большей частью определительно-обстоятельственные отношения, но может также выражать и объектные отношения.

Родительный падеж с предлогом **от** (*ото*), выражающий объектные отношения, в таджикском языке передается, в основном, посредством предлога **аз**. В некоторых случаях к предлогу **аз** присоединяются компоненты *тараф, пеш, назд, сӯ* и др. Например:

- а) удаление предмета от предмета:

учитель отошел от стола – *муаллим аз пеши миз дур шуд*. Они отъехали от города – *онҳо аз назди шаҳр дур шуданд*;

- б) освобождение (отрыв, избавление) одного предмета от другого:

«...дубовый лист оторвали от ветки родимой» (Лермонтов М. Ю. «Листок») – *барги дарахти булутро аз шохчааш кандаанд*;

- в) удаление, освобождение, избавление отрыв в отвлеченном смысле:

«Он может остеречь ее от грубых ошибок...» (Гончаров И. А. «Обрыв», с. 174) – *вай метавонад ёро аз хатоҳои дагал боз дорад*;

г) источник из которого что-либо ожидается, получается, узнается:

«В последних числах августа Ростовы получили второе письмо от Николая» (Толстой Л. Н. «Война и мир». Книга 2, с. 77) – Дар рӯзҳои охирини август Ростовҳо аз Николай мактуби дуҷумро гирифтанд;

д) причинные отношения (очень продуктивны):

«Тычков задыхался от злости и не знал сам, что что говорил» (Гончаров И. А. «Обрыв», с. 90) – Тичков аз қаҳр нафастанг шуда, ҳудаи надонист, ки чӣ гуфт;

е) определительно-обстоятельственные отношения:

их составляют в основном устойчивые словосочетания, например: «Лиза хохотала от души» (Пушкин А. С. «Барышня – крестьянка», с. 4) – Лиза аз таҳти дил механдид.

Родительный падеж с предлогом **до** выражает пространственные, временные, определительно-обстоятельственные и объектные отношения.

Пространственные отношения в таджикском языке выражаются в основном посредством предлога **то**. В некоторых случаях предлог **то** соединяется с предлогом **ба** – **то ба...** или со словом **худи** – **то худи...**:

Шли до самого Берлина с боями. – Чангунон **то худи** Берлин ме-
рафтем.

Временные отношения в таджикском языке выражаются также посредством предлога **то**:

ему не спалось до полуночи – вайро **то** нисфи шаб хоб намебурд.

Определительно-обстоятельственные отношения также передаются посредством предлога **то**:

«Марфенька смеялась до слёз...» (Гончаров И. А. «Обрыв», с. 122) –
Марфенка **то** баромадани оби дида механдид.

Родительный падеж с предлогом **у** выражает в основном посредственные и объектные отношения. Пространственные отношения

в таджикском языке передаются посредством предлога **дар** с компонентами **пеи, назд, пахлу** – **дар пеиш, дар назди дар пахлу**. Примеры:

рыбаки располагались у реки – *моҳигирон дар назди дарё ҷой гирифтанд*. «У дома ждут ломовые извозчики...» (Некрасов Н. А. «Стихотворения», с. 33) – *Дар пеиш хона аробакашҳо интизоранд*.

Пространственные отношения с участием лица как обладателя места, дома, организации, предприятия и др. в таджикском языке передаются посредством предлога **дар** и компонента **назд** – **дар назди**, предлог употребляется и без компонента.

Они долго беседовали у председателя. – *Онҳо хеле вақт дар назди раис суҳбат карданд*.

Объектные отношения в таджикском языке выражаются, в основном, посредством предлога **аз**. Например: *я спросил у неё* – *ман аз вай пурсидам*.

Родительный падеж с предлогами **для, ради** выражает целевые и объектные отношения. Целевые отношения в таджикском языке передаются в основном посредством предлога **барои**. Возможна передача и посредством оборота **бо мақсади**.

Они заехали в город для закупок (ради закупок) продуктов. – *Онҳо ба шаҳр барои харид дохил шуданд*.

Мать много трудилась для детей (ради детей). – *Модар барои фарзандонаш бисёр меҳнат кардааст*.

Родительный падеж с предлогом **из** выражает пространственные, объектные, причинные и определительно-обстоятельственные отношения. Пространственные отношения с оттенком объектных отношений в таджикском языке передаются, в основном, посредством предлога **аз**, например:

«...я хотел уже выйти из дому...» (Пушкин А. С. «Капитанская дочка», с. 7) – *ман мехостам, ки аз хона бароям*.

Пространственные отношения, передающие значения помещения предмета куда-либо, либо извлечения предмета откуда-либо, в таджикском языке передаются посредством предлога **аз** с компонентом **дарун** – **аз даруни**, например:

«...вынь мясо из перемётной сумы и прибири его» (Айни С. «Воспоминания», с. 25) – **аз даруни хурчин гӯитро гирифта саришта кун.**

Предлог **аз** в некоторых случаях употребляется и без компонента **дарун**, например, *из ящика – аз қуттӣ.*

Объектные отношения в таджикском языке передаются посредством предлога **аз**. Объектные отношения данного значения бывают в основном двухпадежными, в которых одно существительное выступает со значением прямого объекта – в винительном падеже (при отрицании – в родительном падеже), другое – со значением косвенного объекта, в родительном падеже с предлогом **из**, например: *сделать игрушку из картона – аз кардон бозича сохтан; мать наварила варенья из слив – модар аз олу мураббо пухт.*

Объектные отношения, в силу лексических значений глаголов и существительных, могут иметь различные оттенки объектных и объектно-пространственных значений, которые в таджикском языке передаются в основном посредством предлога **аз**, например:

все ели **из** котла – хама **аз** дег мехӯрданд; «Если я выстрелю из пистолета...» (Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени», с. 11) – *агар ман аз тапонча парронам...*

Причинные отношения в таджикском языке выражаются посредством предлога **аз**, **ба** с компонентом **сабаб** – **аз сабаби**, **ба сабаби**. В данном случае может быть привлечен и предлог **барои**, например:

«Она ... года через два выйдет замуж за урода, **из** покорности к маменьке ...» (Лермонтов М. Ю. Письма, с. 61) – *ӯ аз сабаби ба модараиш итоаткор будан баъд аз ду сол ба одами зиштруӣ ба шавҳар мебарояд...*

Определительно-обстоятельственные отношения в таджикском языке передаются посредством предлога **бо** и слова **тамом**, например:

«Николай Петрович... трудится **изо** всех сил...» (Тургенев И. С. «Отцы и дети») – *Николай Петрович бо тамоми қувваи худ меҳнат мекунад.*

Родительный падеж с предлогом **из-за** выражает пространственные и причинные отношения.

Пространственные отношения в таджикском языке передаются в основном посредством предлога **аз** и компонентов **нас**, **пушт**, **сар**: **аз наси**, **аз пушти**, **аз сари**, сочетания **аз он тараф**. Примеры:

Из-за двери кто-то появился. – *Аз паси дар ким-кӣ намудор шуд.*

Из-за реки доносилась песня. – *Аз он тарафи дарё суруд шунида шуд.*

«Он вышел **из-за** письменного стола и остоновился посреди комнаты» (Павленко П. Советская классическая проза, с. 19) – *Ў аз сари миз бархоста дар миёна хона бозистод.*

Причинные отношения в таджикском языке выражаются посредством предлога **барои**, сочетания предлога **аз** и **барои**: **аз барои**, сочетания **дар натиҷаи**, предлога **бинобар**, предлога **ба** с компонентом **сабаб**: **ба сабаби**. Примеры:

Из-за вас пришли. – *Аз барои шумо омадем.* Это случилось *из-за* вашей неосторожности. – *Ин дар натиҷаи беэҳтиётии шумо рӯй дод.* А *из-за* чего же терпит несчастная все эти оскорбления? – *Сабаб чист, ки бечара ба чунин таҳқирҳо тоқат меоварад?*

Родительный падеж с предлогом **из-под** выражает только пространственные отношения, которые в таджикском языке выражаются посредством предлога **аз** и компонентов **таг**, **зер**: **аз таги**, **аз зери**. Примеры:

Шахтёры стали группами появляться **из-под** земли. – *Конканҳо гуруҳ-гуруҳ аз зери замин баромадан гирифтанд.*

«Черные глаза его сверкали **из-под** шляпы» (Пушкин А. С. «Пиковая дама») – *Чашмони сиёҳи ӯ аз зери шапка медураҳшиданд.*

Он вынул **из-под** одеяла бледную руку. – *Ў дасти рангпаридааширо аз таги кӯрна баровард.*

Приведенные примеры показывают, что родительный падеж в таджикском языке часто передается с помощью предлогов, которые влияют на падежные значения и изафет.

Глаголы, выступающие в качестве ведущего слова в рассмотренных выше примерах, далеко не однородны по грамматическим признакам. Родительный падеж при переходных глаголах употребляется тогда, «когда подразумевается идея частичного количества».

Заключение

Исходя из изложенного, можно отметить, что способы и средства выражения в таджикском языке значений русских падежных отношений, настолько разнообразны, насколько разнообразны значения,

выражаемые русскими падежными отношениями. Нет таких значений, выраженных в русском языке родительным падежом, которые с любыми их оттенками передавались бы в таджикском языке свободно. Приглагольные отношения по характеру выражаемых ими отношений очень разнообразны. В работе нами описаны беспредложные и предложные приглагольные отношения, в которых управляющим словом выступает глагол, а падежные отношения выражают:

- а) объектные отношения, т. е. предметные;
- б) определительные отношения;
- в) обстоятельственные, или качественно-обстоятельственные (времени, пространства, причины, цели, образа действия и т. д.).

Внутри каждой из этих групп намечаются частные подразделения, также возможны самые разнообразные виды переплетения, взаимодействия и взаимопереходы, т. е. возможны переходные типы способов выражения в таджикском языке приглагольных отношений родительного падежа русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. (Таджикский современный литературный язык. Часть 1.). Душанбе: Ирфон, 1973. [Tadzhikskij sovremennij literaturnyj yazyk. (1973). (Tajik modern literary language). Part 1. Dushanbe (In Taj.).
- Огородникова Л. А. Приименные и приглагольные конструкции родительного падежа в произведениях писателей и публицистов второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 33–37. [Ogorodnikova, L. A. (2013). Adnominal and verbal constructions in works of writers and publicists of the second half of 18 century. *Tomsk State University journal*, 369, 33–37. (In Russ.)].
- Солоницын Ю. В. Родительный неопределённого количества при переходных глаголах // Очерки по русскому языку. Киров: Кировский государственный педагогический институт, 1962. С. 93–98. [Solonitsyn, Yu. V. (1962). Roditel'nyj neopredelyonnogo kolichestva pri perekhodnyh glagolah. (Genitive of an indefinite number in transitive verbs). In *Ocherki po russkomu yazyku*. (pp. 93–98). Kirov: Kirovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institute. (In Russ.)].
- Эшонджонов А. Именное сказуемое в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сталинабад, 1959. [Eshonjonov, A. (1959). *Imennoe skazumoe v sovremennom tadzhikskom literaturnom yazyke*. (Nominal predicate in modern Tajik literary language). Stalinabad. (In Taj.)].

УДК 811.531

А. И. Храмцова

преподаватель кафедры восточных языков,
Минский государственный лингвистический университет;
e-mail: a.khramtsova@mail.ru

СЕМАНТИКА СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В СОСТАВЕ ВИДОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА МАТЕРИАЛЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье, с учетом современных исследований, посвященных категории вида, на материале корейского языка рассматриваются семантические особенности служебных слов в составе аналитических конструкций со значением длительного, завершенного и многократного вида; рассмотрены случаи параллельного использования одних и тех же лексических единиц в качестве служебных слов в аналитических видовых конструкциях и в качестве самостоятельных полнозначных слов, а также в составе конструкций отрицательной формы повелительного наклонения.

Ключевые слова: вид; семантика; вспомогательный глагол; аналитическая конструкция; корейский язык.

A. I. Khramtsova

Lecturer, Department of Oriental Languages,
Minsk State Linguistic university; e-mail: a.khramtsova@mail.ru

SEMANTICS OF AUXILIARY VERBS AS PART OF ASPECTUAL CONSTRUCTIONS ON THE EXAMPLE OF THE KOREAN LANGUAGE

In this paper, the author considers modern researches devoted to the category of the aspect and on the example of the Korean language looks into the semantic features of functional words as part of analytical constructions with the meaning of duration, completeness and frequency. The author also analyzes the cases of parallel use of the same lexical units as functional words in analytical aspectual constructions and as independent lexical words, as well as part of negative form structures of the imperative mood.

Key words: aspect; semantics; auxiliary verb; analytical construction; Korean language.

Введение

Вид – наиболее неоднозначная глагольная категория, которая находит выражение в каждом языке. Грамматический вид не является универсальной категорией, и в то же время вид, или способ протекания

действия, выражается с помощью различных языковых средств во всех языках. В корейском языке исследования категории вида начались во второй половине XX в. В настоящее время вопрос наличия категории вида в корейском языке уже решен, однако до сих пор лингвисты обсуждают количественный состав аналитических конструкций, выражающих видовые значения, и особенности их семантики.

В 50-е годы XX в. ученые-лингвисты выделяли различное количество видовых конструкций. Так, Ким Су Гён выделил 6 конструкций длительного вида (-고 있다 -ко *итта*, -아 / 어 있다 -а / о *итта*, -아 / 어 쌓다 -а / о *сшатха*, -아 / 어 오다 -а / о *ода*, -아 / 어 가다 -а / о *када*, -곤 하다 -кун *хада*) и 6 конструкций завершённого вида (-아 / 어 버리다 -а / о *порида*, -고 말다 -ко *мальда*, -아 / 어 / 고 나다 -а / о / *ко нада*, -아 / 어 놓다 -а / о *нотха*, -아 / 어 두다 -а / о *туда*, -아 / 어 가지다 -а / о *качжида*) [Ким Су Гён 1954]. А. А. Холодович, в целом, не выделял вид в корейском языке как отдельную грамматическую категорию, а относил видовые конструкции к способам действия (все перечисленные выше конструкции, кроме -아 / 어 쌓다 -а / о *сшатха* и -곤 하다 -кон *хада*) [Холодович 1954]. Ю. Н. Мазур выделил всего 5 видовых форм: длительный вид (-고 있다 -ко *итта*, -고 계시다 -ко *кесид*), предельный вид (-고 말다 -ко *мальда*), желательный вид (-고 싶다 -ко *сипхта*), многократный вид (-곤 하다 -кун *хада* (в совр. яз. -곤 하다 -кон *хада*)), завершённый вид предварительного действия (-고 나서 -ко *насо*, -고 나니 -ко *нани*, -고 나면 -ко *намён*, -고 난 -ко *нан*) [Мазур 1954]. В дальнейшем, Е. К. Гусева в своем исследовании, опираясь на труды А. А. Холодовича выделила 5 конструкций длительного вида, добавив -아 / 어 대다 -а / о *тэда*, 8 конструкций завершённого вида, разделив их на два подвида: абсолютной завершенности (-아 / 어 버리다 -а / о *порида*, -아 / 어 내다 -а / о *нэда*, -아 / 어(고) 나다 -а / о(ко) *нада*, -고 말다 -ко *мальда*) и результативной завершенности (-아 / 어 놓다 -а / о *нотха*, -아 / 어 두다 -а / о *туда*, -아 / 어 넣다 -а / о *нотха*, -아 / 어 가지다 -а / о *качжид*) [Гусева 1961].

В более современных исследованиях к конструкциям длительного вида были добавлены конструкции -는 중이다 -нын *чунъида* и -는 길이다 -нын *кирида*.

Таким образом, в современных исследованиях категория вида в корейском языке представлена следующими значениями: а) длительно-го вида (представлен семью аналитическими конструкциями: -고 있

다 -*ко итта*, -아 / 어 있다 -*а / о итта*, -아 / 어 오다 -*а / о ода*, -아 / 어 가다 -*а / о када*, -는 중이다 -*нын чунъида*, -는 길이다 -*нын кирида* и -아 / 어 대다 -*а / о тэда*); б) завершённого вида (представлен восемью аналитическими конструкциями: -아 / 어 버리다 -*а / о порида*, -아 / 어 내다 -*а / о нэда*, -고 말다 -*ко мальда*, -아 / 어 нада -*а / о нада*, -아 / 어 놓다 -*а / о нотха*, -아 / 어 두다 -*а / о туда*, -아 / 어 뵈다 -*а / о нотха*, -아 / 어 가지다 -*а / о качъида*); в) многократного вида (представлен одной аналитической конструкцией -곤 하다 -*кон хада*).

Все видовые значения в корейском языке выражаются аналитическими конструкциями, которые строятся по схожему принципу. К деепричастию предшествования либо предикативному прилагательному на -아 / 어 -*а / о* (잊어 *ичжю*, 지어 *чио*, 걸어 *коро*) или к деепричастию настоящего времени на -고 -*ко* (사라지고 *сарачиго*, 풀고 *пхульго*, 잃어지고 *ильхочжиго*), на -는 -*нын* (가는 *канын*, 하는 *ханын*, 주는 *чунын*) присоединяется вспомогательный глагол или служебное слово, которые полностью или частично утратили свое лексическое значение. Тем не менее каждый из этих компонентов выражает определенное значение, дополняющее общую семантику длительности, завершенности или многократности.

Изучение семантики вспомогательных глаголов в составе видовых конструкций позволит не только лучше понять суть и особенности категории вида современном корейском языке, но и будет полезным при изучении корейского языка как иностранного.

Служебные глаголы в составе конструкций длительного вида

Как было отмечено выше, аналитические конструкции содержат вспомогательные глаголы, которые дополняют общую семантику вида. Рассмотрим детально каждую конструкцию длительного вида.

Служебный глагол 있다

Вспомогательный глагол 있다 *итта* употребляется в составе двух аналитических конструкций длительного вида – -고 있다 -*ко итта* и -아 / 어 있다 -*а / о итта*. Наиболее частотная в употреблении конструкция -고 있다 -*ко итта* состоит из деепричастия предшествования на -고 -*ко* (보고 *пого*, 쓰고 *ссыго*) и вспомогательного глагола 있다 *итта* – «находиться», «пребывать» и указывает на действие, продолжающееся в определенный момент или промежуток времени.

Первый компонент конструкции с деепричастием предшествования обозначает начатое действие, а второй – то, что действие продолжается. Например:

일하고 있다 *ильхаго итта* – «нахожусь в состоянии работы»;

벨라루스 국민의 5분의1이 현재 오염된 지역에 거주하고 있다. *Пэлларуссы кукминэ 5 бунэ 1и хёнджэ оёмтвэн чийёэ коджухаго итта* – «Сегодня каждый пятый *живет* на зараженной территории» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

При ярко выраженном значении длительности действия, это единственная конструкция, которая способна выражать различные видовые значения. Так, Н. С. Мункуева отмечает следующие оттенки: повторяемость (многократный вид); регулярное повторение действия (абитуальный вид); завершенность (результативный вид); состояние (статичный вид) [Мункуева 2009].

Конструкция -아 / 어 있다 -а / о *итта* наряду с конструкцией 고 있다 -ко *итта* выражает длительность действия или состояния. Образуется посредством присоединения вспомогательного глагола 있다 *итта* к деепричастию предшествования (쉬여 *соккё*, 서 *со*). Деепричастие предшествования указывает на совершение действия и возникновение определенного состояния как результата этого действия, а вспомогательный глагол 있다 *итта* подчеркивает, что это состояние сохраняется в данный момент или промежуток времени:

내용물에는 부분적으로 흑연과 시멘트까지 섞여 있다. *Нээнгмурэнын пубунчогыро хыгёнгва симэнтхыккаджи соккё итта* – «Причем топливо частично *перемешано* с графитом и бетоном» (С.А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

В этих двух конструкциях можно четко проследить значение вспомогательного глагола, которое заключается в указании на длительность действия или состояния.

Служебный глагол 오다

Конструкция -아 / 어 오다 -а / о *ода* образуется путем присоединения вспомогательного глагола 오다 *ода* – «приходить» к деепричастию предшествования на 아 / 어 -а / о (해 *хэ*, 말라 *малла*) или предикативного прилагательного (کمکم혜 *кхомкхомхэ*, 늙어 *ныльго*).

Семантика данной конструкции заключается в выражении длительности процесса, начавшегося в какой-то определенный момент в прошлом и продолжающегося до настоящего момента. Е. К. Гусева отмечает, что данная конструкция характеризует действие как процесс количественного нарастания. Деепричастие предшествования показывает, что действие или состояние началось, а вспомогательный глагол *오다 oda* – что оно продолжается. При этом глагол *오다 oda* – «приходить» полностью утрачивает свой лексическое значение.

지금까지 열심히 공부를 해 왔습니다. *Чигымккаджи ёльсимхи конъбурьль хэ оассымнида* – «До сих пор я усердно занимался».

Следует различать случаи, в которых вспомогательный глагол входит в состав аналитической конструкции (*살아 오다 sara oda* – «жить», *활동해 오다 хвальдонъхэ oda* – «действовать») и в которых полнозначный глагол входит в состав сложного слова (*들어오다 ты-роода* – «входить», «заходить»; *나오다 наода* – «выходить»; *찾아오다 чхачжаода* – «приходить», «навещать»). В приведенных примерах в первом случае глагол *ода* выражает длежащее и направленное в настоящее действие, а во втором является частью сложного слова и несет в себе семантику движения, приближения к условной точке.

Семантика вспомогательного глагола заключается обозначении длительности процесса, продолжающегося до определенного момента.

Служебный глагол *가다*

Конструкция *-아 / 어 가다 -a / o када* аналогична предыдущей. Отличие состоит только в том, что вспомогательный глагол *가다 када* – «идти», «уходить», утрачивая свое лексическое значение, указывает на направленность процесса в будущее.

모든 일이 잘 되어 간다. *Модын ири чаль твэо канда*. – «Всё идёт хорошо».

Так как в русском языке отсутствуют аналогичные формы, понимание выражаемого этими конструкциями содержания может вызывать некоторые затруднения у носителей русского языка.

그는 숯처럼 까매지고 어린이처럼 야위어갔다. *Кынын сутчхором кка-мэчжиго ориничхором яуиокатта*. – «Он стал черный, как уголь, **высох** до детского размера» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Следует различать случаи, в которых вспомогательный глагол входит в состав аналитической конструкции (살아 가다 *sara kada* – «жить», 공부해 가다 *коньбухэ када* – «учиться») и в которых полнозначный глагол входит в состав сложного слова (들어가다 *тырокада* – «входить», «заходить»; 나가다 *накада* – «выходить», «уходить»; 찾아가다 *чхачжакада* – «идти с визитом», «навещать»). В приведенных примерах в первом случае глагол *када* выражает длящееся и направленное в будущее действие, а во втором случае является частью сложного слова и несет в себе семантику движения, удаления от условной точки.

Семантика вспомогательного глагола в видовой конструкции заключается в указании на направленность процесса в будущее.

Служебное слово 중

Конструкция -는 중이다 *-нын чунъида* образуется с помощью присоединения зависимого существительного 중 *чунъ* – «посреди», «в течение» к деепричастию настоящего времени (가는 *канын*, 하는 *ханын*), тем самым указывая на действие, находящееся в процессе совершения. Например:

저 지금 회의하는 중입니다. *Чо чигым хвэиханын чунъимнида.* – «У меня сейчас совещание» (*букв.* Я нахожусь в процессе совещания).

В данной конструкции служебное слово частично утрачивает свое основное лексическое значение. В каждом примере видовой конструкции с данным служебным словом можно проследить семантику «нахождение действия в середине, процессе выполнения».

Служебное слово 길

Конструкция -는 길이다 *-нын кирида* образуется с помощью присоединения лексической единицы 길 *киль* – «дорога», «путь» к деепричастию настоящего времени (가는 *канын*, 나가는 *наганын*), тем самым указывая на действие, совершающееся в процессе движения. Главным образом, употребляется в конструкциях с глаголами движения 가다 *када* – «идти», 오다 *ода* – «приходить», 나가다 *нагада* – «выходить»:

어디 가는 길이에요? *Оди канын кириэё.* – «Вы куда-то идёте?».

Часто данная конструкция переводится как «по пути», «по дороге». Таким образом, можно говорить о частичной утрате лексического значения словом *길* *киль* – «дорога», «путь»:

집에 돌아오는 길에... *Чибэ тораонын кирэ*. – «По дороге домой...» (*возвращаясь* домой).

Служебный глагол *대다*

Конструкция *-아 / 어 대다 -a / o тэда* образуется путем присоединения вспомогательного глагола *대다 тэда* к деепричастию предшествования на *아 / 어 -a / o* (*웃어 усо, 물어 муро*). В самостоятельном употреблении глагол *тэда* имеет значение «подходить (о поре)», «достигать», «прикладывать». В аналитической видовой конструкции глагол утрачивает свое лексическое значение. Указывая на длительный характер протекания действия, вспомогательный глагол *대다 тэда* вносит оттенок нарастания, усиленного совершения действия. Данная конструкция, в основном, используется при описании негативных ситуаций:

그 사람들이 떠들어 대는 바람에 나는 잠을 잘 수가 없었다. *Кы сарамдыри ттодыро тэнын парамэ нанын чамыль чаль суга опсотта*. – «Я не мог уснуть, из-за того, что эти люди *болтали не переставая*».

Также может передавать неодобрительную оценку действия со стороны говорящего.

술만 마쳐달 테니까. *Сульман масётэль тхэникка*. – «*Пьют*, милая моя, *пьют*» (*С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»*).

Таблица 1

Вспомогательный глагол / служебное слово	Семантика
있다	сохранение процесса или состояния
오다	длительность процесса, продолжающегося до данного момента; качественное нарастание
가다	направленность процесса в будущее

Вспомогательный глагол / служебное слово	Семантика
중	действие в процессе совершения
길	действие в процессе движения
대다	оттенок нарастания, усиленного совершения действия; неодобрительная оценка действия со стороны говорящего

Следует отметить, что вспомогательный глагол в составе данных конструкций дополняет общее значение длительности.

Служебные слова в составе конструкций завершенного вида

Завершенный вид имеет восемь конструкций, которые, в свою очередь, можно разделить на два типа: собственно завершенный и результативно завершенный. Собственно завершенный вид объединен значением «завершенности процесса совершения действия независимо от времени его осуществления» [Мункуева 2015, с. 70] и находит отражение в следующих аналитических конструкциях -아 / 어 버리다 -а / о порида, -아 / 어 내다 -а / о нэда, -아 / 어 나다 -а / о нада, -고 말다 -ко мальда. К результативному виду относят конструкции -아 / 어 놓다 -а/о нотха, -아 / 어 두다 -а / о туда, -아 / 어 넣다 -а / о нотха, -아 / 어 가지다 -а / о качжида. Рассмотрим подробно каждую конструкцию завершенного вида.

Служебный глагол 버리다

Самая употребительная из конструкций завершенного вида – 아 / 어 버리다 -а / о порида. Конструкция образуется присоединением к деепричастию предшествования образующего глагола (잊어 *ичжо*, 잃어 *ильхо*) вспомогательного глагола 버리다 *порида*. Лексическое значение данного глагола в самостоятельном употреблении «бросать», «избавляться», однако в случае употребления в аналитической конструкции, значение утрачено. Форма -а / о порида выражает общую завершенность действия или состояния, обозначенного глаголом или предикативным прилагательным. В составе конструкции

вспомогательный глагол *порида* служит для выражения абсолютной исполненности действия и свое основное значение утрачивает:

지금은 나와 내 삶도 사건의 일부가 되어버렸다. *Чигымын науа нэ салымдо саконэ ильбуга твэопорётта*. – «Сейчас я и моя жизнь *стали* частью события» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Иногда данная конструкция получает оттенок совершаемости действия вопреки воле субъекта.

다 태워버렸어. *Та тхэуопорёссо*. – «Все *сожгли*» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Также она может выражать досаду, грусть относительно произошедших событий.

얼마나 많은 사람을 잃어버렸지! *Ольмана манын сарамыль ильхоборетчи*. – «Столько мы людей *потеряли!*» (С.А. Алексиевич. «Чернобыльская молитва»).

Служебный глагол *내다*

Видовая конструкция образуется присоединением вспомогательного глагола *내다* *нэда* – «вынимать» к деепричастию предшествования образующего глагола (*지어* *чио*, *이뤄* *ируо*). Конструкция имеет значение абсолютно завершённого действия, выступающего как единое целое. Свое лексическое значение *нэда* утрачивает полностью. Конструкция имеет особое значение действия, которое осуществляется само по себе, без участия субъекта действия. Также данная конструкция может использоваться и в тех случаях, когда говорящий акцентирует тот факт, что действие выполнялось с трудом.

다 견뎌냈고 참아냈어. *Та кёндёнэтко чхаманэссо*. – «И пережили всё, *перетерпели*» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

체르노빌은 우리가 아직 밝혀내지 못한 비밀이다. *Черынобирын урига ачжик палькхёнэчжи мотхан пимирида*. – «Чернобыль – это тайна, которую нам ещё предстоит разгадать» (букв. *не смогли разгадать*) (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Глагол *нэда* широко употребляется в современном корейском языке в своем прямом значении «вынимать», «производить (звук

и т. д.)». Поэтому видовую конструкцию, где *нэда* выступает как вспомогательный глагол, полностью утрачивая свое лексическое значение, следует ограничивать от свободных словосочетаний деепричастия предшествования с полнозначным глаголом *нэда*: *고기를 잡아 냐다* *когырыль чаба нэтта* – «поймал рыбу (и достал из воды)».

Служебный глагол *말다*

Видовая конструкция образуется посредством присоединения вспомогательного глагола *말다* *мальда* к деепричастию предшествования на *-고 -ко* образующего глагола (*죽고* *чукко*, *잡들고* *чамтыльго*). Согласно Е. К. Гусевой, конструкция «обозначает такое действие, которое достигает внутреннего предела в начальный или конечный момент своего развития и выступает как абсолютно завершённое» [Гусева 1961, с. 60]. В самостоятельном употреблении глагол *말다* *мальда* имеет значение «не делать что-либо». Его семантика заключается в преодолении конечного или начального пункта в развитии действия.

잡들고 말았다. Чамтыльго маратта. – «Уснул».

Помимо видовой конструкции, глагол *мальда* также используется в составе конструкций отрицательной формы повелительного наклонения со значением «препятствовать совершению чего-либо» (*가지 마세요* *качжи масэё* – «не уходи»). Этот же глагол используется в омонимичной конструкции для передачи семантики сильной воли и решимости говорящего совершить действие.

안 가고 말고. Ан каго мальго. – «Не поедем и точка» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Служебный глагол *놓다*

Данная конструкция образуется с помощью присоединения вспомогательного глагола *놓다* *нохта* «класть», «помещать» к деепричастию предшествования основного глагола (*걸어* *коро*, *담가* *тамга*). Конструкция обозначает действие, завершившееся установлением очевидного результата, связанного с возникновением более или менее длительного состояния.

다른 사람을 위해 목숨을 내놓는 사람은 성인이야. *тарын сарамыль уихэ моксумыль нэнохнын сарамын сонгыния*. – «Кто **отдал** жизнь за других, тот святой человек» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Степень утраты вспомогательным глаголом *нохта* первоначального значения неравномерна. В некоторых примерах основное лексическое значение глагола воспринимается отчетливее.

이콘을 뒤집어서 사흘 동안 그렇게 걸어놓으면... *Икхониль туичибосо сахыль тонъан кырокхе коронохымён*. – «Возьми иконку и переверни её, и чтобы она так три дня **повисела**» (букв. повесть и оставь в таком положении) (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

고기는 세 시간 동안 물에 담가놓으라고 했어. *Когины сх сиган тонъан мурэ тамканохыраго хэссо*. – «Мясо наказывают **вымачивать** три часа» (букв. помещать в воду) (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Глагол *нохта* в своем прямом лексическом значении «класть», «помещать», «пускать», «отпускать» широко употребляется в корейском языке.

Служебный глагол *나다*

Данная конструкция образуется путем присоединения вспомогательного глагола *나다 нада* – «возникать», «появляться» к деепричастию предшествования с окончанием *-ко* (듣고 *тытко*, 하고 *хаго*) – для выражения исполненности предварительного действия, а также с окончанием *-а / о* (살아 *сара*, 달아 *тара*) – в случае выражения исполненности действия (состояния) как заключительного, так и предварительного. Конструкции *-ко нада* и *-а / о нада* указывают на полную завершенность действия (состояния). Вспомогательный глагол *нада* утрачивает свое лексическое значение полностью, образуя с первым компонентом неразделимое смысловое целое.

우린 쫓겨났어, 군인들이 쫓아냈어. *Урин ччоткёнассо куниндыри ччочха нэссо*. – «**Выгоняли** нас, солдаты выгоняли» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Конструкции *-ко нада* и *-а / о нада* имеют определенное различие. Форма *-ко нада* указывает на завершенность действия вне зависимости от того, возникает ли впоследствии результат или нет.

Форма *-а / о нада* выражает завершенность такого действия, после которого возникает устойчивое состояние. В этом смысле употребление формы *-а / о нада* схоже с формами *-ко итта* и *-а / о итта*, которые выражают длящееся действие и длящееся состояние соответственно.

Глагол *нада* широко употребляется в современном корейском языке в качестве полнозначного глагола, имеющего значение «появляться», «возникать», «образовываться». Также *нада* употребляется и как второй компонент некоторых непереходных глаголов со значением самопроизвольности действия, например: *나타나다* *натханада* – «обнаруживаться», «появляться», *끝나다* *ккыннада* – «кончатся», «заканчиваться».

Служебный глагол *두다*

Рассматриваемая конструкция образуется посредством присоединения вспомогательного глагола *두다* *туда* «оставлять», «класть», «положить» к деепричастию предшествования (*남겨* *намгё*, *걸어* *коро*). Данная конструкция указывает на то, что действие завершено, а результат его, предназначенный для какого-либо другого лица или действия, будет использован в дальнейшем. В этой конструкции глагол *두다* *туда* утрачивает свое лексическое значение не полностью и привносит перфектный оттенок.

상 위에 빵, 소금, 그릇, 그리고 숟가락을 세 개 남겨둬야 해. *Санъ уиэ ппанъ согым кырыт кыриго суткарагыль сэ ке намгётуоя хэ.* – «Надо **оставить** хлеб на столе и соль, миску и три ложечки».

하얀 수건을 대문 위에 걸어두고. *Хаян суконьль тэмун уиэ коротуго.* – «**Повесят** белый рушник на калитке» (С. А. Алексиевич. «Чернобыльская молитва»).

Глагол *туда* широко употребляется в современном корейском языке как лексически полнозначный глагол, имеющий значение «положить», «оставлять». Случаи, где глагол *туда* является частью свободного словосочетания (*놓아 두다* *ноа туда* – «положить и оставить в таком положении») следует отграничивать от употребления данного глагола в составе видовой конструкции, где он выполняет функцию вспомогательного глагола.

Служебный глагол 넣다

Данная конструкция образуется присоединением вспомогательно-го глагола 넣다 *нохта* – «вкладывать», «помещать внутрь» к деепричастию предшествования (집어 *чибо*, 부어 *пуо*). Конструкция указывает на то, что действие, направленное вовнутрь объекта (부어 넣다 *пуо нохта* – «влить»), завершено полностью и результат, возникший в процессе его осуществления, сохраняется как в данный момент, так и в дальнейшем.

도둑이 창문으로 머리를 집어넣으면 도끼로 쫓아낼 거야. *Тодуги чханьмуныро морирыль чибонохымён токкиро ччочханэль коя.* – «Как станет бандит лезть, он же голову **всунет** в окно, а я её топориком прочь» (*С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»*).

В некоторых случаях глагол 넣다 *нохта* входит в состав сложного глагола. Поэтому следует разграничивать употребление данного глагола в составе видовой конструкции и в самостоятельном употреблении в составе сложных слов.

Служебный глагол 가지다

Данная конструкция образуется присоединением к деепричастию основного глагола (알아 *ара*, 팔아 *пхара*) или предикативного прилагательного (어두워 *одуо*) вспомогательного глагола 가지다 *качжид*, которого в самостоятельном употреблении будет значение «иметь», «держат в руках». В аналитической конструкции выступает всегда в форме деепричастия предшествования на -*ко* (가지고 *качжиго*). Конструкция указывает на завершенность такого действия, которое непременно предшествует одному или нескольким последующим действиям. Состояние же, являющееся результатом предшествующего действия, сопутствует осуществлению последующего действия.

서점에서 책을 잔뜩 사 가지고 왔다. *Сочжомэсо чхэгыль чанттык са качжиго оатта.* – «Закупился книгами в книжном магазине» (*букв. купил и пришёл*).

Стоит отметить, что в некоторых случаях глагол качжид не полностью утрачивает свое лексическое значение.

Глагол качжид широко употребляется в значении «иметь», «держат в руках».

Таблица 2

Вспомогательный глагол	Семантика
-아 / 어 버리다	общая исполненность действия
-고 말다	преодоленность начального или конечного пункта в развитии действия
-아 / 어 내다	абсолютная исполненность действия
-아 / 어 나다	исполненность предварительного действия или завершенность действия (состояния) безотносительно к наличию предварительного действия
-아 / 어 놓다	результативная исполненность
-아 / 어 두다	заблаговременная результативная завершенность действия
-아 / 어 넣다	исполненность действия, направленного внутрь чего-либо
-아 / 어 가지다	исполненность предварительного действия

Служебные слова в составе конструкций многократного вида

Как было указано выше, многократный вид в корейском языке представлен только одной аналитической конструкцией. Изначально многие ученые-лингвисты относили данную конструкцию к формам длительного вида, однако Ю. Н. Мазур рассматривал ее как категорию многократного вида. Этой точки зрения придерживаются и современные исследователи.

Служебное слово **곤**

Конструкции многократного вида образуется присоединением служебного слова -**곤** *кон* к основе глагола настоящего времени (**가** *ка*, **하** *ха*) и вспомогательного глагола **하다** *хада*, который имеет значение «делать» в самостоятельном употреблении. Служебное слово не употребляется самостоятельно. В составе видовой конструкции указывает на повторение какого-либо действия или события.

우리 바깥양반은 사람이 총을 쏘도 총알은 신이 배달한다고 말하곤 했지. *Ури паккатынъбанын сарами чхонъыль ссвадо чхонъарын сини пэдалъхандаго мальхагон хэтчи* – «Мой хозяин любил сказать, что человек стреляет, а Бог пули носит» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

발바닥만 한 점이 생겼다가, 사라지곤 했다. *Пальпаданъман хан чоми сэньгэттакга сарачжигон хэтти*. – «...черные пятна. То появятся, то исчезнут» (С. А. Алексиевич «Чернобыльская молитва»).

Таблица 3

Вспомогательное служебное слово	Семантика
-곤	неоднократное повторение действия

Заклучение

Опираясь на современные исследования, посвященные проблеме глагольного вида, в корейском языке можно выделить семь конструкций длительного вида, восемь конструкций заверщенного вида и одну многократного вида.

Служебное слово в составе аналитических видовых конструкций придает общее значение длительности, завершенности и многократности. Каждая форма при общем значении имеет свою отличительную семантику. Вспомогательный глагол, в случае частичной утраты лексического значения, позволяет точнее определить семантику видовой конструкции и выделить ее на фоне остальных.

Сложностью является то, что в некоторых случаях проблематично разграничить видовую конструкцию и сложный глагол, так как аналитические видовые конструкции и сложные слова имеют омонимичную форму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гусева Е. К. Система видов в современном корейском языке / отв. ред. Н. А. Сыромятников. М.: ИВЛ, 1961. [Guseva, E. K. (1961). N. A. Syromyatnikov (ed.). *Systema vidov v sovremennom koreiskom yazyke* (Aspectual System in Modern Korean Language). Moscow: IVL. (In Russ.)].
- Ким Су Гён. Грамматика корейского языка. Пхеньян, 1954. [Kim Sukyong. (1954). *The Korean Grammar*. Pyongyang. (In Kor.)].

- Мазур Ю. Н. Грамматический очерк корейского языка. // Корейско-русский словарь / Ю. Н. Мазур, В. Н. Моздыков, Д. М. Усатов. М.: Живой Язык, 2002. [Mazur, Yu. N., Mozdykov, V. N., Usatov, D. M. (2002). *Grammaticheskii ocherk koreiskogo yazyka. Koreisko-russkii slovar* (Grammatical Sketches of the Korean Language. Russian-Korean dictionary). Moscow: Zhivoi yazyk. (In Russ.)].
- Мазур Ю. Н. Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 361–398. [Mazur, Yu. N. (1997). *Yazyki mira: Mongolskie yazyki. Tunguso-manchzhurskie yazyki. Yaponskii yazyk. Koreiski yazyk* (Languages of the World: Mongolian languages, Tungus languages. The Japanese language. The Korean language.). (pp. 361–198). Moscow: Indrik. (In Russ.)].
- Мункуева Н. С. Грамматические средства выражения видовых значений в современном корейском языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 8. С. 67–72. [Munkueva, N. S. (2015). Grammatical forms expressing aspectual meanings in modern Korean. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 67–72. (In Russ.)].
- Мункуева Н. С. К вопросу об ограничении категории вида и способа действия в корейском языке. // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. Вып. 8. С. 166–171. [Munkueva, N. S. (2009). K voprosu ob ogranichenii kategorii vida i sposoba deistviya v koreiskom yazyke (To the question on restrictions of the category of the kind and the manner of acting in Korean language). *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 8, 166–171. (In Russ.)].
- Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954. [Kholodovich A. A. (1954). *Ocherk grammatiki koreiskogo yazyka* (The sketches about grammar of the Korean language). Moscow: URSS. (In Russ.)].

УДК 81'373

Н. Ю. Чечина

старший преподаватель кафедры китайского языка,
переводческий факультет,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СМИ КНР И РФ

Статья посвящена анализу новой лексики современного русского и китайского языков, функционирующей в СМИ экономической направленности и отражающей актуальные изменения в экономической жизни России и Китая, особенно в сферах финансов, страхования, налогообложения и др. Обе страны находятся на этапе активного развития рыночной экономики, что оказывает существенное влияние на все сферы жизни общества, в том числе на язык, и средства массовой информации являются «зеркалом» этих актуальных процессов.

Ключевые слова: современный русский язык; современный китайский язык; экономическая лексика; СМИ; иностранные заимствования.

N. Y. Chechina

Senior Lecturer, Chinese Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

THE MAIN TENDENCIES OF TERM FORMATION IN THE ECONOMIC DISCOURSE OF THE PRC AND RUSSIAN MEDIA

The article is devoted to the analysis of the new vocabulary of modern Russian and Chinese languages, which operates in the economic media. The new vocabulary reflects the most relevant changes that are taking place in the economic life of Russia and China, in particular in such areas as finance, insurance, taxation, trade, and the securities market. Both countries are at the stage of active development of a market economy, which undoubtedly affects all spheres of society, including the language. The media are a kind of “mirror” of all relevant processes in society.

Key words: modern Russian; modern Chinese; economic vocabulary; mass media; foreign borrowings; phonetic borrowings; semantic borrowings; abbreviations; dialect vocabulary.

Введение

Язык – социальный феномен и в то же время необходимое условие для существования общества. Язык возникает вместе с обществом

и изменяется по мере его развития. Изменения, которые происходят с лексическим составом языка, являются своего рода «зеркалом» современного этапа развития общества и духовной культуры народа.

Материалы СМИ отражают важнейшие изменения, которые происходят в жизни общества, в первую очередь в экономической сфере. Для РФ и КНР развитие рыночной экономики является первостепенной задачей, что находит свое отражение и в текстах массмедиа.

Экономические отношения – один из главных типов общественных отношений. Все люди в современном обществе так или иначе задействованы в процессе производства, распределения и потребления товаров и услуг. Каждый человек постоянно находится в рамках определенной системы, которая сформирована экономическими отношениями в данном обществе.

Новая лексика, с одной стороны, отражает изменения в социальном развитии России и Китая, с другой – является следствием влияния на язык развития науки и техники, экономики и появления большого количества заимствованных слов из иностранных языков.

До 90-х годов XX века Россия и Китай развивались в рамках плановой экономической системы, что не могло не сказаться на материалах деловых СМИ. Ни количество публикаций на экономическую тематику, ни профессиональный уровень СМИ не соответствовали требованиям рыночной экономики. Реформа финансовой системы, развитие рынка ценных бумаг привели к тому, что широкие массы населения стали интересоваться информацией в сфере экономики, которая раньше была узкоспециальной. Таким образом, начиная с 1990-х гг., произошли значительные изменения как в структуре, так и в языке деловых СМИ обеих стран.

Новая экономическая лексика в СМИ РФ и КНР

После распада СССР произошли значительные изменения в российском обществе, и одними из самых значимых стали изменения в экономической сфере. Можно выделить три основные тенденции, которые прослеживаются в функционировании новой экономической лексики современного русского языка. Во-первых, исчезает лексика, которая отражала советские реалии. Во-вторых, вновь входит в употребление лексика досоветского периода, которая ранее ассоциировалась с «капитализмом» и «капиталистическими странами», а на

современном этапе получила новое трактование. «Часть экономических терминов, нейтральных по своей семантической структуре, употреблялась в советское время в качестве атрибутов или реалий капиталистической экономики: *безработица, инфляция, индексация, картель, концерн, биржа, банкир* и др. Теперь подобные слова расширили референтную соотнесенность» [Попова 2013, с. 75].

В-третьих, появилось большое количество заимствованных терминов, которые отражают актуальные процессы в российской экономике и тенденцию глобализации мировой экономики.

Иноязычные заимствования, в первую очередь, представляют собой заимствования из английского языка, а также американизмы. Среди терминов, которые наиболее часто встречаются в средствах массовой информации, можно назвать такие слова, как *маркетинг, менеджмент, консалтинг, франчайзинг, тендер* и т. д.

Стоит также отметить, что в последние годы наблюдается активное функционирование в российских СМИ аббревиатур. Например, *АО* (акционерное общество), *НДС* (налог на добавленную стоимость), *ЦБ* (Центральный банк) и др.

К ведущим и наиболее авторитетным традиционным экономическим изданиям КНР можно отнести *经济日报 Jīngjì rìbào* (Economic Daily), *市场报 Shìchǎng bào* (Market News), *经济参考报 Jīngjì cānkǎo bào* (Economic Information Daily), *中华工商时报 Zhōnghuá gōngshāng shìbào* (China Business Times), *上海证券报 Shànghǎi zhèngquàn bào* (Shanghai Securities News), *中国证券报 Zhōngguó zhèngquàn bào* (China Securities Journal), *证券时报 Zhèngquàn shìbào* (Securities Times), *中国经济时报 Zhōngguó jīngjì shìbào* (China Economic Times), *国际金融报 Guójì jīnróng bào* (International Financial News). Традиционные деловые СМИ КНР в определенной степени носили пропагандистский и идеологический характер. При освещении явлений и событий в экономической жизни страны всегда акцентировалась успешная работа Коммунистической партии КНР в области «строительства модернизации» и проведении экономических реформ.

С начала 1990-х гг., вслед за углублением реформ в сфере экономики, начали появляться и развиваться СМИ нового формата. Например, *中国经营报 Zhōngguó jīngyíng bào* (China Business Journal), *财经 Cáijīng* (Finance & Economy), *经济观察报 Jīngjì guānchá bào* (The Economic Observer), *21世纪经济报道 21 Shìjì jīngjì bàodào* (21st Century

Business Gerald). По мнению китайских исследователей, изменения в первую очередь отразились на содержании публикаций. Если раньше материалы СМИ в основном освещали достижение определенных экономических показателей и, как следствие, пропаганду успешной работы партии, то в настоящее время акцент делается на прогнозирование дальнейшего развития экономики страны, ознакомление читателей с новыми экономическими событиями и явлениями, таким образом формируя у населения определенное поведение в новой экономической реальности.

Экономические термины, которые функционируют в материалах современных СМИ, представлены общеэкономическими терминами (сфера макроэкономики), узкоспециальной терминологией в отдельных подсистемах экономики (бухгалтерия, рынок ценных бумаг, налогообложение и т. д.), экономической лексикой, относящейся к смежным с экономикой сферам (маркетинг, реклама, менеджмент и т. д.).

Детальный анализ материалов китайских СМИ неизбежно приводит к выводу: одной из важных особенностей развития китайского языка на современном этапе является продолжающееся активное пополнение словарного состава за счет новых лексических единиц или неологизмов, т. е. новых слов, которые называют новые предметы и явления в общественной и производственной жизни, в развитии экономики, науки и техники, культуре и других сферах общества. Новые слова напрямую отражают процесс глобализации, поэтому вполне естественно входят в язык общения.

Приведем примеры такой лексики.

Экономика

网上银行 *wǎngshàng yínháng* ‘онлайн-банк, интернет-банкинг’;

循环经济 *xúnhuán jīngjì* ‘циклическая экономика, экономика замкнутого цикла’;

大肚子经济 *dà dùzi jīngjì* ‘экономика, ориентированная на повышение рождаемости’;

朝阳产业 *zhāoyáng chǎnyè* ‘перспективная отрасль’;

游资 *yóuzī* ‘свободный капитал, спекулятивный капитал’;

洗钱 *xǐqián* ‘отмывать деньги’;

隐性收入 *yǐnxìng shōurù* ‘скрытый доход’;

并购 *bìnggòu* ‘слияние и поглощение’.

Рынок ценных бумаг:

- 套牛 *tào niú* ‘играть на повышение (на бирже)’;
多头 *duōtóu* ‘лонг, длинная позиция’;
空翻多 *kōng fān duō* ‘биржевой термин для обозначения инвестора, который заново скупает проданные им акции, иногда в еще большем количестве’;
老鼠仓 *lǎoshǔ cāng* ‘спекулятивная операция, при которой управляющий или другие сотрудники фонда за свои деньги скупают акции, затем с помощью клиентских средств повышают цену на акции и продают их, осуществляя арбитраж’;
大小非 *dàxiǎo fēi* ‘неторгуемые акции’;
举牌 *jǔpái* ‘приобретение крупного пакета акций публичной компании с официальным уведомлением участников рынка и регулирующих органов в соответствии с действующим законодательством’;
休市 *xiūshì* ‘прекращение работы рынка ценных бумаг’;
退市 *tùishì* ‘исключать акции из биржевых котировальных списков, проводить делистинг акций’.

Финансы, страхование и налогообложение:

- 增值税 *zēngzhǐshuì* ‘налог на добавленную стоимость (НДС)’;
印花税 *yìnhuāshuì* ‘гербовый сбор’;
存款准备金率 *cúnkǔǎn zhǔnbèijīn lǜ* ‘норма обязательных резервов’;
零利率 *líng lǜ* ‘нулевая ставка’;
缩水 *suōshuǐ* ‘сокращение прибыли’;
保值 *bǎozhí* ‘гарантировать от инфляции’;
交强险 *jiǎoqiángxiǎn* ‘обязательное автострахование’;
意外险 *yìwàixiǎn* ‘страхование от несчастных случаев’;
不良贷款 *bù liáng dàikuǎn* ‘недействующий кредит (по которому не выполняются условия первоначального соглашения)’;
借记卡 *jièjìkǎ* ‘платёжная карта, дебетовая карта’.

Торговля:

- 旗舰店 *qíjiàndiàn* ‘основной магазин в сети магазинов’;
量贩 *liàngfàn* ‘оптовый сбыт’;
4S店 *4S diàn* ‘магазин 4 в 1 (продажа, запчасти, сервис, поддержка обратной связи с клиентами)’;
传销 *chuánxiāo* ‘сетевой маркетинг’;
扫货 *sǎohuò* ‘покупки (на распродажах, оптовых рынках)’;

购物券 *gòuwù quàn* ‘дисконтная карта’;
消费券 *xiāofèiqiàn* ‘потребительский талон’¹.

Способы заимствования новой лексики

Анализ материалов СМИ на экономическую тематику позволяет сделать вывод, что экономическая лексика в современном китайском языке во многом заимствуется из других языков.

«Заимствование – переход элементов одного языка в другой как результат языковых контактов, взаимодействия языков; заимствованием также называют сами элементы (слова, морфемы, синтаксические конструкции и т.п.), перенесенные из одного языка в другой» [Ахманова 2004, с. 150].

Большая часть заимствованной лексики приходит в китайский язык из английского. Одна из главных причин заключается в том, что в настоящее время английский язык является первым по количеству обучающихся иностранным языком в Китае. Кроме того, английский язык уже трансформировался в язык глобальной экономики, бизнеса, политики. Общество всё больше подвержено процессу глобализации, что приводит к тому, что английский язык уже стал основным языком международного общения.

Иероглифическая письменность, слоговый характер языка, фонетические особенности представляют определенную трудность для заимствования. При фонетическом заимствовании могут происходить ненужные семантические ассоциации, которые приводят к неверному толкованию значения слова. «Первоосновой невосприимчивости китайского языка к звуковым заимствованиям является его слоговый характер, наличие у каждого слога определенных значений, которые закрепляются на письме соответствующими иероглифами. Использование иероглифов для записи звуковых заимствований ведет к потере ясной внутренней мотивировки термина, возникшего в иноязычной среде» [Кленин, Щичко 2013, с. 179]. Нет строгих правил письменной фиксации лексики, заимствованной фонетическим способом. Таким образом, одно и то же слово может иметь несколько вариантов записи иероглифами.

¹ Введен в 2009 г. во многих крупных городах КНР, талон с ограниченным сроком действия на приобретение повседневных товаров, используется в целях борьбы с экономическим кризисом и стимулирования потребления на внутреннем рынке.

Помимо вышесказанного, при фонетическом способе заимствования возникают сложности, связанные с различиями в фонетических системах двух языков. В китайском языке количество слогов ограничено (400 с небольшим). В связи с этим не все звуки в языке-реципиенте можно точно передать в языке-«доноре». «С фонетической точки зрения иероглиф китайского языка – слог, состоящий из двух частей: инициали и финали; фонетическое заимствование, переданное таким образом, может сильно отличаться от изначального слова в языке-доноре. В зависимости от используемых иероглифов сочетания согласных звуков могут быть разбиты, изменены, а некоторые звуки или даже слоги могут отсутствовать вообще» [Торчакова, Фомин 2012, с. 179]. В связи с этим фонетических заимствований среди экономической лексики немного.

В отношении пополнения языка новыми лексическими единицами наиболее продуктивной и самой многочисленной является группа терминов, образованных путем семантического заимствования. Семантические заимствования экономических терминов создаются из китайских лексических единиц, сохраняя свою звуковую и графическую форму. Например, 跳蚤市场 *tiàozao shìchǎng* ‘блошиный рынок, барахолка, рынок подержанных вещей’ (跳蚤 – ‘блоха, блошиный’; 市场 – ‘рынок’, т. е. семантическое заимствование английского словосочетания *flee market*).

Кроме того, в современном китайском языке также присутствует группа терминов, заимствованных фонетико-семантическим способом, при котором одна из частей слова передает звуковую форму заимствованного иноязычного слова, а вторая – семантически значимый лексический элемент. Например, 信用卡 *xìnyòngkǎ* ‘кредитная карта’ (信用 – ‘кредит’, 卡 от *англ. card* – ‘карта’). Слово 信用 *xìnyòng*, помимо значения ‘кредит’, имеет значение ‘верить, доверие, основанный на доверии’ (как и английское существительное *credit* «доверие»), т. е. это слово тоже заимствовано посредством калькирования.

В материалах СМИ также можно часто встретить английские аббревиатуры. Они не требуют пояснения для читателя, так как являются международными и понятны даже неспециалистам в области экономики. Приведем примеры:

GDP Gross Domestic Product (国内生产总值 *guónèi shēngchǎn zǒngzhí*)
‘валовый внутренний продукт, ВВП’;

- CPI Consumer Price Index (消费物价指数 *xiāofèi wùjià zhǐshù*) ‘индекс потребительских цен’;
- IPO Initial Public Offering (首次公开募股 *shǒucì gōngkāi mùgǔ*) ‘первичное публичное размещение (акций)’;
- PPI Producer Price Index (生产者物价指数 *shēngchǎnzhě wùjià zhǐshù*) ‘индекс цен производителей’;
- WTO World Trade Organization (世界贸易组织 *shìjiè màoyì zǔzhī*) ‘Всемирная торговая организация, ВТО’;
- IMF International Monetary Fund (国际货币基金组织 *guójì huòbì jījīn zǔzhī*) ‘Международный валютный фонд, МВФ’.

Несмотря на активное появление в лексике современного китайского языка аббревиатур с использованием букв иностранного (обычно английского) алфавита, в обществе продолжают дискуссии о «чистоте» китайского языка. Как полагают власти КНР, англоязычные сокращения относятся к специализированной лексике и употребляются лишь в конкретной области, т. е. не являются частью общеупотребительной лексики и не оказывают существенного влияния на китайский язык. Согласно «Закону КНР об общегосударственном языке и письменности» (中华人民共和国国家通用语言文字法 *Zhōnghuá rénmín gònghéguó guójīa tōngyòng yǔyán wénzì*) в СМИ и на телевидении запрещено употреблять иноязычные аббревиатуры, вместо этого следует использовать соответствующие китайские аналоги. «В национальных структурах, прессе, на радио и телевидении, в области коммунальных и общественных услуг в обязательном порядке необходимо использовать общепринятый язык и стандартизированные иероглифы. Аббревиатуры относятся к разряду иностранных языков, которые не соответствуют стандартам и критериям общепринятого китайского языка» [Иностранные аббревиатуры уничтожают китайский язык URL].

Появление новой лексики неразрывно связано с влиянием стремительного экономического развития отдельных регионов страны. Диалекты наиболее экономически развитых регионов пополняют активную лексику путунхуа. Наибольшее количество заимствованной лексики приходится на диалекты Гонконга и Тайваня. Например: 展销 *zhǎnxiāo* ‘ярмарка-выставка’; 运作 *yùnzuo* ‘функционировать’; 按揭 *ànjiē* ‘ипотека, ипотечное кредитование’ [Чэнь Гуанлэй 2008].

Несмотря на то, что в путунхуа у большинства заимствованных из диалектов слов есть синонимы, тем не менее, оттенки смысла

отличаются. По некоторым данным, за последние десять лет в путунхуа из диалектов Тайваня и Гонконга было заимствовано не менее 600–700 лексических единиц [Чэнь Гуанлэй 2008].

Вслед за активным экономическим развитием Шанхая, превращением шанхайского района Пудун в международный финансовый и торговый центр, из диалекта У 吴语 *wúyǔ* (одним из главных ареалов распространения которого является Шанхай) в путунхуа проникли такие неологизмы, как 大兴货 *dàxīng huò* ‘поддельный товар’, 解套 *jiětào* ‘избавиться от убыточных акций’; 割肉 *gē ròu* ‘выбросить акции на рынок (ввиду резкого падения их курса)’ [Чэнь Гуанлэй 2008].

Кроме появления неологизмов, также наблюдается процесс обновления устаревшей лексики. Термины, относящиеся к рыночной экономике, в условиях плановой экономики в Китае исчезли из китайского языка. Однако с началом проведения политики реформ и открытости, построением рыночной экономики с китайской спецификой данный пласт лексики вновь получил свое распространение в общенациональном языке путунхуа. Например: 股份 *gǔfèn* ‘пай, доля’; 股票 *gǔpiào* ‘акции’; 证券交易 *zhèngquàn jiāoyì* ‘фондовая биржа’; 炒买炒卖 *chǎo mǎi chǎo mài* ‘заниматься спекуляциями’; 通货膨胀 *tōnghuò péngzhàng* ‘инфляция’; 经纪人 *jīngjìrén* ‘брокер’ и др.

Заключение

Начиная с 90-х годов XX века в экономической жизни РФ и КНР произошли значительные изменения. Обе страны встали на путь строительства рыночной экономики, что отразилось на всех сферах жизни общества. Трансформации затронули и словарный состав современного китайского и русского языков, что прослеживается и в терминологической лексике, которая функционирует в СМИ.

Говоря об изменениях экономической лексики в СМИ РФ, можно отметить следующие тенденции:

- 1) исчезновение лексики «советского периода», которая отражала реалии страны, которая развивалась в рамках плановой экономики;
- 2) обновление лексики, которая в СССР ассоциировалась с реалиями капиталистических стран;
- 3) появление большого количества заимствованных слов, в основном англицизмов и американизмов.

На изменение словарного состава современного китайского языка большое влияние оказало проведение в КНР политики реформ и открытости. Современный китайский язык объединяет в себе различные элементы словарного состава, такие как *исконно китайская лексика и заимствованные слова, элементы письменного и устного языка, специальная и общеупотребительная лексика.*

Анализируя процесс пополнения экономической лексики современного китайского языка, можно выделить несколько главных источников:

- 1) появление неологизмов;
- 2) проникновение в китайский язык большого количества иностранных заимствований;
- 3) активное влияние на путунхуа диалектов Гонконга и Тайваня и других наиболее экономически развитых регионов страны;
- 4) обновление устаревшей лексики.

Экономическая лексика, в частности терминология, составляет значительную часть лексического состава медийного дискурса. Тексты массмедиа всегда динамичны и современны, отражают все актуальные процессы в обществе. Помимо того, что тексты массмедиа обогащают лексический состав языка, они также способствуют распространению экономических знаний среди широких масс населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. [Axmanova, O. S. (2004). *Slovar` lingvisticheskix terminov* (Dictionary of linguistic terms). Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info/index.php> [Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. <http://bkrs.info/index.php>].
- Иностранные аббревиатуры уничтожают китайский язык. Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8089424.html>. [Inostrannye abbreviatury unichtozhayut kitajskij yazyk (Foreign abbreviations destroy the Chinese language). *Zhen'min' zhibao*. <http://russian.people.com.cn/95181/8089424.html>].
- Кленин И. Д., Щичко В. Ф.* Лексикология китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. [Klenin, I. D., Shhichko, V. F. (2013). *Leksikologiya kitajskogo yazyka* (Chinese language lexicology). Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)].
- Попова О. Г.* Экономическая терминология в средствах массовой информации // Филологическая регионалистика. 2013. № 1 (9). С. 75–76. [Popova,

О. Г. (2013). E`konomicheskaya terminologiya v sredstvax massovoj informacii. (Economic terminology in the media). *Filologicheskaya regionalistika*, 1(9), 75–76. (In Russ.).

Торчакова Н. В., Фомин А. Г. Проблемы адаптации фонетических и семантических заимствований в китайском языке: диахронический аспект // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52), т. 4. С. 178–182. [Torchakova, N. V., Fomin, A. G. (2012). Problemy adaptacii foneticheskikh i semanticheskikh zaимstvomaniy v kitajskom yazyke: diahronicheskij aspekt. (Problems of adaptation of phonetic and semantic borrowings in the Chinese language: diachronic aspect). *Vestnik KemGU*, 4(52), 178–182. (In Russ.)]

Чэнь Гуанлэй. Новая лексика китайского языка в условиях политики реформ и открытости. 陈光磊. 改革开放中的汉语新词汇. 2008. URL: <http://www.ydbook.com/cache/books/167/bkview-167043-515112.htm> (дата обращения: 10.08.2019) [Chen Guanglei. (2008). *Novaya leksika kitajskogo yazyka v usloviyah politiki reform i otkrytosti* (The new vocabulary of the Chinese language in the context of a policy of reform and openness). 陈光磊. 改革开放中的汉语新词汇. <http://www.ydbook.com/cache/books/167/bkview-167043-515112.htm>].

УДК 81'37

А. А. Шахаева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии английского языка,
факультет английского языка, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: shakhaevaal@gmail.com

ЭГОЦЕНТРИЧНОСТЬ СЕМАНТИКИ КИТАЙСКОГО ГЛАГОЛА НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ 去

Статья посвящена описанию семантики китайского глагола направления движения 去 на основе параметров, выделенных американским когнитологом Л. Талми. В статье выявляется соотношение местоположения Говорящего, Фигуры и Фона в ситуациях направленного движения в семантике глагола, что позволяет определить степень эгоцентричности его значения. Материалом исследования послужили контексты из корпусов современного китайского языка. Основные методы – метод семантического и контекстуального анализа.

Ключевые слова: лексическая семантика; эгоцентричность; китайские глаголы направления движения.

A. A. Shakhaeva

PhD (Linguistics), Associate Professor at the Department of English Lexicology,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: shakhaevaal@gmail.com

THE EGOCENTRIC SEMANTICS OF THE CHINESE DIRECTIONAL MOTION VERB 去

The article is devoted to the semantics of Chinese direction motion verb 去 based on parameters identified by L. Talmy. According to the analysis of the of motion event components interaction (Figure, Ground, Path, Motion) with speaker in verb's semantics its egocentric features were revealed. The material for the research is contexts from online Chinese corpora. The research methods include semantic and context analyses.

Key words: lexical semantics; egocentric; Chinese directional motion verbs.

Введение

Современную лингвистику характеризует антропоориентированность, т. е. смещение центра внимания на говорящий субъект, на его способность воспринимать и осмыслять окружающий мир и, преломляя через свое сознание, формировать образ окружающей

действительности. Другими словами, на сегодняшний день лингвистов волнует не столько вопрос о том, как устроен язык, и какие языковые явления обуславливают существование данной системы, а в большинстве своем вопрос о том, «как концептуализируется мир через призму языка и какую картину мира демонстрирует изучаемый нами и отдельно взятый язык» [Кубрякова 1989, с. 45].

Язык неразрывно связан с человеком как инструмент познания мира, а также как результат его когнитивной деятельности. Таким образом, можно утверждать, что в любой языковой единице можно «увидеть» человека, «в основе мысли, выраженной посредством языка, лежит «живое созерцание» объективной реальности, т. е. восприятие. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняются явления языкового антропоцентризма и антропоморфизма, которые «вплетены в самую ткань языка» [Кравченко 1992, с. 68]. Данный факт объясняет интерес исследователей к фигуре наблюдателя и фигуре говорящего, которые, как правило, рассматриваются в свете таких понятий, как *эгоцентризм* и *дейксис*. А. В. Кравченко, говоря о языковом антропоцентризме и антропоморфизме, указывает на то, что пространственные отношения являются наиболее репрезентативными в плане данных явлений, так как их особенностью является ориентация на субъект восприятия как на точку отсчета. В связи с этим исследовательский интерес представляют китайские базовые глаголы направленного движения 来 и 去, которые являются эгоцентрическими единицам, т. е. такими словами, «семантика которых подразумевает в качестве одного из участников описываемой ситуации говорящего» [Падучева 2019, с. 17].

Постановка проблемы

Как мы указывали ранее [Шахаева 2014], глаголы направления движения в китайском языке представляют собой закрытую группу, единицы которой обладают особыми семантическими и грамматическими характеристиками. В группу глаголов направления движения входят базовые глаголы (来, 去), простые и сложные глаголы. Исходя из особенностей глаголов данной закрытой группы, китайский язык в терминологии Л. Талми сочетает в себе типологические черты глагольного и сателлитного типов, т. е. базовые, простые и сложные глаголы направления движения могут функционировать как

самостоятельные глаголы (см. [Шахаева 2014]). В то же время без каких-либо ограничений такие глаголы могут выступать в качестве сателлитов, поэтому в отечественных грамматиках некоторые авторы рассматривают их только как направительные морфемы (Тань Аошуан) или вспомогательные глаголы, указывающие направление (В. И. Горелов).

Как можно заметить, в теоретических и практических грамматиках китайского языка трактовка семантики базовых глаголов в основном сводится к направленному движению относительно говорящего лица, так В. И. Горелов считает, что «простые глаголы (来 и 去) обозначают, соответственно, общее направление к говорящему лицу или от говорящего лица» [Горелов 1989, с. 52]. Китайские исследователи Лян Сяонань и Ду Хунцзюнь также высказывает аналогичное мнение и пишут, что «ориентиром глаголов 来 и 去 обычно является местонахождение говорящего в момент речи» [Лян Сяонань, Ду Хунцзюнь 2010, с. 58]. Тань Аошуан, рассматривая систему направительных морфем в китайском языке, указывает на то, что «антонимическая пара НАП-М *lai* и *qi* произошла из глаголов, обозначающих перемещение объекта в сторону наблюдателя или от него. При наличии *lai* место наблюдателя совпадает с КТД¹, а при наличии *qi* оно совпадает с НТД²» [Тань 2002, с. 198]. Таким образом, можно предположить, что говорящий или наблюдатель должен быть одним из составляющих значения данных единиц.

Материал и методика исследования

На сегодняшний день с позиций когнитивного подхода глагол уже не рассматривается как статичное обозначение определенного действия, а представляет собой семантическую модель, в трактовке Г. И. Кустовой [Кустова 2004] или свернутую ситуацию, в трактовке Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1992]. Американский исследователь Л. Талми считает, что глаголы движения в своей семантике содержат такой компонент, как объект, т. е. Фигура (Figure), которая движется или локализована относительно другого объекта – Фона (Ground). Помимо Фона и Фигуры, событие движения также составляют Путь

¹ КТД – конечная точка движения (сокращение Тань Аошуан).

² НТД – начальная точка движения (сокращение Тань Аошуан).

(Path) и Движение (Motion). «*The basic motion event consists of one object (the 'Figure') moving or located with respect to another object (the referent-object or 'Ground'). It is analyzed as having four components: besides 'Figure' and 'Ground', there are 'Path' and 'Motion'. The 'Path' (with a capital P) is the course followed or site occupied by the Figure object with respect to the Ground object. 'Motion' (with a capital M) refers to the presence per se in the event of motion or location (only these two motion states are structurally distinguished by language)*» [Talmy 1985, с. 61]. В данном исследовании мы будем опираться на этот подход при рассмотрении семантики глагола 去, т. е. представим ситуацию направленного движения, которая отражена в семантической структуре базового глагола 去.

Как было показано выше, базовый глагол направления движения 去 указывает на направленное движение *от* местоположения говорящего лица, т. е. местоположение говорящего лица совпадает с Фоном, но, на наш взгляд, фигура Говорящего приобретает разные характеристики в разных контекстах, что говорит о необходимости особого рассмотрения компонентов ситуации направленного движения, отраженной в семантике глагола и места, которое занимает говорящий в данной ситуации.

Необходимо отметить, что верификация выдвигаемых тезисов будет основана на данных корпусной лингвистики, т. е. будет *corpus-based*, в терминологии Е. Е. Голубковой, когда «корпусные данные используются в качестве доказательства существования в языке того или иного явления или проверки той или иной гипотезы» [Голубкова 2015, с. 43].

Исследование

Е. В. Падучева считает, что при рассмотрении эгоцентрических единиц важным фактором является учет режима интерпретации ситуаций с эгоцентрическими единицами. В связи с этим из корпусов современного китайского языка 厦门大学国家语言资源监测与研究教育教材中心语料库¹ и 语料库在线² были отобраны 150 контекстов с глаголом 去, которые были разбиты по разным режимам для

¹ URL: http://ncl.xmu.edu.cn/shj/jcfc_corpus?id=3.

² URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx>

анализа – речевому и нарративному. Анализ позволил сгруппировать контексты, исходя из составляющих семантику глагола компонентов – Фона, Фигуры и Говорящего.

- (1) 我去瑞士时，带了个上海制造的手表去，瑞士人问我的手表是什么牌子的，我答：“上海”。
- (2) 小天鹅一天天地长大了，它可以跟着妈妈去河里捉鱼吃了。
- (3) 我不知道家珍进城是去要吃的，她去了一天，快到傍晚时才回来。回来时都走不动路了。
- (4) 我只说“不去了”。她没说什么。
- (5) 我两回劝他不必去；他只说，“不要紧，他们去不好！”。
- (6) 秘书看完了信，便说：“局长已经应许他们去了吗？”。

Как мы можем видеть, представленные предложения отличаются по режиму: предложения (1), (2) и (3) относятся к нарративному режиму, а предложения (4), (5) и (6) – к диалогическому. Рассмотрим поэтапно компоненты значения глагола 去 в разных режимах.

Фигура в представленных предложениях отличается в диалогическом режиме только в предложении (4): Говорящий совпадает с Фигурой; в предложениях (5) и (6) Фигура – третье лицо «он». В нарративном режиме в предложениях (1) Фигура – повествователь «я»; в (2) и (3) предложениях Фигура – персонаж повествования 天鹅 и третье лицо – «они».

Фигура Говорящего в разных режимах неравнозначна в нарративном режиме, в предложениях (1) и (3) ей соответствует нарратор «я», который совпадает с Фигурой; в предложении (2) повествователь – сторонний наблюдатель, при этом необходимо отметить, что достаточно сложно утверждать, что местоположение говорящего совпадает с начальной точкой движения Фигуры. В диалогическом режиме только в предложении (4) говорящий совпадает с Фигурой, в остальных случаях – в предложениях (5) и (6) – говорящий не является участником движения. В данном случае интересно отметить, что также достаточно сложно утверждать, что местоположение говорящего лица совпадает с начальной точкой движения Фигуры.

Анализируя интерпретацию компонента Фон в представленных предложениях, можно заметить, что в предложениях (1), (2) и (3) Фон совпадает с конечной точкой движения Фигуры и находит синтаксическое выражение: 瑞士 Швейцария, 河 река, 城市 город.

Таким образом, глагол 去 в данных предложениях передает направленное движение Фигуры к Фону, который конкретно обозначен в предложении.

В предложениях (4), (5) и (6), относящихся к диалогическому режиму, конечная точка движения Фигуры не выражена синтаксически, и если исходить из толкования значения глагола 去 в грамматиках как «направленное движение от говорящего лица», можно предположить, что в центре внимания находится начальная точка движения, которая совпадает с местоположением фигуры Говорящего. Но, как мы видим, движение, выраженное глаголом 去 в рассматриваемых предложениях, направлено в конкретное место, которое известно и говорящему, и слушающему, таким образом, мы имеем презумпцию, т. е. то, «что должно находиться в общем фонде знаний участников речевого акта, чтобы коммуникация была успешной» [Падучева 2019, с. 76], и в данном конкретном случае презумпцией является Фон, в отношении которого совершается маршрут. Важно отметить, что данные контексты относятся к диалогическому режиму интерпретации, и здесь, как мы можем наблюдать, начальная точка движения Фигуры не совпадает с местоположением говорящего, т.е. говорящий не является участником ситуации направленного движения.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в предложениях с глаголом 去 в диалогическом и речевом режимах начальная точка движения не совпадает с позицией говорящего, т. е. не является Фоном. Также важно отметить, что Фон обязательно синтаксически выражается в нарративном режиме, а в диалогическом режиме относится к области презумпции, является фоновой информацией. То есть, так или иначе, глагол 去 обязательно требует заполнения синтаксической валентности конечной точки движения. Отсюда мы можем сделать вывод, что глагол 去 является глаголом, ориентированным на конечную точку движения, а не на начальную, при этом позиция говорящего нейтральна к начальной точке движения, т.е. может совпадать, а может и не совпадать.

Таким образом, опираясь на схему, предложенную К. Годдаром [Goddar 2011] при рассмотрении ситуации движения с английскими глаголами *to come* и *to go*, мы можем представить значения китайского базового глагола направления движения следующим образом:

X 去 место-А =

- до начала движения X находился в каком-то месте;
- X необходимо быть в другом месте;
- по этой причине X совершал движение в течение какого-то времени;
- в результате чего X попал в место-А.

Другими словами, кто-то покинул место, где находился с целью попасть в другое место, и посредством движения оказался там. Следует отметить, что глагол не несет значения «покинуть место», т. е. он не ориентирован на начальную точку движения, как указывает Тань Аошуан, а ориентирован на цель – на конечную точку движения, при этом местоположение Говорящего нейтрально, т.е. необязательно совпадает с точкой начала движения.

В силу того, что позиция Говорящего в ситуации направленного движения, выраженного глаголом 去 в место-А неясна, данное место в предложении обязательно должно быть выражено синтаксически, опущение допускается лишь в речевом режиме, когда место-А относится к сфере презумпции. Данный факт свидетельствует о том, что в семантике глагола не наблюдается говорящий как участник ситуации движения, в связи с чем можно усомниться в дейктивности глагола 去 и поставить под сомнение отнесение его к эгоцентрическим единицам, но контексты со сложными глаголами, где глагол 去 является сателлитом, указывающим направление, говорят об обратном. Рассмотрим несколько примеров.

- (7) 他等潘独鳌匆匆出去, 站起来又说: “老王, 你出去等着, 我一会儿要请你帮忙。”
- (8) 张云天说完, 三个营长转身跑去。
- (9) 她问到, 我告诉她我家有, 你先拿去用。

Очевидно, что предложения демонстрируют дейктивность глагола, т. е., как видно из примеров, Фон дейктически заполнен – местоположение говорящего лица, который находится в начальной точке движения, наблюдается как в речевом, так и в нарративном режиме, несмотря на отсутствие его синтаксического выражения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в прямых употреблении глагола 去 компонент Говорящий не так активен, и значение глагола в отношении Говорящего, вслед за Ч. Филлмором (который, изучая

семантику английского глагола *to go*, говорит о его нейтральности в ситуациях, когда глагол не ориентирован ни на начальную, ни на конечную точку [Fillmore 1971], можно назвать нейтральным.

В представленных предложениях в семантике сложного глагола компонент *Говорящий* «высвечивается» и несет дейктическое указание на точку начала движения: (7) 出去 [выйти + направление] выйди в направлении от Фона – говорящего; (8) 跑去 [бежать + направление] убежали в направлении от Фона – героя повествования; (9) 拿去 [взять рукой + направление] в направлении от Фона – повествователя «меня».

В данном случае, на наш взгляд, можно вести речь о механизме распределения внимания в языке, который непосредственно связан с когнитивной перспективой рассмотрения языкового значения, что подразумевает неразрывную связь с физическим опытом человека, о чем ни раз упоминали как отечественные, так и зарубежные исследователи: например, О. К. Ирисханова пишет о том, что «познание в целом зависит от способности человека совмещать два противоположенных умения – концентрироваться на одних объектах и “убирать в тень” другие» [Ирисханова 2014, с. 19]. Л. Талми утверждает, что «семантические компоненты, выраженные морфемой, могут иметь различный вес в плане распределения внимания. <...> Последствием воздействия этого фактора является то, что две разные морфемы или два разных значения многозначной морфемы могут обладать почти одинаковыми семантическими компонентами, но придавать им разный вес в плане распределения внимания. Отсюда отдельный семантический компонент в значении одного из членов такой пары может быть более выделенным» [Талми 2006, с. 28].

Заключение

Анализ ситуаций с базовым глаголом 去 позволяет говорить о том, что в семантике глагола 去 в самостоятельном употреблении отражена ситуация направленного движения, где фокус смещен и направлен не на говорящего, а на ориентир движения, на конечную точку движения. В ситуациях, когда глагол входит в состав сложного глагола в качестве сателлита, в центре внимания оказывается говорящий, местоположение которого совпадает с начальной точкой движения. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что глагол является

мягким эгоцентриком, в связи с чем его семантику не совсем корректно описывать как движение в направлении от говорящего лица или наблюдателя, так как говорящий появляется в центре внимания только в ситуациях когда глагол выступает как сателлит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 39–80. [Golubkova, E. E. (2015). *Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov pri reshenii semanticheskikh problem* (Using linguistic corpora to solve semantic problems). *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod* (pp. 39–80). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].
- Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. [Gorelov, V. I. (1989). *Teoreticheskaja grammatika kitajskogo jazyka* (Theoretical grammar of Chinese). Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)].
- Иршанова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Irashanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija* (Focus games in language. Defocus semantics, syntax, and pragmatics). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84–90. [Kubryakova, E. S. (1992). *Glagoly dejstvija cherez ih kognitivnye karakteristiki* (Action verbs through their cognitive characteristics). *Logicheskij analiz jazyka. Modeli dejstvija* (pp. 84–90). Moscow : Nauka. (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. М.: Московский государственный институт иностранных языков им. М. Топеза, 1989. [Kubryakova, E. S. (1989). *Morfologiya v teoreticheskix i tipologicheskix issledovaniyax poslednego vremeni* (Morphology in theoretical and typological studies of recent times). Moscow: Moskovskij gos. institut inostr. yazykov im. M. Toreza. (In Russ.)].
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija* (The tapes of derived meaning of the word and language extension mechanisms). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].

- Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1992. [Kravchenko, A. V. (1992). *Voprosy teorii ukazatel'nosti: jegocentrichnost'. Dejktichnost'. Indeksal'nost'* (Questions of index theory: egocentricity. Deictic. Indexselect). Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta. (In Russ.)].
- Лян Сяонань, Ду Хунцзюнь. Особенности значения «ориентированность движения» у китайских глаголов движения lai и qu // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. С. 55–58. [Liang Xiaonan, Du Hungjun. (2010). Osobennosti znachenija «orientirovannost' dvizhenija» u kitajskih glagolov dvizhenija lai i qu (Features of the «direction moving» meaning of Chinese moving verbs lai and qu). In V. V. Krasnyh, A. I. Izotov (eds.), *Jazyk, soznanie, kommunikacija* (pp. 84–90) Moscow: MAKS Press. (In Russ.)].
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. [Paducheva, E. V. (2019). *Jegocentricheskie edinicy jazyka* (Egocentric units of language, 2nd ed.). Moscow: Izdatel'skij dom JaSK. (In Russ.)].
- Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 23–44. [Talmi, L. (2006). Fenomeny vnimanija (The phenomena of attention). *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2, 23–44. (In Russ.)].
- Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. [Tan, Aoshuan. (2002). *Problemy skrytoj grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika jazyka izolirujushhego stroja (na primere kitajskogo jazyka)* (Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of the isolating system's language (on the example of the Chinese language)). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)].
- Шахаева А. А. Типология глаголов направления движения в разноструктурных языках (на материале бурятского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014. [Shakhaeva, A. A. (2014). Tipologija glagolov napravljenija dvizhenija v raznostrukturnyh jazykah (na materiale burjatskogo i kitajskogo jazykov) (Typology of direction moving verbs in different structural languages (based on the Buryat and Chinese languages)): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ulan-Udje. (In Russ.)].
- Fillmore Ch. J. How to know whether you're coming or going // Linguistik. Athenäum, 1971. Pp. 369–379. [Fillmore, Ch. J. (1971). How to know whether you're coming or going (pp. 369–379). In *Linguistik*. Athenäum].
- Goddard C. Semantic Analysis: A Practical introduction (Second ed.). Oxford: Oxford University Press, 2011. [Goddard, C. (2011). *Semantic Analysis: A Practical introduction* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.].

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University press, 1985. P. 57–149. [Talmy, L. (1985). *Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. Language typology and syntactic description* (2nd ed.). Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon (pp. 57–149). Cambridge: Cambridge University press].

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81

А. А. Гольдман

кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской филологии,
Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет им. М.К. Аммосова» в г. Мирном;
e-mail: mptisvfu@mail.ru

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье предлагается фреймовый подход при интерпретации художественного текста. Актуальность обусловлена интересом исследователей к явлению когнитивного диссонанса как характерного явления, присущего для произведений писателей постмодернистского течения в литературе. Рассматривается фреймовая интерпретация когнитивной модели текста в процессе преодоления барьера между реальным миром читателя и фикциональным миром «автора-творца», который погружает читателя в созданное им ментальное пространство.

Ключевые слова: фрейм интерпретации; когнитивный диссонанс; когнитивная модель; консонанс.

A. A. Goldman

PhD (Philology), Associate Professor,
Professor at the English Philology Department
of the Mirny Polytechnic Institute (branch)
of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University;
e-mail: mptisvfu@mail.ru

FRAME INTERPRETATION OF COGNITIVE DISSONANCE IN POST-MODERN FICTION

The aim of the article is to suggest frame interpretation analysis of cognitive dissonance in the works of the authors of postmodern fiction in the process of decoding the cognitive model of the text. The frame interpretation of the cognitive model of the text is considered in the process of overcoming the barrier between the real world of the reader and the fictitious world of the “author-creator”, which immerses the reader in the mental space created by him.

Key words: frame interpretation; cognitive dissonance; cognitive model; consonance.

Введение

Внимание исследователей постмодернистского художественного текста все больше акцентируется на стратегии двойного кодирования автором своего замысла, что обуславливает усиление когнитивной активности читателей и предполагает подключения иных механизмов для его интерпретации [Чемодурова 2019, с. 57].

Возникает необходимость обратиться к теории фрейма, которая восходит к трудам М. Минского, Ч. Филлмора и других отечественных исследователей [Беляевская 1994; Кубрякова 1996; Демьянков 2011; Дроздова 2011; Ирисханова 2014].

Фрейм, по М. Минскому, представляет собой средство организации знаний о ситуации; знания могут быть представлены в виде фреймов, схем, прототипов и моделей ситуаций [Минский 1979].

Дальнейшее свое развитие теория фреймов получила в работах Ч. Филлмора. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является подход Ч. Филлмора в данном вопросе, согласно которому понятие фрейма может быть использовано и для интерпретации текста, когда какой-либо элемент текста способен вызвать ассоциации с когнитивной моделью, при помещении в которую части текста становится возможной ее интерпретация.

В результате сопоставления между отдельными элементами и частями текста устанавливаются первичные локальные и глобальные семантические связи. Такая модель впоследствии получила название фрейма интерпретации [Филлмор 1988, с. 65].

Данный подход представляется наиболее плодотворным для раскрытия замысла автора, автор уделяет особое внимание динамическим аспектам текста, приобретает особое значение при анализе смысла текста. Смысл текста соотносится с внутренней моделью мира, когнитивной базой, которая присутствует в сознании человека [Goldman 2012]. «Где бы мы в данный момент ни находились в процессе чтения текста, – наложенные семантическим пространством скрепы не дают исчезнуть двуслойности: мы все время и «там», и «здесь», и во внутреннем мире “Я”» [Левин 1988, с. 96].

Постмодернистская литература изменила наше представление о порождении смысла текста, но и наше восприятие текста и понимание роли автора и читателя литературного произведения, «текст теряет

начало и конец и превращается в дерево, лишенное ствола и корней, состоящее из одних ветвей» [Маньковская 2000, с. 23].

Фреймовый анализ когнитивного диссонанса при интерпретации произведения Paul Auster «From the City of Glass»

Рассмотрим изменение когнитивной модели текста в зависимости от выдвигания различных элементов фрейма на смысловом уровне, способствующих возникновению когнитивного диссонанса, на примере произведения Paul Auster «From the City of Glass».

It was a wrong number that started it, the telephone ringing three times in the dead of night, and the voice on the other end asking for someone he was not. ... he would conclude that nothing was real except chance. But that was much later. In the beginning there was simply the event and its consequences... The question is the story itself, and whether or not it means something is not for the story to tell.

Мистическое начало сразу погружает читателя в когнитивный диссонанс. Намек на присутствие самого автора, когда рассказчик в первый раз слышит по телефону, что пытаются связаться с кем-то, кем он ни был, не приводит читателя к консонансу [Фестингер 1999], наоборот, настораживает его, усиливает чувство когнитивного диссонанса. Актуализация смысла фрейма строится на утверждении *nothing was real except chance* и на обыгрывании значения слова *story*, которое происходит на двух уровнях: в обычном прямом значении и на метафорическом, которое подразумевает автора-рассказчика. В постепенном возникновении когнитивного диссонанса участвуют слова: *wrong number, event, consequences*. При этом возникает диссонанс между самим автором и рассказчиком, который одновременно является одним из фиктивных персонажей рассказа, от лица которого ведется повествование (*Quinn*). Этому способствует продолжение темы мистичности, фикциональности повествования, когда автор утверждает, что факты из жизни его персонажа *are of no great importance*, в то же время раскрывается его личность, как бы возвращая через это описание к обыденному восприятию.

He read a lot of books, he looked at paintings, he went to the movies. In the summer he watched baseball on television; in winter he went to the opera. – «Когда-то он был женат, у него был сын, но их не стало, и воспоминания

о трехлетнем сыне, которого он временами чувствовал на физическом уровне, стали тускнеть; всё вокруг постепенно начало меняться».

Фраза «He no longer wished to be dead. At the same time, it cannot be said that he was glad to be alive» раскрывает глубину чувств рассказчика от потери близких. Читателю остается догадываться, что, возможно, это послужило причиной раздвоения его личности, Quinn продолжил существовать под маской выдуманных персонажей. Далее идет постепенное погружение читателя к другому диссонансу:

More than anything else, however, what he liked to do was *walk*. Nearly every day, rain or shine, hot or cold, he would leave his apartment to *walk* through the city...

Чувство когнитивного диссонанса, возникшее в начале повествования, усугубляется по мере развития сюжета, поддерживаемое новым сценарием, фреймом, казалось бы, известных читателю лексем, раскрывающих пустоту внутри персонажа *a salutary emptiness within*. Это чувство пустоты, отрешенности от окружающего мира, создается искусным употреблением слов *lost* и *nowhere*, подхватывающих предыдущий повтор слова *walk* и переход от *anywhere* к *nowhere*:

New York was an inexhaustible space ... it always left him with the feeling of being *lost*. *Lost* not only in the city but within himself as well... On his best walks, he was able to feel that he was *nowhere*. And this, finally, was all he ever asked of things: to be *nowhere*. New York was the *nowhere* he had built around himself...

Чувство отрешенности, «растворения» в выдуманном персонаже достигает своего апогея и, как ни странно, не вызывает у читателя диссонанса, так как его подводили к этому постепенно. Словосочетание *mystery novels* возвращает к первому сценарию, создающему, как бы, обыденность содержания данного фрейма:

A part of him had died ... It was then that he had taken on the name of William Wilson... although in many ways Quinn continued to exist, he no longer existed for anyone but himself.

Когнитивный диссонанс порождается парадоксом, заключенном в лексеме *exist* в данном контексте: существовал, но только для себя,

к чему подводит предыдущий фрейм, центром которого является слово *nowhere: he was nowhere, New York was nowhere...*

Автор раскрывает неуверенность своего персонажа-рассказчика в том, что он действительно существует и как бы объясняет его переход в другие личности – до отождествления с вымышленными им персонажами, подчеркивая тем самым фикциональность происходящего.

William Wilson after all was an *invention*, and even though he had been born within Quinn himself, he now led an independent life... he never went so far as to believe that he and William Wilson were the same man. It was for this reason that he did not emerge from behind the mask of his *pseudonym*.

Ключом к пониманию диссонанса между рассказчиком-персонажем (Quinn) и вымышленным им вторым «я» (William Wilson) служат слова *invention* и *pseudonym*.

Утверждение *a part of him had died* в предыдущем фрейме продолжается в новом фрейме, ключевой фразой которого является утверждение:

He was alive and the stubbornness of this fact had little by little begun to fascinate him – as if he had managed to outlive himself, as if he were somehow living a posthumous life.

Разрыв когнитивных связей у читателя на этом не заканчивается, игра в вымысел и реальность приобретает еще бóльшую остроту, когда автор вовлекает в текст еще один вымышленный персонаж, исполняющий роль детектива *Max Work*, более того, происходит окончательное превращение рассказчика в фиктивную личность, таким образом происходит разрыв реальности с вымышленным фикциональным миром:

If Wilson did not exist, he nevertheless was the bridge that allowed Quinn to pass from himself into Work.

Когнитивная модель данного фрейма актуализируется ключевыми словами *exist real vanish* и продолжает погружать читателя в вымышленный творческий мир писателя, где рассказчик полностью отождествляет себя со вторым вымышленным им персонажем – детективом *Max Work*:

His detective necessarily had to be real. If Quinn had allowed himself to vanish, to withdraw in the confines of a strange and hermetic life, Work continued to live in the world of others ...

Загадочный мир, в котором, по словам рассказчика, книжный мир оживает, всё в нем существенно, и центр повествования постоянно смещается, он везде, пока не заканчивается книга. По сути, писатель и детектив взаимозаменяемы: «In effect, the writer and the detective are interchangeable». Читатель видит мир глазами детектива, а писатель видит мир, выглядывая из своего «я», требуя, чтобы мир раскрыл ему себя. Здесь мы имеем дело с авторским отступлением, в котором он, выступая в роли рассказчика, объясняет свое слияние со вторым вымышленным персонажем – детективом Max Work. И не то, чтобы рассказчик хотел быть этим персонажем, но в нем было что-то от него, если бы он этого захотел, хотя бы мысленно. И читатель начинает догадываться, почему именно своему детективу рассказчик отдает предпочтение.

Далее читателя выводят из «дебрей» фикционального мира посредством упоминания книги Марко Поло «Travels», которая устанавливает связь между вымышленным миром автора и реальностью:

An open copy of Marco Polo's Travels lay face down on the pillow beside him... Quinn picked up the Marco Polo and started reading the first page again.... And all who read this book or hear it may do so with full confidence, because it contains nothing but the truth.

Читателю дают понять, что существует другой вид литературы, которая не введет его в заблуждение. Только рассказчик начинает раздумывать над прочитанным, в ночи раздается звонок, приглушенный голос спрашивает некоего Paul Auster из детективного агентства (Paul Auster Detective Agency). Quinn отвечает, что он ошибся номером, голос настаивает на своем, утверждая, что время истекает: «You don't understand», said the voice. «Time is running out». Автор делает очередную попытку буквально ворваться в текст. После второго звонка рассказчик начинает невольно прислушиваться к телефону по ночам, ожидая повторного звонка, и, наконец, звонок настаивает на нем в тот момент, когда он принимает решение не обращать на него внимания. Он опять возвращается к чтению книги Марко Поло: *the chapter tells of Marco Polo's journey from Peking to Amoy*, и пластинка с записью оперы

Гайдна «Mondo de la Juno», которую он прослушивает до конца, постепенно выводят читателя из «лабиринта» когнитивного диссонанса, в который его затянул автор, в консонанс, упоминанием очень важной для рассказчика даты: *It was May nineteenth*, так как покойная мать однажды сказала ему, что он был зачат именно в этот день, и все эти годы он втайне праздновал эту дату как свой день рождения. Эта дата служит сигналом возвращения к реальности, когда он неохотно соглашается после очередного звонка из детективного агентства (Paul Auster Detective Agency) примерить на себя маску некоего персонажа. Затем читатель сталкивается с очередным парадоксом, когда он вновь погружается в когнитивный диссонанс: некто (автор) по телефону настойчиво разыскивает самого себя. Здесь автор выступает в роли очередного персонажа, он заставляет рассказчика уступить и признать себя настоящим автором повествования:

«Speaking», he said. «This is Auster speaking».
«*At last. At last* I've found you». He could hear the relief in the voice, the tangible calm that suddenly seemed to overtake it.
«That's right», said Quinn. «*At last*».

Наконец, автору удается с третьей попытки «прорваться» в «ткань» текста и, тем самым, он сам становится четвертым персонажем в повествовании. Причем голос по телефону сообщает, что некто собирается убить его, и он просит нового персонажа автора (Paul Auster), что он должен поспешить, чтобы защитить его, диктует ему адрес, вероятно, настоящий адрес, по которому проживает Paul Auster – свидетельство того, что тема писатель-детектив завершает рассказ.

И неискушенный читатель, испытывая эффект «головокружения», с трудом преодолевает барьер между реальным миром и фикциональным миром автора, который неохотно срывает с себя маску рассказчика, и принимает решение избавиться от своего двойника, существующего в виде трех персонажей.

Необходимо отметить, как полагает Ю. И. Левин: «“Реальный автор”, появляющийся в тексте, все равно нетождествен настоящему “реальному автору” ... единственным источником сведений о возможном мире повествования является сам текст (или его рассказчик)...» [Левин 1988, с. 364].

Роль автора, даже реального, завершается с окончанием произведения, он живет самостоятельно от своего создателя. Более того,

каждый читатель вправе творить, наравне с автором, свое видение мира, описанного в любом художественном тексте.

Ключом к когнитивной модели рассказа служит фраза:

He no longer wished to be *dead*... He was *alive*, and the stubbornness of this fact had little by little begun to fascinate him – as if he had managed to outlive himself, as if he were somehow living a *posthumous life*.

Повторяющаяся антитеза *dead – alive* заполняет все пространство рассказа, раскрывая соотношение между концептуальными фреймами этих слов. Автор привлекает внимание читателя к тонкой грани между состояниями жизни и смерти, когда человек как бы умирает со смертью своих близких, затем продолжает жить дальше уже в другой реальности. По сути, человек умирает каждый день, оставляя в прошлом свою предыдущую жизнь. Эта мысль, заключенная в подтексте, передает философское кредо автора: жизнь постоянно продолжается даже после смерти.

Заключение

Когнитивную модель рассказа можно представить в виде перехода от одного фрейма (сценария), содержащего когнитивный диссонанс к другому, в центре которых находятся разные персонажи, за которыми автор закодировал себя для активизации внимания читателя, вовлекая его в процесс творческой фиксации:

Таким образом, создание автором постмодернистского течения рассказа, вовлекающего читателя в лабиринты города из стекла, в котором отражаются разные «я», готовые разбиться в любую минуту, является свидетельством того, что писатель переживает множество жизней, каждый раз перевоплощаясь в созданных его разумом персонажей, обретая в них бессмертие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М.: Наука, 1994. С. 87–110.
[Belyayevskaya, Ye. G. (1994). Kognitivnyye osnovaniya izucheniya semantiki

- slova (Cognitive Foundations of Investigating Word Semantics). *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke* (pp. 87–110). Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 33–40. [Dem'yankov, V. Z. (2011). Kognitivnyy dissonans: kognitsiya yazykovaya i vneyazykovaya (Cognitive Dissonance: Linguistic and Extralinguistic Cognition). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 9, 33–40. (In Russ.)]
- Дроздова Т. В. Когнитивный диссонанс как лингвистическая проблема (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2011. [Drozdova, T. V. (2011). Kognitivnyy dissonans kak lingvisticheskaya problema (na materiale angliyskogo yazyka). (Cognitive Dissonance as a Linguistic Problem) (based on the English language material): abstract of PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)]
- Ирисканова К. М. Когнитивный диссонанс в англоязычном поэтическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). С. 7–14. [Iriskhanova, K. M. (2014). Kognitivnyy dissonans v russkoazychnom poeticheskom diskurse (Cognitive Dissonance in English Poetic Discourse). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 17(703), 7–14. Moscow. (In Russ.)].
- Кубрякова Е. С. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 187–189. [Kubryakova, Ye. S. (1996). Freym (Frame). In *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* (Concise Dictionary of Cognitive Terms). (pp. 187–189). Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosov. (In Russ.)].
- Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: ЯПК, 1988. [Levin, Yu. I. (1988). *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* (Selected Works. Poetics. Semiotics). Moscow: YARK. (In Russ.)].
- Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. [Man'kovskaya, N. B. (2000). *Estetika postmodernizma* (The Aesthetics of Postmodernism). St. Petersburg: Aleteyya. (In Russ.)].
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. [Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* (Frames for Knowledge Representation). Moscow: Energiya. (In Russ.)].
- Фестингер А. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. [Festinger, A. (1999). *Teoriya kognitivnogo dissonansa* (Theory of Cognitive Dissonance). St. Petersburg: Yuventa, 1999. (In Russ.)].
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988. [Fillmor, Ch. Freymy i semantika ponimaniya (Frames and the Semantics of Understanding). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*, 23. Moscow. (In Russ.)].

- Чемодурова З. М. Когнитивный диссонанс как компонент интерпретационной программы постмодернистского художественного текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 55–64. [Chemodurova, Z. M. (2019). Kognitivnyy dissonans kak komponent interpretatsionnoy programmy postmodernistskogo khudozhestvennogo teksta (Cognitive Dissonance as a Component of the Interpretational Programme in Postmodernist Fiction). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2, 55–64. (In Russ.)].
- Goldman A. A. Frame Semantics and Text Interpretation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 4 (2012 5). P. 479–483.
- Paul Auster. From the City of Glass // Postmodern American Fiction. A Norton Anthology. Paula Geyh, Fred Y. Leebron, Andrew Levy. New York: W. W. Norton & Company, 1998.

УДК 81-139:808.51

Л. А. Гольшкина

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования,
декан факультета повышения квалификации,
Новосибирский государственный технический университет;
e-mail: Ludmila200273@mail.ru, lag@fpk.nstu.ru

**РИТОРИКА ДЕКОДИРОВАНИЯ:
ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ**

Статья предлагает определение такого понятия, как *риторика декодирования*, обуславливающего возможности обоснования соответствующего филологического направления. Указаны факторы, способствующие актуализации риторики декодирования. Описаны когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования; сформулированы ее объект и предмет. Особое внимание уделяется риторической реконструкции текстообразования как методу исследования. Обозначена проблема соотношения риторической критики и риторики декодирования.

Ключевые слова: риторика декодирования; риторический текст; риторическая реконструкция; риторические исследования.

L. A. Golyshkina

PhD (Philology), Associate Professor,
Associate Professor at the Philology Department,
Dean of the Continuing Education Faculty, Novosibirsk State Technical University;
e-mail: Ludmila200273@mail.ru, lag@fpk.nstu.ru

**DECODING RHETORIC:
CONCEPT AND METHODOLOGICAL TOOL**

The article provides a definition of such a concept as decoding rhetoric which determines the possibility of substantiating the corresponding philological area. The factors contributing to the actualization of decoding rhetoric are indicated. The cognitive and communicative foundations of decoding rhetoric are described; its object and subject are formulated. Special attention is paid to the rhetorical reconstruction of text formation as a research method. The paper raises the problem of the relationship between rhetorical criticism and decoding rhetoric.

Key words: decoding rhetoric; rhetorical text; rhetorical reconstruction; rhetorical studies.

Введение

Сегодня риторика представлена широким спектром теоретических и прикладных направлений: от классической теории устной

публичной речи до неориторики, разрабатываемой на стыке лингвистики, философии, теории литературы, логики и теории аргументации [Панов, Тумина 2005, с. 327]. В дисциплинарную схему современной риторики включают: так называемые парариторические области знания, т. е. «имплицитно риторические, или использующие основные концепты классической риторики» [Безменова 1991, с. 135] – от культуры речи и стилистики до лингвостнографии и психологии интеллектуальных способностей; а также метариторику; этнориторику; риторическую герменевтику; риторическую критику [Катышев 2002, с. 30].

Объединение в макросферу риторического знания указанных направлений обеспечивается общей идеологией понимания категории риторического как эффективной мыслеречевой деятельности.

Столь широкий объект исследования, а также накопившиеся в рамках риторической сферы знания создают условия для появления научных областей, удовлетворяющих актуальным требованиям полипарадигматичности и междисциплинарности, активизируют поиск новых методов, в том числе и синтетических.

Кроме того, в условиях, когда в мире становится «всё больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» (Ж. Бодрийяр), поиски технологий оптимизации процессов понимания представляются как никогда значимыми. Так, В. Кинч и Т. ван Дейк отмечают: «Не может быть такой теории понимания, которая одновременно была бы и общей, и частной, потому что нет единого, целостного процесса “понимания”. Каждый раз, когда мы пытаемся вникнуть в процесс понимания дискурса, он кажется чуточку иным. Поэтому нужны как раз основы исследования, ряд принципов и методов анализа, которые можно приложить к конкретным случаям» [Дейк ван, Кинч 1988, с. 204].

Вышеуказанные обстоятельства и факторы обуславливают возможности существования риторики декодирования, возникающей как следствие расширения и трансформации исследовательского потенциала риторической парадигмы.

Соответственно, цель настоящей статьи заключается в определении понятия риторики декодирования и описании ее методологического инструментария как исследовательских процедур, направленных на обоснование соответствующего научного направления.

Понятие «риторика декодирования», когнитивно-коммуникативная сущность, объект и предмет

Понятие «риторика декодирования» вводится нами по аналогии с понятием «стилистика декодирования», обоснованным сначала М. Риффатером [Riffaterre 1964], а затем на отечественной почве И. В. Арнольд [Арнольд 2002]. Стилистику декодирования, или восприятия, определяют как науку, «которая изучает те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему и декодирующему сообщение, образ мыслей лица, кодирующего сообщение» [Арнольд 2002, с. 17].

Как отмечает И. В. Арнольд, «в стилистике восприятия внимание концентрируется не на писателе, а на результате его творчества, на воздействии, которое текст оказывает на читателя, т. е. на самого анализирующего» [там же, с. 30–31]. Такое понимание функциональной сущности стилистики декодирования позволяет рассматривать ее в качестве теоретической основы интерпретации текста и сближает с риторикой, в сферу традиционных интересов которой входит изучение воздействующей речи, реализующей целеполагание ратора.

Но если стилистика декодирования ориентирована «на идейные и эстетические ценности литературного произведения параллельно с получением лингвистической информации» [там же, с. 33], то внимание риторики декодирования направлено на реконструкцию механизмов формирования текста, оцениваемых с позиции эффективности коммуникативного взаимодействия.

Современное риторическое мировоззрение основывается на «признании того факта, что экспоненты риторической составляющей речевого сообщения есть показатели “эффективного” мышления продуцента (говорящего, пишущего) и одновременно необходимые предпосылки для изменения состояния и поведения реципиента (читающего, слушающего)» [Катышев 2002, с. 31]. Иначе говоря, для риторики оказываются значимыми как процесс трансформации «мысли в слово», так и результат – эффективность, действенность текста как продукта мыслеречевой деятельности в практике изменения реальности. Риторика, с одной стороны, снабжает говорящего технологиями успешного текстообразования, а с другой – обеспечивает слушающего инструментарием диагностики текстообразующего замысла автора.

В соответствии с вышесказанным представляется возможным выделять риторiku кодирования и риторiku декодирования. При этом первую мы рассматриваем как теорию и практику текстообразования, реализуемого продуцентом путем ориентации на образ особого типа текста – риторического, основанного на представлениях о коммуникативно-речевой эффективности, а вторую – как теорию и практику реконструирования текстообразования, осуществляемого с ориентировкой на тот же текстотип.

Когнитивно-коммуникативная сущность риторического декодирования определяется системой представлений о риторическом текстотипе, который мы трактуем в качестве модельного воплощения риторического кода – текста-образца, или текста-эталона, позволяющего диагностировать эффективность / неэффективность текста в коммуникативной практике. Таким текстом-образцом в рамках предлагаемой концепции выступает так называемый риторический текст – абстрагированный от конкретного жанрового воплощения текстотип, характеризующийся системой параметров текстовой эффективности, каждый из которых находится в зависимости от того или иного компонента коммуникативного акта (коммуниканты, практическая и коммуникативная цели адресанта, обстоятельства общения и т. п.).

Обращение к модели коммуникативного акта обеспечивает установление следующих корреляций между компонентами структуры коммуникативного акта и свойствами риторического текста: коммуниканты / авторство и адресность, как следствие – диалогичность; практическая цель / акциональность; коммуникативная цель / персуазивность, основанная на аргументированности; обстоятельства общения / публичность; процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность предмета речи, доступность его вербального воплощения; коммуникативный текст / осознанность как следование технологии текстообразования – риторическому канону [Гольшкينا 2015].

При этом коммуникативный акт выступает прототипическим основанием такой структуры представления знаний, как модель коммуникативного контекста. Так, согласно Т. ван Дейку, «чтобы построить текст, подходящий для данного контекста, люди должны хранить в памяти представление об этом контексте, то есть иметь *контекстную модель* (курсив оригинала. – Л. Г.). Такая модель содержит информацию об участниках речевой коммуникации, их целях и о типе

социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст (завтрак, посещение врача или дебаты в парламенте)» [Дейк ван 2015, с. 170]. В конце концов контекстная модель указывает на то, какой тип текста должен быть построен. А типом текста, в свою очередь, определяется стиль и общая организация текста [там же, с. 170–171].

Иначе говоря, в случае риторического кодирования модель коммуникативного контекста, выступая когнитивным коррелятом коммуникативной ситуации, обеспечивает текстообразование.

Но если риторическое кодирование с его двухтысячелетней концептуальной идеей риторического канона как «завершенной моделью речевой деятельности» [Безменова 1991, с. 43] достаточно освоено в теоретическом и дидактическом аспектах, то риторическое декодирование, вследствие многоаспектности самой природы понимания, оставляет шансы научному поиску.

Соответственно, объектом исследования риторики декодирования выступает текстообразующий замысел субъекта речи в аспекте категории эффективности, отраженный в конкретном тексте; а предметом – аналитические процедуры его распознавания и оценки / диагностики. Последние связаны с выявлением стратегий текстообразования, а также способов и средств их вербализации, формирующих persuasive, или воздействующий, потенциал текста. Их объективация осуществляется путем риторической реконструкции текстообразования.

Риторическая реконструкция текстообразования как метод риторики декодирования

Ведущим методом риторики декодирования выступает риторическая реконструкция текстообразования, теоретическим основанием которой является риторический канон – технология текстопорождения, отражающая универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову» и последовательно актуализирующая основные этапы создания текста – инвенцию, диспозицию и элокуцию [Безменова 1991, с. 43; Ворожбитова 2005, с. 123–124; Гольшкина 2015, с. 36].

Риторическая реконструкция текстообразования «вырастает», по сути, из риторического анализа, который основан на переосмыслении всей структуры и содержания риторического канона и, в целом, «направлен на выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения» [Леонтович 2011, с. 76].

Однако отметим, что специфика риторической реконструкции зиждется на учете только тех этапов риторического канона, которые отвечают за текстообразование. Сам акт исполнения, или публичное предъявление текста аудитории, не входит в сферу прямых интересов риторического декодирования. Кроме того, риторическая реконструкция сосредоточена не столько на результате текстообразования, сколько на анализе самого процесса текстопроизводства, а именно – на глубинных механизмах формирования текста и его воздействующего потенциала.

Мысль Т. ван Дейка о том, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван 2015, с. 171], позволяет трактовать этапы текстообразования как реализацию соответствующих риторическому канону стратегий. Так, инвентивная стратегия, инициирующая текстообразование, определяет ментальную разработку предметного содержания текста. Диспозитивная стратегия связана с созданием композиционно-аргументационной структуры текста. Элокутивная стратегия обуславливает селекцию и комбинацию языковых средств, призванных наиболее выгодно эксплицировать замысел автора, устанавливать интерперсональные отношения и обеспечивать диалогичность текста.

Следование риторическим стратегиям текстообразования понимается как залог построения успешного текста, как входное условие для продуктивного декодирования реципиентом замысла продуцента.

В свою очередь, риторическая реконструкция определяется нами как аналитическая процедура, позволяющая поэтапно рассматривать способы и средства вербализации стратегий текстообразования, которые не только обеспечивают персуазивный эффект, но и снижают его.

Приведенный выше порядок следования этапов / стратегий текстообразования соответствует подходу от кодирующего. Декодирующий движется в обратном направлении.

Реконструкция элокутивной стратегии текстообразования есть анализ селективных и комбинаторных интенций субъекта речи в области лексического и синтаксического оформления текста. При этом здесь особое внимание уделяется средствам выразительности, способствующим реализации замысла продуцента, а также средствам авторизации и адресации, обеспечивающим диалогичность текста.

На этом этапе декодирования мы верифицируем такие свойства риторического текста, как публичность, а также авторство и адресность, как следствие – диалогичность, которые есть проекция таких составляющих коммуникативного акта, как обстоятельства общения и коммуниканты.

Реконструкция диспозитивной риторической стратегии есть осуществление полиаспектного анализа композиционной организации текста. Так, структурно-семантический аспект анализа направлен на изучение селекции и комбинации коммуникативных регистров речи, которые мы рассматриваем в качестве базовых строевых единиц текста, обеспечивающих тексто- и смыслообразование. Аргументационный аспект объясняет механизмы формирования персуазивности риторического текста. Формально-прагматический аспект направлен на описание суперструктуры текста. Результатом декодирования становится выявленная цепь трансформаций композиционных единиц разных уровней, демонстрирующих текстообразующие преобразования в направлении от содержания к функции и только затем к форме [Гольшקיна 2019].

Именно этот этап реконструкции демонстрирует методологическую связь риторики декодирования и лингвистики текста – научного направления, изучающего единицы текстообразования, способы и средства создания связного текста, принципы его линейной организации, а также процедуры членимости, объясняющие механизмы моделирования композиционной структуры текста.

На этапе реконструкции диспозитивной стратегии мы «вскрываем» механизмы формирования персуазивности текста, которая является проекцией такого компонента акта коммуникации, как коммуникативная цель говорящего.

Реконструкция инвентивной стратегии текстообразования предполагает объективацию триады «тема – проблема – тезис», обусловливающей диктумную организацию текста, его содержательно-концептуальный сценарий. Здесь же квалифицируется тип аудитории, которой адресован текст.

Этот этап декодирования выявляет установку на актуальность и акциональность как свойства текста риторического типа. При этом актуальность трактуется как ориентация продуцента на информационные потребности реципиента в режиме «здесь и сейчас». Актуальность

выступает своего рода катализатором понимания текста адресатом. Акциональность, в свою очередь, есть проекция практической цели субъекта речи, которая так или иначе отражает представления о том результате, который говорящий предполагал достичь с помощью текста в рамках определенного вида социальной деятельности.

Важно отметить, что методологические возможности риторической реконструкции диагностируют как сильные стороны текста, так и зоны риторического риска текста как продукта мыслеречевой деятельности, возникающие вследствие нереализованности или ущербности тактических механизмов воплощения той или иной стратегии текстообразования.

Таким образом, предложенный метод направлен на извлечение из текста информации о реализованной модели коммуникативного контекста продуцента, на декодирование его представлений о тексте-образце, обеспечивающих эффективное текстопроизводство, на обнаружение и систематизацию способов и средств вербализации текстообразующих стратегий.

Области применения риторической реконструкции достаточно многообразны. Этот метод, диагностирующий эффективность текста, может быть использован в практике лингвистических экспертиз, в обучении лингвистическому анализу и технологиям углубленного чтения, в практике спичрайтинга, в коммуникативных тренингах, направленных как на обучение успешной текстовой деятельности, так и на обнаружение сигналов речевого воздействия, в том числе и суггестивного типа.

Риторика декодирования vs. риторическая критика

Претензия риторики декодирования на собственный онтологический статус требует определения ее места в парадигме смежных риторических направлений. На оси риторических дисциплин риторика декодирования располагается ближе всего к риторической критике, получившей интенсивное развитие в XX столетии, прежде всего, в США [Black 1965; Foss 1989; Jasinski 2001; Wichelns 1958].

Из ряда трактовок риторической критики остановимся на актуальном понимании ее как методологического течения, объединяющего вокруг себя исследования, цель которых состоит в разработке и систематизации процедур, направленных на анализ и оценку конативности

письменных и устных текстов [Александрова 1987, с. 71; Катышев 2002, с. 30; Медведева 1987, с. 99].

«Объектом, или предметом, риторической критики, является риторическое произведение (речь) как сложное целое идейно-тематического (замысел и содержание), фактуально-информативного (содержание), структурно-логического (логика), композиционного (композиция), функционально-стилистического (стиль), паралингвистического (фонация и кинесика) уровней в совокупности с характеристиками личности ратора, непосредственной аудитории, историко-политического фона и последствий, вызванных данным публичным выступлением» [Смолененкова 2005, с. 7–8].

Очевидно, что в части определения объекта / предмета изучения риторическая критика явно шире риторики декодирования, которая сосредоточена на технологических аспектах текстообразования, что позволяет последней претендовать на автономность.

Отметим, что «риторическая критика, по сути, обратно пропорциональна риторике: она изучает слово, чтобы выяснить идеи, которые в этом слове выражены. Таким образом, мы можем сказать, что *риторическая критика – это филологическая дисциплина, которая изучает отношение слова к мысли*» (курсив оригинала. – Л. Г.) [Смолененкова 2016, с. 23].

Исследовательский принцип «от слова к мысли» разделяет и риторику декодирования. Однако поскольку генетическим источником риторики декодирования являются классическая риторика и лингвистика текста, а риторическая критика «выросла не столько из риторики, сколько из литературной критики» [там же, с. 25], то путь «от слова к мысли» сопоставляемые научные дисциплины преодолевают с помощью разных методов.

Совпадение риторической критики и риторики декодирования наблюдается в фокусе категории субъекта аналитико-интерпретативной деятельности. Так, П. А. Катышев связывает риторическую критику с дискурсивной деятельностью квалифицированного субъекта, оценивающего воздействующий потенциал и целесообразность речевого акта [Катышев 2018, с. 18]. Риторическое декодирование требует такого же типа субъекта в практике реконструкции текстообразования.

Проведенное сопоставление вносит вклад в определение сущности риторики декодирования, ее дисциплинарной природы и онтологического статуса.

Заключение

Представленное теоретическое обоснование риторики декодирования сопряжено с определением ее понятия, объекта, предмета и метода исследования как неизменных составляющих любого научного направления.

Риторика декодирования понимается как область знания, направленная на выявление механизмов текстообразования, осуществляемых с ориентировкой на образцовый, с позиции коммуникативной эффективности, текстотип – риторический, имеющий технологическую природу и обладающий осознанностью, персуазивностью, актуальностью, акциональностью, публичностью, диалогичностью.

Определение представлений продуцента о тексте-образце, трактуемом в качестве риторического текстообразующего кода, осуществляется посредством риторической реконструкции текстообразования. Предлагаемый метод поэтапно дешифрует текстообразующий замысел субъекта речи путем выявления стратегий текстообразования – инвентивной, диспозитивной и элокутивной, а также способов и средств их вербализации, диагностируя тем самым воздействующий потенциал текста и определяя зоны его риторических рисков.

Базовый категориально-понятийный аппарат риторики декодирования включает такие составляющие, как риторическое декодирование, модель коммуникативного контекста, коммуникативный акт, риторический текстотип / текст, типологические признаки риторического текста, когнитивно-коммуникативные корреляции, риторическая реконструкция текстообразования, текстообразующие стратегии, строевые единицы текста, аргументация, персуазивность, эффективность текста, зоны риторических рисков.

Методологическая и категориально-понятийная оснащенность риторики декодирования позволяет ей занять свою нишу в парадигме существующих риторических и парариторических направлений.

Иначе говоря, риторика декодирования, предлагающая валидный методологический инструментарий, обеспечивающий объяснение понимания дискурса, имеет сегодня право на собственный онтологический статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александрова Л. Н. Риторика и герменевтика: (Развитие и современное состояние теоретических исследований в ФРГ) // Неориторика: Генезис,

- проблемы, перспективы: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н. А. Безменова. М.: ИНИОН, 1987. С. 70–90. [Aleksandrova, L. N. (1987). *Ritorika i germeneytika: (Razvitie i sovremennoe sostoyanie teoreticheskikh issledovaniy v FRG)*. (Rhetoric and Hermeneutics: (Development and Current State of Theoretical Research in Germany)). In Bezmenova, N. A. (ed.). *Neoritorika: Genezis, problemy, perspektivy* (pp. 70–90). Moscow: INION. (In Russ.)].
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. [Arnol'd, I. V. (2002). *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk*. (Stylistics. Modern English). Textbook for higher educational institutions. 4th ed., revised. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)].
- Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. [Bezmenova, N. A. (1991). *Ocherki po teorii i istorii ritoriki* (Essays on the Theory and History of Rhetoric). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Ворожбитова А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. [Vorozhbitova, A. A. (2005). *Teoriya teksta: antropotsentricheskoye napravleniye*. (Text Theory: Anthropocentric Direction). Textbook. 2nd ed., revised. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Гольшикина Л. А. Полиаспектность композиционной структуры риторического текста // Научный диалог. 2019. № 10. С. 94–109. [Golyshkina, L. A. (2019). Polyaspectivity of the Compositional Structure of the Rhetorical Text. *Nauchnyi dialog*, 10, 94–109. (In Russ.)]. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-94-109.
- Гольшикина Л. А. Система типологических свойств риторического текста // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 31–37. [Golyshkina, L. A. (2015). System of the typological features of the rhetorical text. *Mir russkogo slova*, 3, 31–37. (In Russ.)].
- Дейк ван Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211. [Deik, van T. A., Kinch, V. (1988). *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta*. (Strategies for Understanding Connected Text). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* (pp. 153–211). Moscow. (In Russ.)].
- Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. [Deik van T. A. (2015). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* (Language. Knowledge. Communication). 2nd ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)].
- Катышев П. А. Риторика как дисциплина // Риторика: учебно-методич. комплекс для студентов гуманитарных факультетов / под ред. П. А. Катышева. Кемерово: КемГУ, 2002. С. 21–54. [Katyshhev, P. A. (2002). *Ritorika kak*

- distsiplina (Rhetoric as a Discipline, pp. 21–54). In Katyshcheva, P. A. (ed.). *Ritorika*. Kemerovo: KemGU. (In Russ.).
- Катышев П. А. Риторическая критика в гносеологическом и онтологическом измерениях // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 18–23. [Katyshchev, P. A. (2018). *Ritoricheskaya kritika v gnoseologicheskom i ontologicheskom izmereniyakh* (Rhetorical Criticism in Epistemological and Ontological Dimensions). *Russkii yazyk za rubezhom*, 2(267), 18–23. (In Russ.).]
- Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. [Leontovich, O. A. (2011). *Metody kommunikativnykh issledovaniy* (Methods of Communication Research). Moscow: Gnozis. (In Russ.).]
- Медведева С. Ю. Риторика и риторическая критика в США // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н. А. Безменова. М.: ИНИОН, 1987. С. 91–113. [Medvedeva, S. Yu. (1987). *Ritorika i ritoricheskaya kritika v SShA* (Rhetoric and Rhetorical Criticism in the USA, pp. 91–113). In Bezmenova, N. A. (ed.). *Neoritorika: Genezis, problemy, perspektivy*. Moscow: INION. (In Russ.).]
- Панов М. И., Тумина Л. Е. Риторика // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. М.: КРПА Олимп, 2005. С. 323–328. [Panov, M. I., Tumina, L. E. (2005). *Ritorika* (Rhetoric, pp. 323–328). In Panov, M. I. (ed.), *Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika*. Moscow: KRPA Olimp. (In Russ.).]
- Смолененкова В. В. Основы риторической критики: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2016. [Smolenenkova, V. V. (2016). *Osnovy ritoricheskoi kritiki*. (Fundamentals of Rhetorical Criticism). Textbook. Moscow: FORUM. (In Russ.).]
- Смолененкова В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Smolenenkova, V. V. (2005). *Ritoricheskaya kritika kak filologicheskii analiz publichnoi argumentatsii*. (Rhetorical Criticism as a Philological Analysis of Public Argumentation): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).]
- Black E. *Rhetorical Criticism: A Study in Method*. New York; London, 1965.
- Foss S. *Rhetorical Criticism: Exploration & Practice* / [Compiled by] S. K. Foss. 3rd ed. Waveland Press, 1989.
- Janinski J. The Status of Theory and Method in Rhetorical Criticism. *Western Journal of Communication*. Summer 2001. Vol. 65. Issue 3. P. 249–270.
- Riffaterre M. The Stylistic Function. *Proceedings of the 9th Intern. Congr. of Linguistics* / Ed. by Lunt. Cambridge: Mas., 1964. P. 316–323.
- Wichelns H. A. *The Literary Criticism of Oratory. The Rhetorical Idiom: Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama* / Presented to H. A. Wichelns, with reprinting of His «Literary Criticism of Oratory» (1925) / Ed. by D. C. Bryant. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1958. P. 5–43.

УДК 81.33

А. С. Данилин, С. Е. Афанасьев, Д. А. Вишняков

Данилин А. С., кандидат военных наук, доцент,
доцент Военного учебного центра МГЛУ;
e-mail: danila-dan@yandex.ru

Афанасьев С. Е., кандидат военных наук, доцент,
доцент Военного учебного центра МГЛУ;
e-mail: afanasyevsergei@mail.ru

Вишняков Д. А., начальник цикла – старший преподаватель
Военного учебного центра МГЛУ; e-mail: krym68@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ОСОБЫХ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСПЕШНОГО ПЕРЕВОДА С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ведение допроса является одним из наиболее эффективных способов добычи информации для успешной подготовки войск и выбора наиболее подходящей тактики ведения боевых действий. Военный переводчик играет важную роль в этом сложном, многогранном процессе, обеспечивая корректную передачу информации и адекватную межязыковую коммуникацию. Требуемый для выполнения этой деятельности профессионализм переводчика должен обеспечиваться наличием и применением особых умений и навыков, а также учетом специфики и трудностей каждого отдельного случая.

Ключевые слова: перевод; язык; допрос; военнопленный; особенности; трудности; компетенции; разведка; требования; обеспечение; допрашиваемый.

A. S. Danilin, S. E. Afanas'ev, D. A. Vishnjakov

Danilin A. S., PhD (Military Science), Associate Professor,
Associate Professor at the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: danila-dan@yandex.ru

Afanas'ev S. E., PhD (Military Science), Associate Professor,
Associate Professor at the Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: afanasyevsergei@mail.ru

Vishnjakov D. A., Senior Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University; e-mail: krym68@yandex.ru

APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE AND SKILLS OF A MILITARY INTERPRETER TO ENSURE SUCCESSFUL TRANSLATION FROM A FOREIGN LANGUAGE INTO RUSSIAN

An interrogation is one of the most effective ways of obtaining information, which is necessary for successful training of troops and a proper choice of combat

tactics. A military interpreter plays an important role in this complex, multifaceted process, ensuring the correct release of information and satisfactory cross-language communication. The professionalism of a military interpreter required to carry out this activity must be ensured by availability and application of special skills, as well as by taking into account the specifics and difficulties of each particular case.

Key words: translation; language; interrogation; prisoner of war; features; difficulties; skills set; intelligence; requirements; support; interrogatee.

Введение

Допрос является комплексным, отличающимся особой психологической напряженностью и разнообразием приемов и методов процессом взаимодействия допрашиваемого и допрашивающего при помощи военного переводчика. Последний, в свою очередь, должен обладать профессионализмом и рядом компетенций, выполнять ряд требований, необходимых для успешного ведения коммуникации. В основе процесса допроса лежит знание психологических закономерностей при применении различных тактик допроса, оценка получаемой информации и анализ результатов с точки зрения психологии. Допрос в качестве своей основной задачи имеет получение объективной, имеющей особую значимость информации об обстановке, возможностях противника и других данных, имеющих ключевое значение для подготовки и успешного ведения боя.

Требования, предъявляемые к военному переводчику

Значимость роли военного переводчика в ходе получения ценных сведений о противнике при проведении допроса военнопленного подтверждается многочисленными примерами из истории военного дела.

Основанная на высоком уровне специальной подготовки, и полученных в ходе нее навыков и умений профессия военного переводчика отличается своим разнообразием. Переводчик в рамках своей деятельности имеет дело с различными видами и способами перевода. Он осуществляет как письменный, так и устный перевод, не исключая синхронный, двусторонний перевод и перевод-реферирование различной информации как в военно-политической, так и в военнотехнической сферах.

Соответственно, объём задач и требований, предъявляемых к военному переводчику, постоянно изменяется с течением времени. Однако

несмотря на то, что благодаря развитию технологий и модернизации способов и средств разведки войсковая разведка приобрела новые, неизвестные ранее или применявшиеся не так широко методы разведки (радиолокация, многообразные средства артиллерийской инструментальной разведки, аэрофотосъемка, радиоразведка, визуальное наблюдение с самолетов и др.), переводчик продолжает играть значимую роль в сложном, психологически напряженном процессе ведения допроса военнопленного, который требует специальных знаний и навыков.

Переводчик в ходе допроса обязан выполнять следующий ряд задач, требующих применения узкоспециальных умений:

- участвовать в допросе перебежчиков, военнопленных и других лиц, вызывающих подозрение, которые были задержаны в районе расположения или действий войск, а также участвовать в опросе местных жителей;
- вести протоколы допроса;
- обеспечивать перевод трофейных документов (сводок, инструкций, распоряжений, рабочих и отчетных карт, приказов и т. д.);
- выполнять отдельные задания по поручению начальника разведки.

Помимо исполнения своих прямых обязанностей, переводчик должен помогать начальнику разведки в сборе, получении и обработке разведывательных данных о противнике и в передаче сведений командирам подразделений [Сурин URL].

На военного переводчика во время войны всегда возлагалась большая моральная ответственность в связи с тем, что он всегда первым узнавал важные сведения о противнике. К его обязанностям в первую очередь относились: безупречное знание иностранного языка, терминологической системы, применяемой в этой сфере, организации армии противника, умение правильно составлять протоколы допросов военнопленных и вести документы. Как свидетельствуют примеры из истории, часто в порядке взаимозаменяемости на военного переводчика перекладывалась ответственность за выполнение разных обязанностей офицера штаба, которые вытекали из конкретной боевой обстановки.

Наиболее полно весь ряд требований, предъявляемых к военному переводчику, в современной переводоведческой литературе

описывается Л. Л. Нелюбиным в «Толковом переводческом словаре». В первую очередь ряд требований касается личности военного переводчика, который, в свою очередь, обязан обладать высоким уровнем морально-политической сознательности, беззаветной преданностью, бдительностью и непримиримостью к противнику и его идеологии, а также обязан иметь достаточную физическую и психологическую подготовку. Еще одним важным требованием, имеющим ключевое значение является владение военным переводчиком глубокими знаниями как родного, так и иностранных языков, в том числе и знаниями в области военной терминологии. Кроме того, переводчик обязан безусловно владеть навыками всех видов устного и письменного перевода для того, чтобы свободно «переключаться» с одного языка на другой.

Языковая компетенция

Вследствие того, что к качеству перевода в сфере военной деятельности предъявляются особо высокие требования, военный перевод выделяется в качестве отдельной области перевода. Предъявляемые к тексту перевода требования адекватности и эквивалентности должны выражаться путем полной и точной передачи содержания и отличительных черт оригинала переводимого текста, выражаемых посредством грамматических и лексических особенностей, а также стиля и структуры текста. Ввиду особой значимости военного перевода в проведении военных действий и принятии серьезных решений, точности перевода отводится особо важная роль. Имеющий в качестве ключевой функции коммуникативную военный перевод, как вид специального перевода, отличается особой плотностью информации.

Среди отличительных особенностей текстов, принадлежащих к военной тематике, можно выделить следующие: преобладание специальной военной лексики, насыщенность военной и научно-технической терминологией, определенное количество устойчивых выражений, характерных для военной сферы общения, а также определенный набор специальных сокращений, условных обозначений и кодовых наименований [Бектурдиева URL]. На уровне синтаксиса особенно примечательно использование эллиптических конструкций, клише, параллельных конструкций в форме инфинитивов и причастных оборотов, а также характерно отсутствие разнообразия в использовании

глагольных форм. Всё это обуславливается функциональной нагрузкой, свойственной данной сфере общения и характеризующейся точностью, сжатостью, ясностью и конкретностью изложения, благодаря чему формируется логическая и четкая последовательность изложения и облегчается восприятие передаваемой информации.

Военный перевод отражает свойства и черты различных подвидов перевода, относящихся к целому ряду сфер профессиональной коммуникации: научно-технической, научной, медицинской, публицистической, юридической, а также художественной.

Основным требованием, предъявляемым к военному переводчику, является безукоризненное владение разговорным и военным языком противника. Однако этого может быть недостаточно. Важной частью познаний военного переводчика является знание военной терминологии, принятых условных обозначений и сокращений. Очень часто буквальный перевод может привести к бессмыслице, так как военная терминология не соответствует разговорному языку.

Насыщенность специальной терминологией является одной из ключевых особенностей текстов военной тематики, так как военная и военно-техническая лексика несет наибольшую смысловую нагрузку. Адекватный перевод военных текстов в максимальной степени зависит от корректного перевода терминов. Военная терминология – это совокупность лексических средств, представляющих собой понятия военной науки. В ходе осуществления перевода передача понятий, выраженных терминами, представляет собой одну из наиболее серьезных проблем для военного переводчика. Ввиду существования разделения военного дела на определенные области, терминологию также можно разделить на военно-техническую, тактическую, военно-организационную, а также терминологию, характерную для разных видов и родов войск вооруженных сил.

Наиболее распространенными причинами несоответствий, возникающих при переводе иностранных текстов, в которых преобладает военная терминология, являются:

1. Отсутствие соответствий или неполное совпадение терминов (например, *Military Academy* – следует переводить как *военное училище*, а не *военная академия*).
2. Различная организационно-штатная структура и отличия в системе званий вооруженных сил разных стран (например,

в армии Великобритании *troop* обозначает *взвод*, в то время как в армии США – это *разведывательная рота*).

3. Невозможность соотнести понятие и реалию (например, **Army** обозначает *Сухопутные войска*, а не *армия*).
4. Большое количество сленговых выражений (например, *No joy – цель не обнаружена*, *May day – сигнал о помощи*, *My feet are dry – лечу над сушей*).
5. Насыщенность сокращениями и аббревиатурами, которые сложно расшифровать (например, *EAGLE – Elevation Angle Guidance Landing Equipment*).
6. Существенное отличие терминов, относящихся к разным периодам времени (например, термины, используемые в ходе Первой мировой войны, в значительной мере отличаются от используемых во Второй мировой войне).

Проиллюстрируем вышесказанное следующими примерами. С определенной трудностью переводчик может столкнуться, переводя термин *general staff*, так как дословный перевод в данном случае будет ошибкой, его следует переводить как *общий штаб* или *общая часть штаба*. То же самое касается термина *ammunition*, который обозначает *боеприпасы*, а не *амуниция*.

При переводе терминов следует также учитывать обстановку, контекст. Так, в пехоте термин *battalion* означает *батальон*, а в артиллерии *дивизион*.

Также может происходить изменение значение при использовании множественного числа: *defense* означает *оборона*, а *defences* – *оборонительные сооружения* [Лексико-грамматические особенности перевода военных текстов URL].

Даже при подготовке в мирное время военный переводчик, в совершенстве владеющий иностранным языком, должен постоянно обновлять свои знания существующих местных наречий (диалектов, военного жаргона), так как такие разновидности языка наиболее часто подвергаются изменениям с течением времени. В ходе ведения своей переводческой деятельности военный переводчик сталкивается с проблемой, связанной с переводом речи военнопленных, которые принадлежат к разным слоям населения, а также людей с разными культурными уровнями и представителями разных территориальных областей, не всегда разговаривающими на общепринятом языке.

Информационная компетентность

Еще одним, не менее важным, требованием для военного переводчика, помимо совершенного знания иностранного языка, является обладание широкими военными познаниями. Понимание и осознание воспроизводимой информации является ключевым моментом обеспечения двусторонней коммуникации при допросе.

Для осуществления адекватного перевода переводчику необходимо знать оперативно-тактическую обстановку и структуру армии противника, так как наиболее распространенными вопросами в ходе осуществления допроса являются: дислокация штабов, нумерация частей, их боевой состав, численность и вооружение войск; ближайшие намерения и задачи войск противника; характерные особенности тактики действий всех родов войск противника; местоположение и характер резервов и тыловых объектов; инженерные сооружения и поддерживающие огневые средства (танки, артиллерия, штурмовые орудия и др.); уровень подготовки к ведению химической войны данные о новом оружии; данные о том, как организована разведка и особенности тактики действий разведывательных подразделений противника [Сурин URL].

Например, переводчики, обладающие недостаточными знаниями организационно-штатной структуры сухопутных войск США, часто переводят термин *armored cavalry* дословно как *бронекавалерийский*, что является ошибкой, поскольку в соответствии со структурой СВ США, этот термин следует переводить как *разведывательный*.

Психологическая компетенция

Третьей составляющей профессионализма является владение навыками психолингвистики и знание «языка тела». Выбор линии поведения переводчика при выполнении обязанностей зависит от поведения ведущего допрос офицера-разведчика. Таким образом, особенности интонации, тон и речь переводчика должны полностью отражать поведение допрашивающего офицера. Безразличный или равнодушный тон военного переводчика может повлиять на результат допроса, так как такой выбор может снижать настойчивый или повелительный тон офицера. Неточное воспроизведение интонации офицера и слишком мягкий тон может негативным образом сказаться на эффективности

допроса, так как его цели не будут достигнуты в полном объеме. Также неверной тактикой является использование повелительного или резкого тона, если офицер-разведчик, проводящий допрос, считал необходимым вести его в спокойной и мягкой форме. Одними из важных качеств, которыми должен обладать переводчик, являются внимательность, наблюдательность, критическое мышление, умение анализировать и способность выделять главное. Кроме того, он также должен проявлять хладнокровие и спокойствие в процессе допроса и ни в коем случае не терять самообладание. Также ему необходимо принимать во внимание то, что характер его деятельности делает его разведчиком, отличающимся владением языком противника. Военный переводчик, не должен забывать, что военнопленный – это в первую очередь противник, который, находясь под давлением, может предоставлять заведомо ложную информацию и пытаться ввести офицера в заблуждения, таким образом, продолжая оказывать сопротивление даже в плену.

Особенности и трудности перевода

Следует отметить некоторые особенности, которые необходимо учитывать и возможные трудности, с которыми может столкнуться переводчик в ходе выполнения своей работы во время ведения допроса.

Перед началом допроса он должен сообщить пленному воинское звание допрашивающего, так как пленный обращается к допрашивающему по званию. Допрашивающий и переводчик обращаются к пленному по фамилии и лишь в исключительном случае – по воинскому званию. Формы вежливости (пожалуйста и т. п.) при обращении к пленному не используются, кроме тех случаев, когда этого требует особая методика допроса. Если допрашивающий или пленный говорят не от первого лица, перевод ответа трудностей не представляет, если же допрашивающий или пленный говорят от первого лица, то переводчик должен изменить предложение, используя при этом третье лицо. Например, допрашивающий говорит: *«Меня интересует расположение тб»*, переводчик должен перевести: *«Майора интересует расположение тб»*, пленный отвечает: *«Я видел, что тб располагался в лесу»*, переводчику следует перевести: *«Пленный видел, что тб располагался в лесу»*.

При переводе ответов пленного (перебежчика) целесообразно передавать их эмоциональную окраску описательно, например: «Пленный отвечает раздраженно, неуверенно, охотно, неохотно и т. д.».

Если пленный говорит слишком быстро или невнятно, переводчик может потребовать от него говорить медленнее или отчетливее.

Если переводчик предполагает, что ответ на вопрос будет для восприятия сложным, он может разбить его на части, а ответы суммировать и перевести их полностью.

В том случае, когда пленный использует термины, сокращения, значение которых переводчику неизвестно, он должен, прежде чем дать перевод, потребовать от пленного объяснить их значение. Для более точной передачи нумераций подразделений, частей, цифр, фамилий и географических названий переводчик вправе требовать военнопленного предоставить данные сведения в письменном виде или сказать по буквам. Если переводчик не уверен, что правильно понял и запомнил все, что было сказано пленным, он должен поставить пленному дополнительные, уточняющие, вопросы, которые, в свою очередь, должны быть корректными. Например, *«Повторите последнее предложение»* или *«Назовите еще раз населенный пункт»*.

При переводе высказываний пленного в ходе допроса военный переводчик должен быть уверен в том, что он правильно понял и запомнил сказанное пленным. Это связано с тем, что даже невольная неточность в переводе может стать дезинформацией. Кроме того, при неточном переводе сведений, уже известных допрашивающему, последний может заподозрить пленного в даче ложных показаний, что может значительно осложнить ход допроса. Можно сказать, что работа переводчика сопряжена с огромным риском, ведь одно неправильно понятое и переведенное слово может стоить очень серьезных последствий.

Заключение

Таким образом, вышеперечисленные знания и особенности, присущие военному переводчику и его деятельности, свидетельствуют о том, что работа переводчика является неотъемлемой частью допроса военнопленных, а также о том, что он обладает необходимыми навыками и способностями, приносящими пользу командованию.

Помощь переводчика, в совершенстве владеющего языком противника, обеспечивает офицера-разведчика точной, ценной информацией

быстро и в полном объёме. Кроме безупречного знания языка и речевых особенностей говорящего, осведомленность переводчика об организации войск противника; политическом, экономическом и географическом устройстве его страны; обладание широким кругозором и понимание задач своей части (соединения), позволяет решать широкий круг проблем в интересах командования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бектурдиева Ш.* Военная лексика и особенности перевода военных текстов. [Bekturdiyeva, Sh. *Voyennaya leksika i osobennosti perevoda voyennykh tekstov* (Military Vocabulary and Specific Features of Translation of Military Texts). (In Russ.)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-leksika-i-osobennosti-perevoda-voennyh-tekstov/viewer> (дата обращения: 20.03.2020).
- Лексико-грамматические особенности перевода военных текстов. [*Leksiko-grammaticheskiye osobennosti perevoda voyennykh tekstov* (Lexical and Grammatical Features of Translation of Military Texts). (In Russ.)]. URL: <https://cyberpedia.su/5x2e41.html> (дата обращения: 20.03.2020).
- Сурин С.* Допрос военнопленных // Библиотека Маркет Студия Восемь [Surin, S. *Dopros voyennoplennykh* (Interrogation of Prisoners of War). *Biblioteka Market Studiya Vosem'*. (In Russ.)]. URL: <https://www.market-studio.com/library-market-studio/history-lib-menu/711-dopros-voennoplennyh-metodicheskij-material46> (дата обращения: 20.03.2020).

УДК 811.113.6

А. М. Дементьева

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: aleksandra.dementieva@gmail.com

АЛАНДСКИЙ ДИАЛЕКТ И ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК МАТЕРИКОВОЙ ФИНЛЯНДИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В статье сопоставляются лексические особенности диалекта Аландских островов и шведского языка материковой Финляндии. При анализе происхождения и структуры лексем было выявлено, что большинство лексики – композиты, причем в шведском языке материковой Финляндии они имеют финское происхождение, а аландском диалекте они возникли самостоятельно. Анализ показывает, что лексическая система аландского диалекта отличается большей гомогенностью по сравнению со шведским материковой Финляндии.

Ключевые слова: аландский диалект; финляндский вариант шведского языка; финляндизм; заимствование; шведский язык.

A. M. Dementieva

PhD (Philology), Lecturer at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; e-mail: aleksandra.dementieva@gmail.com

THE ÅLAND DIALECT AND THE SWEDISH IN MAINLAND FINLAND: SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN THE LEXICAL SYSTEM

The article compares the lexical features of the dialect of the Åland Islands and the Swedish language of mainland Finland. During the analysis of the origin and structure of ålandisms and finlandisms, the following similarities were revealed: most of the words are composites, and in the Swedish language of mainland Finland they are borrowed usually from Finnish. As the result shows, the lexical system of the Åland dialect is more homogeneous than the Swedish language of mainland Finland.

Key words: the dialect of the Åland Islands; Fenno-Swedish; finlandism; loan word; Swedish.

Введение

Аландские острова являются архипелагом, расположенным в Ботническом заливе между Финляндией и Швецией. Архипелаг относится к территории Финляндии.

На Аландских островах проживают свыше 28 тыс. жителей. Основным языком общения для них – шведский, который является родным для 86% жителей. На финском языке, как на родном, говорит чуть менее пяти процентов местного населения.

До начала XIX в. Аландские острова принадлежали Швеции, однако после поражения в Русско-шведской войне в 1809 г. архипелаг вместе с территорией Финляндии отошел к Российской империи, а в 1917 г., несмотря на территориальные претензии Швеции, Аландские острова остались в составе Финляндии и получили статус автономии с единственным официальным языком – шведским.

Шведский язык на Аландах и вообще в Финляндии имеет ряд отличий от стандартного шведского на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, которые принято называть финляндизмами. Кроме того, внутри финляндского варианта шведского языка есть региональные различия. Несмотря на это, финляндский вариант шведского языка и шведский язык Швеции считаются единым языком.

Социолингвистическая ситуация на Аландских островах обладает определенной спецификой. Она заключается, например, в том, что в материковой Финляндии шведский является родным для пяти процентов населения, однако на Аландах на нем говорит большинство. Кроме того, на Аландских островах финно-угорское население никогда не преобладало над германским; жители архипелага поддерживали тесные связи в первую очередь со странами Скандинавии. Поэтому финский язык никогда не оказывал существенного воздействия на аландский диалект.

Важно также и то, что шведский язык на Аландах, согласно местному законодательству, сохраняет свои права как единственный официальный язык. В дополнение к этому изучение финского не является обязательным для аландских школьников – в отличие от других регионов Финляндии. Всё это формирует языковую идентичность жителей Аландов. Так, по результатам исследований, для молодежи архипелага важнейшей частью идентичности являются именно аландские корни. Они считают себя в первую очередь жителями Аландов, хотя некоторые также называют себя финнами. При этом часть опрошенных негативно относится к Финляндии и финнам. Тем не менее, шведами жители Аландов себя не считают [Ljunggren 2008; Koivu 2014].

В свою очередь, шведский язык на территории материковой Финляндии является языком меньшинства. На нем говорит около 5%

населения, в то время как количество людей, родным для которых является финский, составляет, по данным Статистического центра Финляндии, 87% [Tilastokeskus URL]. Финляндские шведы проживают компактно на юге и юго-западе Финляндии вдоль побережья Балтийского моря в исторических областях Нюланде, Остроботнии и Исконной Финляндии. Большинство из них являются билингвами и ежедневно используют финский язык в различных ситуациях, будучи постоянно окруженными носителями финского языка.

Даже небольшой обзор, представленный выше, показывает, что социолингвистические ситуации на Аландских островах и материковой Финляндии различаются. Как уже было сказано выше, финский язык оказывает меньшее влияние на аландский диалект в сравнении со шведским материковой Финляндии, носители которого издавна постоянно контактируют с финнами. Вместе с тем как аландский диалект, так и вариант материковой Финляндии объединяет определенная дистанцированность от шведского языка, на котором говорят в Швеции. В связи с этим интересно сопоставить лексические особенности аландского диалекта и шведского материковой Финляндии, выявив сходство и различия структуры и происхождения лексических единиц.

Анализ материала

Для настоящего сопоставления был проведен структурно-семантический, этимологический и количественный анализ лексических финляндизмов, характерных для шведского языка материковой Финляндии. Анализ финляндизмов проводился на основе словаря *Finlandssvensk ordbok* [af Hällström-Reijonen, Reuter 2010] и подробно отражен в диссертационном исследовании автора статьи [Дементьева 2018]. Словарь носит нормативный характер и предназначен для использования в первую очередь финляндскими шведами. В него включены наиболее распространенные и употребительные в современном финляндском варианте шведского языка финляндизмы с различными рекомендациями по использованию. Поэтому в словаре не рассматривается явно выраженная диалектная и региональная лексика.

В свою очередь, структурно-семантический и этимологический анализ лексики аландского диалекта базируется на единственном словаре аландизмов *Lilla åländska ordbok* («Маленький аландский

словарь»), который был издан лингвистом Ральфом Свенбладом в 2013 г. [Svenblad 2013]. Преимущество этого словаря заключается в том, что он составлен на актуальном языковом материале, таком как художественная литература, аландская пресса и тексты из блогов; для многих лексем даются примеры их употребления в реальном языковом узусе.

Лексика для представленного в статье анализа была отобрана методом сплошной выборки, исключая фразеологические единицы, а также разные варианты написания и произношения одних и тех же лексем. Количество лексем из словаря финляндизмов составило 1550 единиц, в то время как материал для анализа из «Маленького аландского словаря» составил 470 слов.

Далее представлены группы лексики, присутствующие в обоих вариантах, и рассмотрены их сходства и различия. Лексические особенности рассматриваемых языковых вариантов не исчерпываются, однако, предлагаемыми ниже группами. Следует также учитывать, что представленный в статье анализ производился на основе двух словарей, что увеличивает субъективный фактор в подборе материала, однако, как видится автору статьи, общие тенденции развития лексического состава аландского диалекта и шведского языка материковой Финляндии можно успешно выделить и на этом материале.

1. Самостоятельно возникшая лексика

Как в шведском языке материковой Финляндии, так и в аландском диалекте существует значительное количество лексем, сформировавшихся самостоятельно в силу естественного развития языка. По полученным данным, в шведском языке материковой Финляндии эти лексемы являются второй по величине группой и составляют 18,4%. В аландском диалекте они составляют первую по величине группу – целых 67%.

Несмотря на различие в процентном соотношении, эти две группы имеют много структурных сходств. Во-первых, большинство лексики в этих группах – существительные, образованные с помощью основоположения, самого продуктивного словообразовательного способа в шведском языке, например: аланд. *stadsfrasse* «городской житель» от *stad* «город» + *frasse* диал. «кот»; финл. шв. *kostymrock* «пиджак» от *kostym* «костюм» + *rock* «пальто».

Во-вторых, многие из этих лексем образованы путем контаминации слов стандартного шведского языка: аланд. *storfinger* «средний

палец» – станд. шв. *långfinger*; финл. шв. *slagsbult* «драчун» – станд. шв. *slagskämpe* (от *slag* «удар» + *bult* «болт» / *kämpe* «боец»).

Отметим, что семантически эти существительные также сходны. Большинство лексики – это характеристики человека, наименования бытовых предметов и окружающей природы.

Прилагательные рассматриваемого типа также имеют больше сходств, нежели различий. Почти все аландские и финляндские прилагательные образованы с помощью шведского аффиктивного суффикса *-ig*: аланд. *bändig* «непокорный; надутый; сложный»; финл. шв. *pjasig* «глуповатый, боязливый». Семантически прилагательные также сходны, обозначая, в основном, отрицательные качества людей и негативные характеристики чего-либо.

Среди глаголов, относящиеся к данному типу лексики, также наблюдается много сходств. Например, как в аландском диалекте, так и в шведском языке материковой Финляндии есть много ономатопоэтических глаголов: аланд. *dröna* «глухо мычать», финл. шв. *brassa* «шуметь». Также можно обнаружить множество глаголов, не имеющих собственно звукоизобразительного значения, однако передающих с помощью звуковой оболочки негативную семантику: аланд. *slanka* «слоняться без дела», *gruva sig* «ныть», *florra* «болтать; чавкать, пожирать»; финл. шв. *sotta* «перемазать», *spuggla* «мутить, тошнить». Вообще лексика с отрицательной семантикой явно превалирует над положительной в обоих рассматриваемых вариантах.

Говоря о различиях, следует отметить большее количество композитов в аландском варианте, образованных от диалектной лексики, таких как *röjtak* «тростниковая крыша» от диал. *röj* «тростник» или *päronland* «картофельное поле» от диал. *päron* «картофель» (в стандартном шведском языке *päron* означает «груша»). В материале общефинляндского варианта такой лексики практически не наблюдается, что неудивительно – авторы словаря, послужившего источником общефинляндской лексики, стремились собрать в своем издании только такие слова, которые употребляются по всей стране.

2. Фенницизмы

Фенницизмы – это слова, возникшие в шведском языке Финляндии под влиянием финского языка (шв. *fennicism*). В шведском языке материковой Финляндии такая лексика составляет, по полученным

данным, самую большую группу – 66 % от всех типов финляндизмов. В то же время в аландском диалекте такие слова составляют лишь 10,5 %. Так отражается в языке меньшее количество контактов местного населения с финнами. Практически все фенницизмы, обнаруженные в аландском диалекте, есть и в шведском языке материковой Финляндии.

В шведском языке материковой Финляндии можно выделить, по меньшей мере, семь типов фенницизмов – в частности, два вида кальек, прямые и гибридные заимствования, семантические фенницизмы. Те же типы фенницизмов можно обнаружить в аландском диалекте, однако они представлены в значительно меньшем объёме.

Кальками являются такие слова, как аланд. и финл. шв. *andels-handel* «потребительский кооператив» (*andel* «доля» + *handel* «магазин») – слово является калькой финского композита *osuuskauppa* (*osuus* «доля» + *kauppa* «магазин»). В шведском языке материковой Финляндии кальки составляют самую большую группу среди фенницизмов – почти 59 %, или 578 слов, по нашим данным, что неудивительно, если учитывать высокую продуктивность словосложения в шведском и финском языке. Напротив, в аландском диалекте их всего около 20 единиц, то есть значительно меньше как в количественном, так и в процентном отношении.

К рассматриваемому типу примыкают также полукальки, или гибридные заимствования, например, аланд. и финл. шв. *talkaarbe-te* «субботник» или *pickoliten* «крохотный», где первые компоненты слов – *talka* «субботник» и *picko* «маленький» – являются прямыми заимствованиями из финского (фин. *talkoot*, *pikku*), а вторые компоненты – это шведские лексемы (*arbete* «работа», *liten* «маленький»).

В аландском диалекте имеется также несколько прямых заимствований – например, аланд. и финл. шв. *haska* «потратить попусту», *palva* «коптить (часто в сауне)» – от финских *haaskata* и *palvata* соответственно.

В аландском диалекте и шведском языке материковой Финляндии существует также несколько устаревших в стандартном шведском слов, которые сохранились благодаря тому, что были заимствованы в финский язык. Это такие слова, как, например, *byka* «стирать» – в финском языке этот глагол был заимствован в форме *pyykätä*. В стандартном шведском языке этот глагол устарел еще в начале

XX в. [Svenska Akademiens ordbok URL]. Количество подобной лексики, однако, незначительно и не может рассматриваться как одна из основных особенностей шведского языка в Финляндии.

3. Семантические аландизмы / финляндизмы

Под семантическими аландизмами, или финляндизмами, подразумевается такая лексика, которая существует также в стандартном шведском языке, однако употребляется в нем в другом значении. По сравнению с фенницизмами и финляндизмами такой лексики меньше – 31 единица в аландском диалекте, или 6,6 % от всей рассматриваемой аландской лексики и 248 единиц (16,2 %) в шведском языке материковой Финляндии.

Характерными примерами данного типа в аландском диалекте могут послужить такие слова, как *bro*, которое в стандартном шведском языке означает «мост», а в аландском диалекте – «лодочный причал, мостки», *sträcka* – в стандартном шведском «вытягивать, протянуть» и в аландском «бежать», а также *stake* – в стандартном шведском «кол, шест» и в аландском «мощный стебель; картофельная ботва».

Случаи подобной семантической деривации сравнительно нередки в шведском языке материковой Финляндии – примерами подобного рода является существительное *stegring*, означающее в стандартном шведском «повышение» и «небольшой жар» в шведском языке материковой Финляндии.

Интересен случай слова *knagg(e)*, две разные семы в значении которого послужили основой для развития новых значений у этого слова в финляндском шведском. В стандартном шведском языке слово обозначает *сучок* или *ветку* [Svenska Akademiens ordlista URL]. В шведском языке материковой Финляндии оно получило значение «вешалка для одежды» (имеется также композит *klädknagg* с тем же значением), а в аландском диалекте оно означает «рукоятка косы».

4. Архаизмы

Вопреки бытующему мнению об архаичности финляндского варианта шведского языка, в шведском языке Финляндии существует не так уж много устаревшей лексики. На это указывают, в частности, полученные количественные данные: в шведском языке материковой части Финляндии архаизмы и историзмы составляют около 5 %,

а в аландском диалекте – около 2 %. Примерами аландских архаизмов являются *skrävla* «лапа тюленя», *slög* «ловкий», *gensare* «свитер» – вся эта лексика устарела в стандартном шведском языке уже к началу XX в. или раньше [Svenska Akademiens ordbok URL]. В свою очередь, в шведском языке материковой Финляндии можно наблюдать такие давно устаревшие в стандартном шведском слова, как *marra* «жаловаться; скрипеть», *kännspak* «типичный, легко узнаваемый».

5. Общешведские диалектизмы

В материале обоих исследуемых вариантов была обнаружена лексика, которая имеется также в диалектах Швеции. В материале словаря шведского языка материковой Финляндии таких слов немного – всего около 2,5 %. Однако можно сделать вывод, что они прочно укоренились в шведском языке Финляндии, поскольку включены в словарь, целью которого было описание лексики, употребляемой в стране повсеместно.

В свою очередь, в аландском диалекте общешведские диалектизмы составляют по меньшей мере 9 %, что лишний раз показывает более тесную связь аландского диалекта со шведским языком Швеции.

Как финляндские, так и аландские слова, относящиеся к рассматриваемому типу, представляют собой типичную диалектную лексику, описывающую явления природы и традиционной сельской жизни. Это такие слова, как *alla* – «морянка», *far* – «фарватер», *träsk* – «озеро» – эти слова используются как в регионах Швеции, так и в материковой Финляндии и на Аландах [Svenska Akademiens ordbok URL]. Более специфической лексикой являются, например, аландские *skräddor* «мусор», *läa* «место с подветренной стороны», *sjökaly* «ушастая медуза», *lika* «нравиться». Они не встречаются в исследуемом материале шведского языка материковой Финляндии, однако есть в различных диалектах Швеции [Svenska Akademiens ordbok URL; Svenska Akademiens ordlista URL].

Заключение

Лексическая система аландского диалекта отличается значительно большей гомогенностью по сравнению со шведским языком материковой Финляндии. На это указывает высокий процент самостоятельно

образованной лексики, малое число фенницизмов и заимствований из других языков. Вместе с тем диалект нельзя назвать архаичным, так как количество слов, устаревших в стандартном шведском языке, в нем незначительно.

Кроме того, аландский диалект, носители которого находятся на периферии шведского языкового сообщества Финляндии, можно считать своеобразным индикатором того, во-первых, какие лексемы финляндского варианта шведского языка являются наиболее употребительными и характерными, а во-вторых – какие структурные типы лексики свойственны, в целом, шведскому языку в Финляндии. Как видно, наиболее типичным финляндизмом является существительное, композит, обозначающее либо человека (при этом, скорее всего, это пейоративное обозначение), либо бытовой предмет. Оно может быть как калькой финского сложного слова, так и образованным самостоятельно – как показывает анализ материала, эти группы практически в равной степени продуктивны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дементьева А. М.* Лексические особенности шведского языка в Финляндии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. [Demytyeva, A. M. (2018). *Leksicheskie osobennosti shvedskogo yazika v Finlandii*: abstract of PhD in Philology Moscow. (In Russ.)].
- af Hällström-Reijonen Ch., Reuter M.* Finlandssvensk ordbok. Helsingfors: Schildts förlags Ab, 2010.
- Koivu J.* Svensk är jag inte, finska kan jag inte tala – så låt mig vara ålänning. En enkätstudie om åländska ungdomars identitet. Jyväskylä: Jyväskylä universitet, 2014.
- Ljunggren B.* Åland som språksamhälle. Språk och språkliga attityder på Åland ur ett ungdomsperspektiv. Stockholm : Stockholms universitet, 2008.
- Svenblad R.* Lilla åländska ordbok. Lettland : InPrint, 2013.
- Svenska Akademiens ordbok. URL: www.svenska.se (дата обращения: 06.05.2020).
- Svenska Akademiens ordlista. URL: <http://www.svenska.se> (дата обращения: 01.05.2020).
- Tilastokeskus. URL: <http://www.tilastokeskus.fi/> (дата обращения: 10.05.2020).

УДК 81-22

М. В. Матакова

соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: matakova@un.org

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ООН

Статья посвящена исследованию корпуса материалов устной формальной речи в Организации Объединенных Наций, служащей способом реализации коммуникации между взаимодействующими лицами на основе согласованных ритуалов общения. Цель исследования – выявить, систематизировать, описать в тематическом, композиционном, стилистическом аспектах жанры, с которыми сталкивается устный переводчик ООН. В рамках данной работы описано шесть из десяти жанров, их композиция, прагмалингвистические особенности, ситуативный контекст использования. Выявлены особенности синхронного перевода публичной речи в ООН, возникающие при работе с каждым из жанров.

Ключевые слова: дипломатический и институциональный дискурс; жанр; устный текст; понятийный аппарат ООН; устный перевод на языки международных организаций; регистр; стилистика русского языка.

M.V. Matakova

External PhD student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University; e-mail: matakova@un.org

GENRES OF PUBLIC SPEECH AT UNITED NATIONS

The article is devoted to a study of examples of oral formal speech at the UN which is used to support communication between various actors following agreed patterns of communication. The purpose of this study is to identify, organize, describe in the thematic, compositional, stylistic aspects genres that an interpreter is faced with at the UN. The article identifies 6 out of 10 genres and describes their composition, pragmalinguistic features as well as a context of their use. Finally, we discuss challenges posed by various rhetorical genres to simultaneous interpreters at the United Nations.

Key words: diplomatic and institutional discourse; genre; public speaking; conceptual and terminological system of the UN; interpretation at international organisations; formal register; stylistics of the Russian language.

Введение

Организация Объединенных Наций была учреждена в 1945 году и призвана быть «центром для согласования действий наций» [Устав ООН 1945] в достижении целей поддержания международного мира

и безопасности, развития дружественных отношений между государствами и осуществления международного сотрудничества. Работа ООН сосредоточена на трех основных направлениях деятельности: мир и безопасность, права человека и развитие. Устав ООН четко прописывает распределение ролей в выполнении целей, поставленных перед Организацией. Члены Организации Объединенных Наций прибегают к ООН для разрешения международных споров, не подвергая «угрозе международный мир и безопасность и справедливость» [там же].

Для реализации коммуникации между взаимодействующими лицами используются согласованные ритуалы общения, проявляющиеся в институциональной публичной речи и речевом этикете. В выступлениях, звучащих в разных органах ООН, реализуются разные коммуникативные цели, среди них информирование, убеждение, возражение и формирование общественного мнения. Публичные выступления представителей государств-членов имеют состязательный характер. Возможность слушать выступления и речи в устном переводе на шести официальных языках позволяет народам всех стран следить за работой самой организации и представителей своих стран. Службы устного перевода расположены в Нью-Йорке, Женеве, Вене, Найроби. В 2018 г. только в Центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке состоялось около 2600 заседаний с переводом на официальные языки.

Вместе с тем ограниченная доступность для широкого научного исследования полного корпуса материалов ООН, особенно устной формальной речи, делает малоизученным такой важный аспект, как функционирование официальных языков в условиях постоянного и очень плотного языкового контакта. До сих пор не описан потенциал русского языка в качестве переводящего (некоторые шаги в этом направлении сделаны [Евтушенко 2019]), его возможности в зависимости от ситуации, в которой осуществляется перевод (опубликованы лишь некоторые исследования риторических приемов в текстах ООН [Брайнина 2017]), а также от жанра, задающего рамки для переводчика. Не проанализирована даже система жанров, сложившихся в ООН. Эту лакуну призвана заполнить наша статья.

Цель данного исследования – выявить, систематизировать, описать в тематическом, композиционном, стилистическом аспектах жанры, с которыми сталкивается устный переводчик ООН. Это позволит в дальнейшем выработать рекомендации относительно языковых

приемов и способов преодоления переводческих трудностей при работе с тем или иным жанром.

Жанровая система устной речи в ООН

В соответствии с коммуникативно-прагматическими ситуациями формального общения устную речь, которая попадает в сферу деятельности устных переводчиков, можно разделить на устную публичную и устную внутриорганизационную. Первый тип представлен на открытых заседаниях, адресаты которых – присутствующие в зале дипломаты, эксперты и широкая общественность, имеющая доступ к происходящему через интернет-вещание заседаний ООН. Аудитория таких выступлений очень высока, особенно в случае с Советом Безопасности (далее – СБ). На таких заседаниях обсуждаются вопросы, представляющие животрепещущий интерес для государств-членов и волнующие международное общественное мнение. Ко второму типу – устной внутриорганизационной, или аппаратной, речи – можно причислить открытые и закрытые заседания комитетов, контролирующих внутренний механизм функционирования организации; рабочих групп, на которых обсуждаются и вырабатываются итоговые документы (процесс редакции).

В соответствии с ролевым распределением Устава ООН все публичные выступления представителей государств-членов имеют состязательный характер. Представители Секретариата выступают с фактологическими, эмоционально-нейтральными докладами и репликами. Институт Генерального секретаря (далее – ГС) подразумевает возможность совместить в своей публичной речи изложение фактов с приемами эмоционального воздействия.

Общая система жанров такова:

1. Доклад Генерального секретаря о работе организации.
2. Доклад представителей ГС.
3. Формальная устная речь как средство реализации регламента (Правил процедуры) Организации.
4. Выступления делегаций Государств-членов.
 - 4.1. Полное выступление с изложением позиции.
 - 4.2. Выступление «с места» (более короткое) – комментарий, вопрос, право на ответ, поручение, просьба.
5. Интерактивные дискуссии экспертов.

6. Выступления технического характера.
7. Выступления внешних лиц, незнакомых с форматом выступлений в ООН.
8. Редакция документов.
9. Пресс-конференции и двусторонние встречи.
10. Декламация стихов.

Каждый из данных жанров характеризуется использованием разнообразных средств и способов языкового выражения, придающих экспрессивность высказываниям, риторических и полемических приемов. Средства общения, используемые участниками заседаний, стандартизированы посредством Правил процедуры ГА [Правила процедуры ГА 2008] и речевого этикета. К сожалению, ограниченный формат статьи не позволяет нам охарактеризовать все десять жанров, поэтому мы остановимся на шести из них, позволяющих продемонстрировать разнообразие языковых средств, с которыми приходится сталкиваться переводчику ООН, оставшимся четырем жанрам будет посвящена другая статья.

Доклад ГС о работе Организации

Каждый год к началу новой сессии Генеральной Ассамблеи (далее – ГА), в третий вторник сентября, ГС готовит доклад о работе Организации. Традиционно он выходит под шифром А/XX/1 (XX – номер сессии). ГС открывает ежегодные Общие прения программным выступлением на основе доклада о работе Организации. В этой речи ГС обращается от имени всей Организации и использует местоимение *мы*, делится своим мнением на острые проблемы человечества, подводит итоги сделанного и высказывает пожелания на будущее. Местоимение *мы* дает ассоциацию с первыми словами Устава ООН – *мы народы*. В речи звучит много емких утвердительных предложений (*Люди ощущают беспокойство и неуверенность* [Обращение ГС к ГА 2018, с.1]). Для выразительности приводятся противопоставления (*Мир стал более единым, и вместе с тем общества становятся более разобщенными* [там же, с. 2]), лозунги (*Каждый руководитель обязан заботиться о благополучии своего народа* [там же, с. 3]), приводятся цитаты из Устава ООН (*мы народы* [там же, с. 3]). Часто используется прием апелляции к авторитету, приводятся цитаты из выступлений предшественников на этом посту (*Как в свое время напоминал нам*

наш покойный Генеральный секретарь Кофи Аннан, «нас связывает общая судьба» [там же, с. 12]) и других выдающихся личностей. В таком выступлении много высказываний с интенцией побуждения (*Мы должны гарантировать осуществление Парижского соглашения* [там же, с. 6]). Тексту свойственна повышенная информационная насыщенность. Отсутствие вводных фраз и малосодержательных риторических переходов делают стиль похожим на телеграфный и требуют максимально полной и точной передачи на переводящем языке.

Доклад представителей ГС

Информационный доклад можно назвать одним из важных и ёмких жанров устных текстов в ООН. Выступающими могут быть специальные представители ГС, специальные докладчики или представители Секретариата. В отличие от некоторых других жанров, устные доклады обычно имеют развернутую письменную основу. Доклад построен по четкому плану, содержит, в основном, предметно-логическую информацию и в большинстве случаев эмоционально нейтрален. Пример одной из нейтральных по окраске формулировок: *The network represents the visible manifestation of our collective commitment* [Выступление СП ГС ... Арбур 2018]. В докладе часто встречаются прецизионная лексика, статистика и цитаты из резолюций, уточняющие мандат.

После полного перечисления в обращении групп присутствующих (*Уважаемые сопредседатели, Уважаемый Генеральный секретарь*), оратор благодарит председателя за приглашение выступить с сообщением. Текст устного выступления строится по темам или хронологически с учетом отрезка времени, за который предоставляется данный отчет о работе. В конце звучат выводы. Конец любого выступления – благодарность за внимание.

Формальная устная речь как средство реализации регламента (Правил процедуры) Организации

Строго стандартизированная речь звучит при выполнении коммуникативных задач организационного порядка. Среди них: открытие заседания, приглашение соблюсти минуту молчания, посвященную молитве или размышлению, предоставление слова, проведение голосования, выборов и пр.

Для каждого заседания Секретариат ООН готовит документ с формулировками процедуры проведения заседания (переводчики называют его «сценарий» или «слова председателя»). Основная особенность процедурных текстов – четкая структура, использование профессиональной лексики, реализующей специальный понятийный аппарат, на основе которого распределяются роли участников взаимодействия, и клише для реализации речевого этикета. Например,

СБ приступает к рассмотрению пункта повестки дня. В соответствии со сложившейся практикой я предлагаю, с согласия Совета, пригласить указанного представителя принять участие в обсуждении без права голоса... Поскольку возражений нет, решение принимается.

Лингвистические службы бережно хранят терминологические эквиваленты, входящие в речевой этикет организации. С одной стороны, профессиональный понятийный аппарат помогает описать работу органов и процессов, не имеющих прецедента во внутригосударственной сфере использования языка. С другой – сам объём и характер тем, обсуждаемых в учреждениях ООН, требует использования понятий, порой не имеющих общепринятых эквивалентов в русском языке, например в рамках палестино-израильского конфликта часто прибегают к понятию *двугосударственного урегулирования*. Это заимствование из профессиональной лексики МИД РФ стало результатом кальки с английского языка *two-state solution* с целью сокращения выражения *на основе двух государств*. Такие словообразовательные окказионализмы часто встречаются в устной и письменной речи в ООН.

В Правилах процедуры Генеральной Ассамблеи прописан этикет ведения работы в рамках ООН. Делегаты имеют право выступить по порядку ведения заседания вне очереди, в том случае если считают, что председатель или коллеги нарушили правила процедуры. В таком же порядке могут прозвучать предложения о перерыве в работе или о закрытии заседания. Секретарь совещания часто помогает председателю вести работу и вносит необходимые объяснения, уточнения или справки по тому или иному вопросу. Например, справка о финансовых последствиях принятия резолюции. Председатель может предоставить делегации право на ответ, если посчитает, что «речь, произнесенная после прекращения записи ораторов, дает для этого основания» [Правила процедуры ГА 2008, с. 21].

Интерактивные дискуссии экспертов

Под эгидой ЭКОСОС каждый год проходит много разных мероприятий. Многие заседания проходят в формате интерактивной дискуссии, подразумевающей беседу нескольких участников на заданную тему. В таком формате перед переводчиком встает задача успеть передать живую беседу и расчленив выступления разных лиц для лучшего понимания слушателями. Это часто достигается за счет условного представления, т. е. предварения слов оратора его фамилией или названием его роли (*Г-н Смит, ведущий*). Делегаты часто выступают в полусвободном порядке, особенно отвечая на вопросы, дают спонтанные ответы на вопросы и порой перебивают друг друга.

На роль ведущего в таких беседах часто приглашают телеведущих с их особым динамичным стилем подачи и красочной речью. Следует отметить представление участников дискуссии с приведением краткой биографии и послужного списка гостей. Такие фрагменты насыщены названиями учебных заведений, рангами и званиями экспертов, их должностями в прошлом и настоящем. Аналогичные биографические справки встречаются и во время юбилейных и памятных мероприятий. Часто встречаются глубоко эмоциональные выступления ораторов – очевидцев зверств, убийств и пострадавших лиц. Их выступления настолько ярки, что требуют особого хладнокровия и профессионализма, чтобы не дать полную волю эмоциям.

Выступления внешних лиц, не знакомых с форматом публичной речи в ООН

В Организации проходит много мероприятий с участием лиц, далеких от ООН. Их выступления отличаются более низким регистром, живой и яркой речью. Такие ораторы часто используют примеры из жизни, рассказывают истории. В качестве примера можно привести Молодежный форум ЭКОСОС. Выступления представителей молодежи отличаются быстрой речью, динамизмом в развертывании цели высказывания и богатой лексикой. В рамках ЭКОСОС работает и Форум по делам коренных народов. На его заседаниях выступают представители малых народов и этнических групп. В ходе заседаний часто демонстрируются обычаи народов и приводятся примеры устного народного творчества.

В рамках работы Комитета по специальным политическим вопросам и вопросам деколонизации выступают представители неправительственных организаций и петиционеры. Таким ораторам часто выделяется меньше одной минуты, потому скорость их речи очень высока. К этому можно добавить чрезвычайную насыщенность выступлений местными реалиями.

В ООН отмечаются десятки международных дней, палитра их тем почти не ограничена и требует от переводчика хорошей подготовки к заседанию, так как часто такие темы редко обсуждаются на привычных мероприятиях в ООН. Примером может служить Международный день туалета, Всемирный день зернобобовых и т. п.

Редакция документов

К отдельному жанру можно отнести перевод процесса редактирования текста, который выведен на экран в зале. Именно так дорабатываются доклады о деятельности некоторых комиссий и комитетов, а также готовятся итоговые документы. Основная проблема заключается в том, чтобы передать в переводе все аспекты (грамматические, лексические, синтаксические, стилистические) предлагаемых вариантов редакции, например:

Г-н Председатель, мы хотели бы затронуть сугубо редакционный момент. Сейчас тут сказано: «No sufficient support» – «не получило достаточной поддержки», лучше было бы сказать по-английски «получило недостаточную поддержку» [Транскрипт ... ЮНСИТРАЛ 2019].

В том случае, если не все переводы доклада на официальные языки готовы к последнему заседанию, на котором должен быть принят доклад, председатель может попросить Секретаря зачитать его с тем, чтобы делегаты слышали устный перевод на официальные языки. В таком случае переводчик обычно располагает документом на английском языке и переводит этот письменный по характеру текст на слух с опорой на письменный текст:

Было высказано мнение о том, что, тем не менее, текст о несостоятельности микро- и малых предприятий должников должен рассмотреть вопрос о предпосылках, которые можно опровергнуть при исключении определенных активов из имущественной массы в деле о несостоятельности (точка) [там же].

2. Особенности перевода

В дипломатическом дискурсе в ООН находит отражение не только языковой, но и культурно-исторический, интеллектуальный, идеологический, социальный и другие виды опыта носителей языка. Следует отметить, что виды трудностей, приводимые ниже, никогда не встречаются по отдельности, а сочетаются и взаимодействуют.

В программных выступлениях делегаций часто встречается прецизионная лексика (статистика, названия стран, городов, административно-территориальных единиц, видов оружия, наименования этнических групп и т. д.); тропы, такие как метафора (*I am not married to this language, распускающий щупальца спрут*), метонимия (*Мы обменяли пули на избирательные бюллетени*), гипербола (*Тысячи наших матерей ослепли, проливая слезы*) и др. Если делегату покажется удачным образ, использованный коллегой, он может использовать его повторно («подхват реплики»). Образ может быть выражен идиоматическим выражением или фразеологизмом (*To kill two birds with one stone* в переводе на русский превращается в *убить двух зайцев* или *одновременно выполнить два дела*). Кроме того, в публичный английский язык глубоко вошли идиоматические выражения из области спорта (*This makes Namibia an economic frontrunner in Africa* [Выступление ГС 2014]).

Наиболее распространенными прецедентными текстами, использующимися в стенах ООН, можно назвать доклады ГС, резолюции СБ, Библию (*Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром. Псалтырь 29:11* [Выступление Посла Израиля в СБ 2015]), Коран (*Мы уверовали в Аллаха и в ниспосланное нам, в ниспосланное Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и коленам и в дарованное Мусе, Исе и пророкам от их Господа. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся. Сура 3:84* [Выступление короля Иордании 2016]), Талмуд (*Тот, кто спасет одного человека, спасет весь мир. Вавилонский Талмуд. Мишна. Санхедрин 37a* [Выступление посла Р. Просора 2014]) и пр. Встречаются цитаты из поэтических произведений (*We, as our poet Mahmoud Darwish said: "are infected with an incurable disease, that is hope, and we love life if we are given the chance for it"* [Выступление Махмуда Аббаса 2014]) и ссылки на общеполитические книги (*When I was a relatively young*

man, I was deeply influenced by two books. One of them was “The End of History” by Francis Fukuyama and the second one, “The Clash Civilizations” by Samuel Huntington [Выступление Милоша Земана 2017].

Иногда председатель закрывает официальное заседание и приглашает делегатов продолжить работу в формате консультаций. В таком случае делегаты, переключаясь в закрытый режим, часто переходят к более разговорному типу общения, называя друг друга по имени. Сравните: *Наша делегация поддерживает позицию Вашей страны и Я согласен с Феликсом.*

Все чаще к работе в центральных учреждениях подключаются коллеги из разных уголков планеты посредством виртуальной конференцсвязи. Такие выступления могут представлять собой как монологическое выступление, так и участие в живой дискуссии. Плохое качество звука значительно осложняет работу переводчиков, а иногда делает ее совершенно невозможной.

За исключением закрытых консультаций Совета Безопасности, Консультативного комитета по административным и бюджетным вопросам и некоторых других органов все заседания транслируются в прямом эфире и доступны в записи. От синхронных переводчиков ООН требуется тщательная работа над чистотой русского языка и формой подачи материала.

Заключение

Мы описали систему жанров текстов, которые переводятся синхронно и продемонстрировали их языковое разнообразие. Представленная категоризация стала результатом сопоставления значительного объема переведенного материала и выявления схожих контекстуальных, композиционных и риторических особенностей. Знание принципов построения жанров и их языковых черт помогает переводчику правильно ориентироваться в решении переводческих задач. Понимание особенностей каждого из жанров позволяет подобрать соответствующие языковые приемы.

Анализ выделенных жанров позволяет сделать вывод, что все участники взаимодействия придерживаются определенных для них ролей и соблюдают ритуалы общения. В выступлениях ГС и его представителей предложена стандартизированная речь, отличающаяся высоким уровнем формальности, наличием понятийного аппарата ООН

и профессиональной лексики, нейтральным эмоциональным фоном и композиционной последовательностью. Выступления этой группы лиц составлены с учетом их последующего восприятия на слух. Представители государств-членов также придерживаются речевого этикета ООН. В их выступлениях более активно используются риторические и полемические приемы.

Важно рассматривать каждый текст не только с точки зрения межъязыковой трансформации, но и как задачу полноценного переноса коммуникативных целей и риторических приемов на переводящий язык.

В момент написания статьи в мире произошло глобальное событие – уникальный кризис из-за пандемии коронавируса. ООН принимает срочные меры для адаптации к новым условиям работы, вырабатывает новые методы. Эта ситуация повлияет на методы работы устных переводчиков и на жанры формальной устной речи. Возникают вполне обоснованные вопросы о том, какую новую форму примет синхронный перевод в ООН, как именно изменятся жанры формальной устной речи, возрастет ли доля удаленного перевода, увеличится ли аудитория устного перевода. Представляется интересным проследить за такими изменениями, зафиксировать их и проанализировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брайнина Т. Д. Публичный дипломатический дискурс на международных встречах на высшем уровне (на материале выступлений представителей стран – членов ООН на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 8 (780). С. 19–30. [Braynina, T. D. (2017). Public diplomatic discourse at international summits (based on the speeches of UN member-states representatives at the 70th session of the UN General Assembly). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(780), 19–30. (In Russ.)].
- Выступление Генерального секретаря на открытие Дома ООН в Виндхукке. 24.06.2014. [Vystupleniye General'nogo sekretarya na otkrytiye Doma OON v Vindkhuke. 24.06.2014. (Statement by the UN SG at Opening of UN House in Windhoek – 24.06.2014). URL: <https://www.un.org/press/en/2014/sgsm15970.doc.htm> (дата обращения 26.04.2020)].
- Выступление короля Иордании на 71 сессии ГА 20.09.2016. [Vystupleniye korolya Iordanii na 71 sessii GA 20.09.2016 (Statement by the King Abdullah II of Jordan at 71 GA Session 20 September 2016.)]. URL: <https://gadebate>.

un.org/sites/default/files/gastatements/71/71_JO_en.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

Выступление Махмуда Аббаса на Общих прениях ГА 26.09.2014. [Vystupleniye Makhmuda Abbasa na Obshchikh preniyakh GA 26.09.2014. (Statement by Mahmoud Abbas at UN GA General Debate 26.09.2014)]. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/69/PS_en.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

Выступление Милоша Земана, Президента Чешской республики на Общих прениях ГА 19.09.2017. [Vystupleniye Milosha Zemana, Prezidenta Cheshskoy respubliky na Obshchikh preniyakh GA 19.09.2017 (Statement by President of Czech Republic Miloš Zeman at UN GA General Debate 19.09.2017.)] URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/72/cz_en.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

Выступление посла Израиля в Совете Безопасности 22.10.2015. [Vystupleniye posla Izrailya v Sovete Bezopasnosti 22.10.2015 (Statement by Ambassador of Israel in SC on 22.10.2015.)]. URL: <https://embassies.gov.il/un/statements/Pages/Amb.-Danon's-first-UN-speech.aspx> (дата обращения: 26.04.2020).

Выступление посла Рона Просора в Совете Безопасности 2.12.2014. [Vystupleniye posla Rona Prosora v Sovete Bezopasnosti 2.12.2014 (Statement by Ambassador Ron Prosor in SC on 2.12.2014.)]. URL: <https://embassies.gov.il/un/NewsAndEvents/Pages/Security-Council-Speech-.aspx> (дата обращения: 26.04.2020).

Выступление Специального представителя ГС по вопросу международной миграции Луизы Арбур на Международном диалоге по миграции 8.10.2018. [Vystupleniye Spetsial'nogo predstavatelya GS po voprosu mezhhdunarodnoy migratsii Luizy Arbur na Mezhdunarodnom dialoge po migratsii 8.10.2018 (Statement by Louise Arbour SRSG for international migration at International Migration Dialogue 2018. 8.10.2018.)]. URL: https://refugeesmigrants.un.org/sites/default/files/8_oct_-_international_dialogue_on_migration.pdf (дата обращения 15.02.2020).

Евтушенко О. В. Русский язык в стенах ООН // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Междун. Конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2019 г.) / под ред. М. Л. Ремневой и О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2019. С. 14–15. [Evtushenko, O. V. (2019). Russkiy yazyk v stenakh OON (The Russian language at the UN, pp. 14–15). In Remneva, M. L., Kukushkina, O. V. (eds.). Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. 6th International Congress of Russian Language Researchers (Moscow, MSU, 20–23 March, 2019). Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)].

Обращение Генерального секретаря к Генеральной Ассамблее. 25.09.2018. [Obrashcheniye General'nogo sekretarya k General'noy Assambleye.

- 25.09.2018. (Statement of the SG at the Opening of UN GA General Debate. 25.09.2018.)). URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/73/unsg_ru.pdf (дата обращения 20.04.2020).
- Правила процедуры Генеральной Ассамблеи. 2008. [Pravila protsedury General'noy Assamblei. 2008 (Rules of Procedure of the GA. 2008.)]. URL: https://www.un.org/ru/hq/dgacm/uploaded_documents/A.520.Rev.17.Russian.pdf (дата обращения 11.03.2020).
- Транскрипт отчета о заседании Рабочей группы V ЮНСИТРАЛ. 5.12.2019. [Transkript otcheta o zasedanii Rabochey gruppy V YuNSITRAL. 5.12.2019. (Transcript of audio recordings UNCITRAL WG V 5.12.2019.)]. URL: <https://conferences.unite.un.org/carbonweb/public/uncitral/speakerslog/b7e927d7-e952-4a9e-a1f4-ac481d1966ae> (дата обращения 26.04.2020).
- Устав ООН. 1945. [Ustav OON. 1945 (The UN Charter 1945.)]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 27.04.2020).

УДК 811.113.6

Е. М. Чекалина

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
e-mail: etch1@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются процессы заимствования форм множественного числа английских существительных в шведский язык. В ряде случаев происходит присоединение морфемы *-s* к основе, которая становится формой единственного числа, склоняемой по шведской модели. У значительной части лексем наблюдается сохранение английской морфемы *-s* как показателя множественного числа, позволяющее авторам современных шведских грамматик видеть в этом тенденцию к образованию нового класса склонения существительных.

Ключевые слова: контактная лингвистика; шведский язык; английские заимствования; морфологическая ассимиляция; множественное число существительных.

E. M. Chekalina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Head of the Department of Germanic and Celtic Philology,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: etch1@yandex.ru

ENGLISH NOMINAL PLURALS IN SWEDISH

The article discusses the processes of borrowing English nominal plural forms into Swedish. In certain cases the morpheme *-s* becomes part of the stem to form the singular form declined according to a Swedish pattern. A significant number of other nouns preserve the English morpheme *-s* as a plural marker, which allows authors of modern Swedish grammars to consider this a tendency that can result in the formation of a new nominal declension class.

Key words: contact linguistics; Swedish; English loan words; morphological integration; nominal plurals.

Введение

Начавшееся в XIX в. и со временем приобретающее всё большие масштабы активное заимствование английской лексики в скандинавские языки продолжается и в наши дни [Stålhammar 2002; Stålhammar 2003; Mattfolk 2006]. В разные периоды оно имело различный

характер, обусловленный особенностями европейского культурно-исторического контекста и языковой ситуации в скандинавских странах. В XIX – первой половине XX в. основной массив английских заимствований в шведский язык составляла терминологическая лексика, что было обусловлено процессами индустриализации, развитием торговли, транспорта, науки и техники [Stålhammar 2002]. Важное место среди заимствований занимала также спортивная терминология. Развитие постиндустриального общества во второй половине XX – начале XXI в. изменило и существенно расширило тематический спектр английских заимствований [Teleman 2004, с. 181–186]. Многие из них в той или иной степени приобрели характер цитатных слов благодаря широкому употреблению в СМИ и рекламе, а также хорошему владению английским языком носителями шведского языка [Hultman 2008, с. 64].

Заимствованные лексемы нередко осознаются ими как иноязычные, что отражается в сохранении английской орфографии. Этим была обусловлена замена композита *lånord* – «заимствованные слова» термином *importord* – «импортные слова», который употребляется теперь скандинавскими лингвистами применительно к английским заимствованиям [Mattfolk 2006; Josephson 2004]. Сохранению английской орфографии способствует то, что многие слова заимствуются через письменную речь, и таким образом их графический облик сохраняется в сознании шведских читателей до того, как они осваиваются в устной речи. При этом шведское произношение таких лексем преобладает, но не фиксируется нормативными правилами и может быть вариативным [Teleman 2004, с. 89–91]. В то же время актуальными остаются проблемы морфологической ассимиляции английских заимствований, в том числе выбор родовой принадлежности и класса склонения существительных [Mickwitz 2010]. Одной из устойчивых тенденций, наблюдающейся на протяжении длительного времени, является сохранение английского показателя множественного числа *-s*.

1. Лексикализация английских форм множественного числа

Одной из особенностей интеграции английского показателя множественного числа является его слияние с основой в форме единственного числа.

1.1. Существительные разряда *pluralia tantum*

Наиболее прозрачным является сохранение английского показателя *-s* при заимствовании существительных *pluralia tantum*, у которых лексикализация обусловлена свойствами денотата. Среди них выделяются три группы лексем (в скобках приводится зафиксированное в шведских словарях время появления заимствования):

- 1) обозначающие вещественное множество: *koks* (1825, NEO, от англ. *cokes*), *-en* «кокс»; *cornflakes* (1947, NEO), *-en* «кукурузные хлопья»;
- 2) обозначающие денотаты, состоящие из двух одинаковых предметов: *boots* (1960-е гг., NEO), *-en* «бутсы»; *pumps* (1919, NEO), *-en* «дамские туфли-лодочки»; *inlines*, *-en* «роликовые коньки»;
- 3) обозначающие парные предметы, состоящие из двух одинаковых частей: *jeans* (1954, NEO), *-en* «джинсы»; *shorts* (1934, NEO), *-en* «шорты»; *slacks* (1952 NEO), *-en* «слаксы».

Во всех случаях используется определенный постпозитивный артикль *-en*, свойственный существительным среднего рода с исходом основы на согласный в форме множественного числа, например: *språk* «язык», *-et*, pl. *språk*, *-en*.

1.2. Лексикализация существительных, у которых показатель *-s* включен в основу

Такие лексемы получили в работах шведских лингвистов общее название *kepsord* [Mickwitz 2010, с. 136], первым компонентом которого является существительное общего рода *en keps* «кепка», давно заимствованное из английского (1910, NEO, от англ. *caps*). Процессы морфологического переразложения, характерные для этой группы слов, также обусловлены функционально-семантическими факторами, которые определяются свойствами денотатов. Значительную часть заимствований составляют лексемы, которые имеют форму единственного числа, но часто употребляются во множественном числе с собирательным значением [Ellegård 1989, с. 72]. Большинство таких слов в шведском языке являются односложными с исходом основы на согласный и, как и многие исконные лексемы, относятся к среднему роду: *kex* (1823, NEO, от англ. *cakes*), *-et*, pl. *kex*, *-en* «печенье»;

chips (1962, NEO), *-et*, pl. *chips*, *-en* «чипс»; *scones* (1911, NEO), *-et*, pl. *scones*, *-en* «(сдобный) хлебец»; *odds* (1904, NEO), *-et*, pl. *odds*, *-en* «котировка ставки»; *tips* (1927, NEO), *-et*, pl. *tips*, *-en* «(практический) совет»; *mods* (1964, NEO), *-et*, pl. *mods*, *-en* «панк».

Единственная в этой группе двусложная лексема имеет вариативную родовую принадлежность: *muffins* (1913, NEO), *-en (et)*, pl. *muffins* (предпочтительнее, чем *-ar*) «маффин, небольшой кекс с начинкой». К общему роду, вероятно, по аналогии с другими существительными той же лексико-тематической группы, относится также слово *keps*, *-en*, pl. *-ar, -na* «кепка» (ср. *hatt* «шляпа», *-en*, pl. *-ar, -na*). Лексикализацию английской формы множественного числа в этом существительном шведские исследователи объясняют тем, что оно вошло в обиход в сфере торговли, где использовалось для обозначения множества [Elegård 1989, с. 72]. Преимущественно к общему роду относится часто используемое в форме множественного числа существительное *räls* (1890, NEO, от англ. *rails*), *-en*, pl. *-ar/-er, -na* «рельс». В рассматриваемую группу также входят две лексемы, обозначающие предметы, состоящие из двух (не всегда одинаковых) частей: *clips* (1950, NEO), *-et*, pl. *clips*, *-en* «клипсы»; *pujamas* (1903, NEO), *-en*, pl. *-ar, -na* «пижама».

В обиходно-разговорной речи нередко встречается слово *bebis*, вариант существительного *baby* (1901, NEO), *-n* «грудной ребенок, младенец» [Grünbaum 1996, с. 107–108]. Здесь удачно совпали английская форма множественного числа и продуктивная в шведском языке словообразовательная модель с латинским суффиксом *-is*, которая используется при образовании лексем с пейоративной и уменьшительно-ласкательной коннотацией [Thorell 1981, с. 108; Маслова-Лашанская 2011, с. 95]. При образовании формы множественного числа у существительного *baby*, имеющего не характерную для шведского языка фонеморфологическую структуру, наблюдается вариативность, которая находит отражение в рекомендациях словарей: *baby-ar/baby-er/babies* [NEO]; *bebi-s/bäbi-s/bebis-ar/bäbis-ar* [SAOL].

2. Тенденция к развитию нового класса склонения шведских существительных

Как и в других скандинавских языках, в шведском наблюдается сохранение показателя множественного числа *-s* при заимствовании английских существительных различных семантических групп.

В современных грамматиках шведского языка это интерпретируется как тенденция к образованию нового, седьмого класса склонения существительных [SAG 1999, с. 79; Hultman 2008, с. 64]. Автор диссертации, посвященной проблемам ассимиляции английских заимствований в шведском языке, справедливо считает, что этому способствуют функционально-семантические факторы, и выделяет несколько лексико-семантических групп существительных, особенно подверженных этому процессу. Общим для них она считает частотность употребления во множественном числе [Mickwitz 2010, с. 136–137]. Для того, чтобы лучше представить семантические механизмы происходящих при этом процессов, ниже предлагается лексико-семантическая классификация таких существительных, несколько отличающаяся от предложенной автором диссертации.

2.1. Неодушевленные существительные, часто использующиеся для обозначения собирательного множества:
airbag, bagel, blinker, hit, situp

Представленные в последнем, 14-м издании Словника Шведской Академии (2015) парадигмы этих существительных выглядят по-разному. Формы с английским показателем *-s* приводятся лишь для двух: *bagel* или *beigel* (1983, NYO), *-n, pl. bagels* «бейгл, бублик» и *situp* (1980, NYO), *-en, pl. situps, -en* «ситап» (упражнение для брюшного пресса).

Для других слов рекомендуется шведская морфема *-ar* как более предпочтительная: *airbag* (1979, NYO), *-en, pl. -ar* (лучше, чем *-s*), *-na* «подушка безопасности», *blinker* (1955 NEO), *-n, pl. blinkr-ar* (лучше, чем *-s*), *-na* «указатель поворота» или как единственно правильная: *hit* (1962, NEO), *-ten, pl. hitt-ar, -na* «хит».

2.2. Неодушевленные существительные, которые часто употребляются в форме множественного числа:
event, evergreen, gag, happening, slogan, stunt, van, workshop

Эта группа также включает слова как общего, так и среднего рода, демонстрируя при этом значительную вариативность. Так, для части существительных среднего рода рекомендуется словоизменение только по шведской модели: *event* (1999, NYO), *-et, pl. event, -en* «мероприятие (часто в рекламных целях)»; *stunt* (1953, NEO), *-et, pl.*

stunt, *-en* «кинотрюк с участием каскадера». В то же время для другой лексемы в качестве единственно возможной приводится форма с английским показателем: *ett gag* (конец 1940-х, NEO), *-et*, pl. *gags*, *-en* «комическая сцена, острога (в фильме)».

Вариативность наблюдается и в словоизменении слов общего рода. Для некоторых лексем вариант с английским показателем приводится как менее предпочтительный: *slogan* (1932, NEO), *-en*, pl. *-er*, *-na* (лучше, чем *-s*) «слоган»; *happening* (1962, NEO), *-en*, pl. *-ar* (лучше, чем *-s*), *-na* «мероприятие рекламного характера». В других случаях рекомендуется только шведская модель: *workshop* (конец 1970-х, NEO), *-en* или *-pen*, pl. *-ar* или *-par*, *-na* «воркшоп»; *van*, *-en*, pl. *-ar*, *-na* «фургон». Имеются и слова, для которых приводится только английская форма множественного числа: *evergreen* (1950-е гг., NEO), *-en*, pl. *-s*, *-en* «неувядающий хит».

2.3. Неодушевленные существительные общего рода с суффиксом *-er*:

basker, *blazer*, *bulldozer*, *container*, *jumper*, *pullover*,
(*offset*)*master*, *pacemaker*, *racer*, *sprinkler*, *sweater*, *trailer*

Для всех этих слов английская модель образования формы множественного числа допускается как менее предпочтительная. В большинстве случаев рекомендуется шведская морфема *-ar* с выпадением безударного гласного основы *e*: *basker* (1931, NEO), *-n*, pl. *baskr-ar*, *-na* «берет»; *blazer* (1941, NEO), *-n*, pl. *blazr-ar*, *-na* «блейзер»; *bulldozer* (1951, NEO), *-n*, pl. *bulldozr-ar*, *-na* «бульдозер»; *container* (1946, NEO), *-n*, pl. *containr-ar*, *-na* «контейнер»; *jumper* (1921, NEO), *-n*, pl. *jumpr-ar*, *-na* «джерсер»; *pullover* (1924, NEO), *-n*, pl. *pullovr-ar*, *-na* «пуловер»; (*offset*)*master* (1967, NEO), *-n*, pl. *mastr-ar*, *-na* «модель печатной формы»; *pacemaker* (1959 NEO), *-n*, pl. *pacemakr-ar*, *-na* «кардиостимулятор»; *sweater* (1906, NEO), *-n*, pl. *sweatr-ar*, *-na* «свитер»; *trailer* (NEO), *-n*, *trailr-ar*, *-na* «трейлер» (1948), «рекламный ролик» (1952). Для двух существительных рекомендуется модель с омонимичными формами единственного и множественного числа: *racer* (1899, NEO), *-n*, pl. *racer*, *-na* «гоночный автомобиль, катер, велосипед»; *sprinkler* (1892, NEO), *-n*, pl. *sprinkler*, *-na* «разбрызгиватель, ороситель».

2.4. Одушевленные существительные, часто употребляющиеся во множественном числе при обозначении групп людей:

brat, fan, cowboy, skinhead, hippie, rookie, broiler, designer, insider, outsider, manager, partner, reporter, supporter

Для некоторых лексем в словарях допускается использование английского показателя *-s*: *brat* (с конца 1970-х гг., NEO), *-en*, pl. *brats, -en* «сорванцы, избалованные детки богатых»; *fan* (1951, NEO), pl. *fans* «фанат» (с пометой, что слово обычно употребляется в форме множественного числа); *rookie, -n*, pl. *-s* «новый игрок в спортивной команде». В других случаях английская модель дается как менее предпочтительная: *cowboy* (1919, NEO), *-en*, pl. *-er* (лучше, чем *-s*); *hippie* (1967 NEO), *-n*, pl. *-r/-er* (лучше чем *-s*); *skinhead* (с конца 1970-х, NEO), *-et (-en)*, pl. *skinhead* (лучше, чем *skinheads*), *-en* [Grünbaum 2001, с. 77].

Остальные слова имеют в исходе основы сочетание *-er*, которое встречается как в непроемных шведских словах (*vinter* «зима», pl. *vintrar*; *finger* «палец», pl. *fingrar*), так и в существительных, заимствованных из немецкого (*politiker* «политик», pl. *politiker*). Несмотря на то, что для этой группы лексем использование английского показателя допускается, в качестве предпочтительных рекомендуются две шведские модели. В одних случаях – так же, как у заимствованных из немецкого языка существительных – формы единственного и множественного числа совпадают: *designer* (1946, NEO), *-n*, pl. *designer, -na* «дизайнер»; *insider* (1960, NEO) / *outsider* (1904, NEO), *-n*, pl. *in-/outsider, -na* «ин-/аутсайдер»; *manager* (1898, NEO), *-n*, pl. *manager, -na* «менеджер»; *partner* (1845, NEO), *-n*, pl. *partner, -na* «партнер». В других случаях рекомендуется использовать шведский показатель *-ar* с выпадением безударного гласного *e*: *broiler* (1955 NEO), *-n*, pl. *broilr-ar, -na* «бройлер» (в том числе о политиках; 1976); *reporter* (1886, NEO), *-n*, pl. *reportr-ar, -na* «репортер»; *supporter* (1934, NEO), *-n*, pl. *supportr-ar, -na* «болельщик».

Как показывает проведенный анализ, в словоизменении заимствованных из английского языка существительных различных лексико-семантических групп наблюдается значительная вариативность.

Выводы

Заимствование английской модели существительных в форме множественного числа в целом обусловлено функционально-

семантическими факторами и в большинстве случаев прямо или косвенно связано со свойствами денотатов. Наблюдаемая при этом тенденция к лексикализации, проявляющаяся во включении английского показателя *-s* в исход основы в форме единственного числа, изменяемой по шведской модели, поддерживается системно-структурными фономорфологическими особенностями шведского языка. Следует отметить, что в английских односложных лексемах, имеющих фонологическую структуру [C V C], корневой гласный является кратким, как, например, в существительном *cap* /kæp/ [Ellegård 1989, с. 74]. В соответствии с просодическими особенностями ударных слогов в шведском языке корневой гласный в таком случае произносится с фонологической долготой. Включение английской словоизменяющей морфемы *-s* в основу является, таким образом, результатом *просодической ассимиляции* [Josephson 2003, с. 161], которая позволяет сохранить фонетический облик английского заимствования, поскольку сочетание двух согласных предполагает краткость предшествующего ударного гласного. Определенную роль играет, вероятно, и принцип аналогии. Так, в шведском языке имеются собирательные существительные с пейоративным оттенком, основа которых оканчивается на согласный + *s*. К ним, в частности, относится используемое в разговорной речи слово *kvinnas* «женщины», *разг.* «бабы, бабьё», которое является усеченным вариантом вышедшего из употребления композита *kvinnsperson* «представительница женского пола» (1897, NEO). Примером той же словообразовательной модели является собирательное существительное *dricks* «чаевые» от *drickspengar*, употребляемое в разговорной речи, где *-s* в конце основы также было изначально соединительным согласным в структуре подвергнувшегося усечению композита [Маслова-Лашанская 2011, с. 176].

Встречаются и другие усеченные варианты как исконных, так и заимствованных в разное время композитов с кратким корневым гласным, у которых *s* после согласного в исходе основы не было изначально соединительной морфемой. Примерами такого рода являются *blyerts* «карандаш» (1631, NEO, от нем. *Bleiertz* «свинец») от *blyertspenna, oms* (1941, NEO) от *omsättningsskatt* «налог с оборота», *buss* «автобус» (1874, NEO) от *omnibus* (1835, NEO, из латыни через французский) [Маслова-Лашанская 2011, с. 176]. В фономорфологическом аспекте особенно показательно последнее слово, в котором корневой гласный

для устранения фонологической долготы «прикрывается» удвоенным согласным. В то же время *морфологическая ассимиляция* английского показателя в формах множественного числа, возможно, обусловлена устойчивым статусом фонемы *s* в шведском языке как грамматического показателя – падежной формы генитива существительных и залоговой формы синтетического пассива у глаголов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка / под ред. А. В. Савицкой. 2-е изд., исп. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский университет. Филологический факультет, 2011. 240 с. [Maslova-Lashanskaja, S. S. (2011). Savickaja, A. V. (ed.), *Leksikologija shvedskogo jazyka* (Lexicology of the Swedish Language). 2nd ed., revised. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet. Filologicheskij fakul'tet. (In Russ.).]
- Ellegård A.* Engelskan i svenskan. Språk i Norden. Nordisk språksekretariats skrifter, 10. Arlöv: Gyldendal, 1989. S. 67–76.
- Grünbaum C.* Språkbladet. Stockholm : Bokförlaget DN, 2001.
- Grünbaum C.* Strövtåg i språket. Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1996.
- Hultman T. G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008.
- Josephson O.* Engelskan i 2000-talets Sverige // Engelskan i Sverige. Språkval i utbildning, arbete och kulturliv. Småskrift utgiven av Svenska språknämnden. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2004. S. 7–24.
- Josephson O.* Prowsy crights eller prausi krajts? Engelskt inflytande, ortografisk norm och språkvårdsideologi // Boken om våra modersmål. Festskrift till Mikael Reuter på hans 60-årsdag den 17 maj 2003. Helsingfors: Schildt, 2003. S. 156–168.
- Mattfolk L.* Moderna importord i språken i Norden – ur finlandssvenskt perspektiv // Språkbruk. 2006. Nr 3. S. 5–12.
- Mickwitz Å.* Anpassning i språkkontakt. Morfologisk och ortografisk anpassning av engelska lånord i svenskan. Akademisk avhandling. Nordica. Finska, finskugriska och nordiska institutionen. Helsingfors universitet. Helsingfors, 2010.
- Nationalencyklopedins ordbok (NEO). Utarbetad vid Språkdata, Göteborgs universitet. Höganäs : Bra Böcker, 1995. Band 1–3.
- Nyordsboken (NYO). Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden. Stockholm : Norstedts Ordbok, 2000.
- Stålhammar M.* Engelskan i svenskan. 1. Engelska lånord under 1800-talet. Institutionen för svenska språket. Göteborg : Göteborgs universitet. Reprocentralen, 2002.

- Stålhammar M.* Engelskan i svenskan. 2. Engelska lånord under 1900-talet. Institutionen för svenska språket. Göteborg : Göteborgs universitet. Reprocentralen, 2003.
- Svenska Akademiens ordlista över svenska språket (SAOL). Utgiven av Svenska Akademien. 14:de uppl. Stockholm : Norstedts, 2015.
- Teleman U.* Tradis och funkis. Svensk språkvård och språkpolitik efter 1800. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 87. Stockholm : Norstedts Ordbok, 2003.
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik (SAG). Band 2. Ord. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 1999.
- Thorell O.* Svensk ordbildningslära. Stockholm : Esselte Studium, 1981.

УДК 821.531

Е. Н. Кондратьева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии стран ЮВА, Кореи и Монголии ИСАА МГУ,
доцент кафедры филологии стран Дальнего Востока ИКВИА НИУ ВШЭ;
e-mail: kondratelena@yahoo.com

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КОРЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(на примере воспоминаний госпожи Хон Ханджуннок 한동록
«Написанное в печали», 1795–1805)

Перевод древних или средневековых текстов имеет свои особенности, сопряженные с дополнительной исследовательской работой и обязательным комментированием текста. Настоящая статья ставит своей целью поделиться опытом перевода интереснейшего памятника средневековой корейской словесности *Ханджуннок* (1795–1805) и показать, как особенности памятника повлияли на тактику перевода, какие сложности возникли при работе с оригинальным текстом и какие решения были предложены.

Ключевые слова: корейская средневековая литература; мемуары; новокорейский язык; перевод средневековых текстов.

E. N. Kondratyeva

PhD, associated professor, Institute of Asian and African Studies, MSU,
National Research University Higher School of Economics;
e-mail: kondratelena@yahoo.com

TRANSLATION PRACTICES OF THE KOREAN MEMOIRS

(한동록, *The Memoirs of Lady Hyegyôn*, 1795–1805)

The peculiarity of translations of medieval texts is always implies additional research work and obligating commentary. The paper aims to share the experience of translating one the most interesting monument of Korean literature *Hanjunnok* (1795–1805, *The Memoirs of Lady Hyegyôn*) and describe the principles we followed as well as the difficulties we encountered in the process of translation, such as an interpretation of the title, special vocabulary, problems of decoding the original graphics etc.

Key words: Classical Korean Literature; memoirs; Modern Korean; translation of medieval texts.

Введение

Воспоминания госпожи Хон *Ханджуннок* (среднекор. *한동록* *Хандюннок*, «Написанное в печали», 1795–1805), вдовы казненного принца Садо (1735–1762), считаются уникальным памятником средневековой корейской мемуарной литературы. Этот текст сочетает в себе черты исторического документа и признанного памятника средневековой словесности, поэтому занимает совершенно особое место в ряду корейских классических произведений.

Полный текст памятника состоит из 4 книг, написанных госпожой Хон в 1795, 1801, 1802 и 1805 годах. Каждая из книг задумывалась как самостоятельное сочинение, предназначенное для определенного круга читателей. Однако все вместе они представляют собой единое цельное произведение, проливающее свет на трагические события при корейском дворе середины XVII в. Речь идет о так называемых событиях года *имо* (1762) – жестокой казни принца Садо по приказу его собственного отца *вана* Ёнджо (прав. 1724–1776). В своих воспоминаниях госпожа Хон рассказывает о причинах, приведших к трагедии, об истоках душевной болезни принца, его взаимоотношениях с отцом и другими членами королевской семьи, неконтролируемых вспышках гнева и жестокости, поставивших под угрозу дальнейшее продолжение династии.

Тот факт, что именно женщина описывает события политической жизни, делает это произведение особенным в своем роде, поскольку в подавляющем большинстве женские дневники и воспоминания отражают частную жизнь семьи или личные переживания героини. В отличие от многих других дневниковых записей того времени, составленных мужчинами на *ханмуне*, т. е. корейизированным китайским иероглифическим письмом, воспоминания госпожи Хон написаны корейским алфавитным письмом, что, безусловно, вносит свои коррективы в работу исследователя над этим текстом.

Как известно, особенность переводов древних или средневековых текстов заключается в том, что эта задача всегда сопряжена с дополнительной исследовательской работой и обязательным комментированием. Это становится еще более актуальным, когда речь заходит о мемуарной литературе. Часто успешное введение в научный оборот средневекового источника возможно только при совместной работе профессионального филолога и историка-медиевиста, этнографа, искусствоведа и т. д. Подобный формат работы, безусловно, накладывает

определенный отпечаток на те принципы, которыми руководствуется исследователь, делая научно-филологический перевод средневековых текстов. В статье будут описаны общие принципы, которых мы придерживались при переводе этого текста, а также будут приведены конкретные примеры сложных случаев и варианты наших переводческих решений.

Текстология и история изучения памятника

К настоящему моменту сохранилось 14 копий этого памятника, 9 из них хранятся в Корее и 5 – в Америке в Университете Беркли. Ни одна из них за исключением, возможно, первой тетради, не является оригинальной [Хабуш 1996, с. 32–35]. Все они переписаны от руки, а не отпечатаны с деревянных досок, как это было принято в традиционной Корее. Некоторые из копий написаны на *онмуне*, т. е. корейским буквенным письмом, некоторые же – смешанным письмом или переведены на *ханмун*, корезированный китайский язык. В Америку копии памятника попали, видимо, через корейское представительство японской корпорации Митцуи Самджонмульсан (삼정물산), активно скупавшей корейские рукописи в начале XX в. во время японской оккупации.

Некоторые из копий носят название *Ыпхёллок* 泣血錄 «Написанное в кровавых слезах» или *Хегёнгун ыпхёллок* 惠慶宮 泣血錄 «Записанное в кровавых слезах дамой Хегёнгун». Хегёнгун – это имя-титул госпожи Хон, полученное ею после восшествия на престол ее сына *вана* Чонджо по названию дворца, дарованного ей сыном в 1777 г. Также сохранились списки под названием *Ханджунманнок* «Пусть-ковые записи, сделанные на досуге» (한중만록, 閑中謾錄). Несмотря на разнообразие различных вариантов названий, объединяющим для всех версий может считаться название *Ханджуннок*. И вот в связи с названием памятника у нас возникает первая переводческая проблема. Поскольку оригинал был написан на *онмуне*, мы до сих пор не знаем, какой именно иероглиф скрывается под первым слогом *хан*. Так, в исследовании А. Ф. Троцевич приводятся два варианта названия, которые могли быть записаны в корейской графике одинаково: 閑中錄 «Записанное на досуге» и 恨中錄 «Записанное в страданиях» [Троцевич 2004, с. 174–175]. Основываясь на содержании мемуаров, мы отдаем предпочтение второй версии трактовки названия и переводим воспоминания госпожи Хон как «Написанное в печали».

Изучение текста *Ханджуннок* началось в 30-х гг. прошлого века, когда в Корее были обнаружены ранее неизвестные списки этого памятника. Одним из первых в 1919 г. был найден текст, получивший название *Карамбон* по псевдониму ученого Ли Пёнги, работавшего с ним. Позже в Корее были описаны еще два списка – *Насонбон* и *Ильсабон*, названные так по псевдонимам ученых Ким Тонука и Пан Чонхёна. Все эти копии внутри себя организованы по-разному, что составляет еще одну трудность для переводчика.

Как уже было сказано, полный текст памятника состоял из 4 книг, написанных в 1795, 1801, 1802 и 1805 г. Более поздние переписчики разделили оригинальный текст на 6 частей, пронумеровали их и переставили эти части в другой последовательности – в соответствии с хронологией описываемых событий. Первые корейские исследователи *Ханджуннок* (Ли Пёнги, Ким Тонук, Пан Чонхён и др.) придерживались именно этого более позднего формата: они опубликовали свои исследования, переводы и комментарии к тексту, преподавали в университете по этим изданиям, чтобы не редактировать заново существующие труды, последующие исследователи также не меняли этот порядок. Однако одно из последних фототипических изданий *Ханджуннок*, сделанных по тексту *Карамбон* в 2002 г. Чон Ынимом [Чон Ыним 2002], приведено в соответствие с оригинальной композицией, задуманной самой госпожой Хон. Если сопоставить нумерацию переписчиков с порядком следования глав в оригинальном тексте, мы получим следующую композицию:

- книга 1795 г.* в оригинальном списке – 1-я и 4-я части согласно поздним копиям;
- книга 1801 г.* – 5-я часть согласно поздним копиям;
- книга 1802 г.* – 6-я часть согласно поздним копиям;
- книга 1805 г.* – 2-я и 3-я части согласно поздним копиям.

В переводе мы придерживались изначальной композиционной схемы госпожи Хон, а не современных исследователей.

Сюжет и краткое содержание книг

Основным сюжетным стержнем повествования стала так называемая трагедия года *имо* (1762) – жестокая казнь принца Садо собственным отцом. Однако история жизни и страшной смерти принца Садо

описывается только в четвертой, самой последней, книге. В первых трех книгах госпожа Хон повествует о своей семье, придворных интригах, сложных отношениях внутри королевской семьи, но все описываемые события так или иначе связаны с принцем Садо и неизменно ведут читателя к трагической развязке этого конфликта.

Первая книга 1795 г. была написана госпожой Хон по просьбе ее старшего племянника Хон Суёна. В ней она описывает события своего детства, рассказывает о жизни в родном доме до замужества, своих родных и близких. В первой тетради, входящей в эту книгу, последовательно излагаются события до самой смерти принца Садо в 1762 г. Вторая тетрадь первой книги относит нас к событиям, произошедшим после казни, формальному усыновлению сына госпожи Хон, будущего *вана* Чонджо (1752–1800), уже умершим принцем Хёджаном (1719–1728), старшим братом принца Садо. Далее в книге описываются гонения и неприятности, обрушившиеся на семью Хон после трагедии года *имо*, внимательно прослеживаются судьбы родных и близких госпожи Хон. В заключительной части первой книги она рассказывает о переносе могилы принца Садо в Сувон и совместном посещении ее вместе с Чонджо. В путевом дворце Чонджо устроил большой прием в честь шестидесятилетия своей матери, на который были приглашены многочисленные родственники госпожи Хон. Заканчивает свое повествование госпожа Хон обращением к племяннику Суёну, в котором она делится своими волнениями и сомнениями, дает наставления потомкам и желает многих лет спокойствия семье Хон.

Вторая книга воспоминаний госпожи Хон была написана в 1801 г., спустя год после смерти ее сына, *вана* Чонджо. В этой книге она много пишет о королевской семье, взаимоотношениях принца Садо с сестрами, отцом, королевой и родной матерью, но особое внимание она уделяет событиям, произошедшим после смерти принца – разлуке с сыном, придворным интригам и наветам, приведшим ее семью к краху. Одной из главных героинь этой части является принцесса Хваван, в замужестве госпожа Чон, любимая дочь *вана* Ёнджо, сыгравшая немаловажную роль в судьбе Чонджо и политических интригах, в результате которых пострадала семья Хон.

Это, пожалуй, самая эмоциональная часть мемуаров. Госпожа Хон пишет их практически сразу после смерти сына, с которым были связаны надежды на восстановление справедливости и возрождение

семьи. Смерть Чонджо – не единственная трагедия, которая нашла отражение в этой книге. В 1801 г. по ложному обвинению в приверженности католицизму казнят младшего брата госпожи Хон Хон Нагима. Книга 1801 года являет собой своеобразный протест против его казни, вина которого доказана так и не была. Тут же госпожа Хон вспоминает о казни своего дяди Хон Инхана в 1776 г., с чего началось падение семьи Хон. В этой части подробно рассказывается, какие интриги плелись против ее отца и братьев, какие доносы писали государю, какие события привели к казни ближайших родственников, как госпожа Хон пыталась спасти свою семью и добиться восстановления доброго имени своего рода.

В третьей книге 1802 года госпожа Хон обращается непосредственно к своему внуку *вану* Сунджо, рассказывая еще раз о событиях, изложенных в первой части. Она особо отмечает сыновнюю почтительность *вана* Чонджо и подробно рассказывает о его деяниях на пути восстановления чести семьи Хон и принца Садо. Чонджо был буквально одержим идеей восстановления чести своего несчастного отца, свидетелем казни которого он был. Книга 1802 года более сдержанная по эмоциональному накалу, и в жанровом своеобразии напоминает, скорее, биографию образцового почтительного сына, чем мемуарную литературу.

Четвертая книга, написанная в 1805 году, полностью посвящена принцу Садо и тем событиям, которые привели к его казни в год *имо* (1762). Госпожа Хон очень подробно рассказывает о взаимоотношениях принца Садо с отцом, их конфликтах, послуживших толчком к развитию странного душевного недуга принца, окончившегося страшной трагедией.

События, описанные в первых трех книгах, только косвенно касаются казни Садо, в них внимание автора сосредоточено на эмоциональных переживаниях, а также на политических последствиях его смерти. Так, последняя книга является как бы заключением, ответом на вопросы, поставленные в первых трех книгах.

Особенности текста памятника и перевод

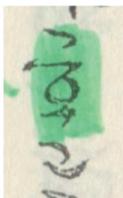
Как уже было сказано, в отличие от многих других дневниковых записей того времени, составленных мужчинами на *ханмуне*, эти мемуары написаны женщиной на *онмуне*, т. е. корейским алфавитным

письмом. Безусловно, этот факт вносит свои коррективы в работу исследователя над этим текстом. В первую очередь, это уже упомянутая проблема с трактовкой названия. Сюда же будут относиться трудности с переводом и интерпретацией сино-корейской лексики, не отраженной в словарях. Поскольку автором этого произведения является хорошо образованная дама преклонных лет, принадлежащая высшему сословию корейского общества, это, безусловно, наложило свои отпечатки на язык и манеру повествования. Практически вся лексика, образы, сравнения – все построено по китайским образцам и выражено лексикой иероглифического происхождения. Но, как известно, корейцы очень активно составляли из заимствованных иероглифов свои собственные биномы и слова, которых нет в китайском языке, соответственно, и в словарях они не отражены. Поэтому интерпретация многих сочетаний была затруднена обилием возможных вариантов таких сочетаний, поскольку за каждым слогом, записанным корейской графикой могло скрываться несколько иероглифов.

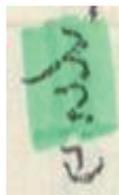
Следующая особенность работы с рукописным текстом сопряжена порой с неоднозначной дешифровкой оригинальной графики, обусловленной скорописным характером почерка. Во-первых, начертания многих букв отличаются от современных. Во-вторых, начертание одной и той же буквы может сильно меняться в зависимости от контекста. Более того, один и тот же слог может быть написан разными способами. Так, в записях 1 и 2 представлен один и тот же слог 호고 (*ho-kwo*), записанный на одной странице двумя разными способами:

Третья сложность – особенности почерка переписчика, когда едва заметные отличия в начертании разных букв подчас значительно затрудняют интерпретацию оригинального текста. Так, например, далее в записях 1 и 2 представлена одна и та же согласная буква ㅍ (*ph*) в разных контекстах: в слогах 플 *phul* (1) и 편 *phyen* (2)

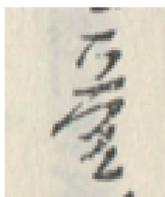
1

2

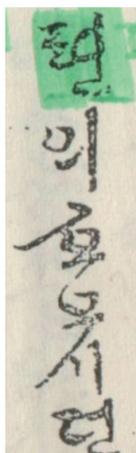

1

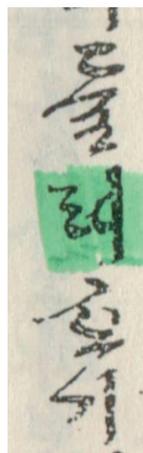
플 phul

2

편의호오시던
*phyen-yu-ho-wo-
 si-ten*

3

둘러하기
tul-lye-ho-ki

соответственно. Напротив, в записях 2 и 3 представлены две разные буквы *ㅍ* (*ph*) и *ㄹ* (*lr*) в одном и том же контексте с буквой *ㅁ* (*ye*):

Поскольку основной задачей перевода было введение в научный оборот нового новокорейского памятника, мы стремились максимально точно передать содержание, композицию, лексико-грамматический и стилистический строй оригинала. Как уже отмечалось выше, мы решили сохранить оригинальную композицию текста, а не вариант, разделенный поздними переписчиками на 6 частей в соответствии с хронологией описываемых событий. Поэтому в первую книгу 1795 г. у нас входят части 1 и 4, согласно поздней нумерации, во второй книге 1801 г. – часть 5, согласно поздней нумерации, в книге 1802 г. – часть 6 согласно поздней нумерации, а в последней книге 1805 г. содержатся части 2 и 3, соответственно.

Поскольку текст внутри свитка не разделен на абзацы или главы, для облегчения восприятия мы посчитали возможным сделать это самостоятельно, ориентируясь на содержание, смену действующих лиц или сюжетных линий, а также принимая во внимание комментарии корейских исследователей. Также большую помощь в вопросе деления текста на значимые отрывки оказал сам язык памятника.

Так, госпожа Хон довольно часто употребляет в своем повествовании риторические вопросы, которые в большинстве своих вхождений служат своеобразным маркером смены темы. Однако вопрос стилистического своеобразия языка памятника, безусловно, требует отдельного исследования.

Более подробного пояснения требует система правил, которой мы придерживались при переводе имен и титулов. В первую очередь следует сказать, что сама система именования, принятая в корейских текстах XVIII–XIX вв., очень сложна, а в данном случае на нее еще накладываются авторские особенности стиля госпожи Хон, что значительно затрудняет и перевод, и восприятие текста современным читателем. Одна из таких проблем, с которыми мы столкнулись в процессе перевода, это традиционное использование терминов родства или титулов вместо имен собственных. Например, рассмотрим следующее предложение из 4 слов:

금성위 백수가 중고모 소고러니

Жена старшего брата Кымсон-ви была младшей сестрой мужа моей второй тетки по отцовской линии.

Подобные вхождения, безусловно, требуют пояснений: Кымсон-ви – это не имя собственное, а титул зятя государя, женившегося на дочери, рожденной от наложницы, этот титул носил Пак Мёнвон, у которого был старший брат Пак Мёнсон, у жены которого был старший брат, который был женат на младшей сестре отца госпожи Хон. Текст памятника пестрит подобными примерами, каждый из которых требует комментария и, порой, более глубокого исследования не только генеалогии отдельной семьи, но и исторических документов, связанных с присуждением титулов и чинов. Следует отдельно отметить, что такие изыскания значительно осложняются тем, что традиционно в Корее женщины не имели имен собственных и не фиксировались в семейных генеалогиях. Даже имя автора исследуемого нами памятника, вдовы наследного принца Садо, нам до сих пор неизвестно, поэтому мы и называем ее традиционным способом – по фамилии отца – госпожа Хон. В корейской и западной традиции госпожа Хон известна, прежде всего, как дама Хегёнгун, по названию дарованного ей в 1777 г. дворца. Это имя отражено в некоторых

списках произведения (например, 惠慶宮泣血錄 *Хегёнгун ыпхёллок* «Записанное в кровавых слезах дамой Хегёнгун»).

Отдельного упоминания требуют почившие родственники, так как в этом случае в тексте употребляются либо их посмертные титулы (при наличии), как, например, дед госпожи Хон в тексте значится как Чонхон-гон, либо используются особые термины родства, например, 선인 ‘покойный отец’, 선비 ‘покойная мать’ и т. д.

Также надо учитывать время написания той или иной части: так, в первой книге 1795 г. госпожа Хон использует термин *сонван* 선왕 先王 ‘почивший государь’ по отношению к своему свекру *вану* Ёнджо, а в других книгах этим же словом она называет своего сына, к тому моменту почившего *вана* Чонджо. Для снятия этой неоднозначности мы во всех подобных вхождениях употребляли храмовые имена, под которыми правители династии Чосон известны русскому читателю: Ёнджо, Чонджо, Сунджо и т. д.

Также нам пришлось несколько адаптировать традиционную корейскую систему именования, когда для одного и того же человека используются разные, чаще – малоизвестные титулы или заместительные имена. Так, своего супруга госпожа Хон часто называет *Тонгун* 동궁 東宮 – по названию дворца наследника престола или *Кёнмогун* 경모궁 景慕宮 – по названию места, где хранилась его поминальная табличка, но поскольку эти имена в большинстве своем незнакомы даже профессиональным историкам, поэтому, чтобы не вносить путаницу в и без того насыщенный персоналиями перевод, мы использовали привычное для читателя именование: принц Садо. Надо отметить, что всего в тексте упоминается более 260 персонажей. В издании [Ханджуннок 2020] мы приводим краткие биографические сведения, но не обо всех упомянутых личностей, а только основных участниках повествования.

Отдельно скажем о том, что именно мы постарались сохранить в переводе без изменений – это, в первую очередь, употребление имен собственных. В корейской письменной традиции имена записывались в следующей последовательности: сначала фамилия (один слог), затем имя (как правило, двусложное), что полностью сохранено в тексте. Однако в тексте нередки случаи употребления имени без фамилии. Известно, что такое было возможно как проявление неуважения или по отношению к людям, которые младше говорящего как минимум на

одно поколение или принадлежат к более низкому социальному классу. Так, госпожа Хон практически повсеместно именуется Чон Хугёма просто Хугёмом, Ким Кугёна – Кугёном и т.д., выражая презрение к недоброжелателям и врагам своей семьи. Эту особенность мы старались последовательно передать в переводе.

Для членов королевской семьи, как уже было сказано, мы постарались употреблять один вариант имени во всех вхождениях (по храмовым именам), исключение составляет Чонджо, сын госпожи Хон и принца Садо, который в первой и четвертой книгах именуется *наследником престола*, а во второй и третьей – *государем* или *ваном* Чонджо, или *почившим ваном* в зависимости от ситуации. Другим исключением является принцесса Хваван, которая фигурирует в тексте чаще как госпожа Чон (по фамилии супруга). Мы старались следовать за авторским именованием в переводе.

То же касается сохранения в переводе терминов родства: если это не затрудняло восприятия и понималось однозначно, о ком идет речь, мы старались сохранить авторское именование. Если же термины усложняли восприятие или могли быть поняты неоднозначно, мы вводили личные имена для облегчения восприятия.

Заключение

В статье мы попытались рассказать об опыте комментированного перевода уникального памятника новокорейского периода *Ханджуннок*. Переведенный памятник представляется очень перспективным объектом для всесторонних исследований не только для лингвистов и филологов, но и для историков, антропологов и всех специалистов, интересующихся Дальним Востоком. Поскольку это первый опыт перевода данного текста на русский язык, естественно, он не свободен от недостатков или возможных ошибок. Но хотелось бы верить, что проделанная работа не только позволит широкому кругу читателей погрузиться в малоизвестный нам мир традиционной Кореи, но и вызовет исследовательский интерес к традиционной культуре и средневековой литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Мемуары госпожи Хон «Написанное в печали» (Ханджуннок) / пер. с кор., предисл. и комм. Е. Н. Кондратьевой. СПб.: Гиперион, 2020. [Mемуары

- gospozhi Hon “Napisannoe v pechali”* (The Memoirs of Lady Hon “Hanjunnok”), transl. by E. N. Kondrat'eva (2020). St.Petersburg: Giperion. (In Russ.)].
- Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004. [Trotsevich, A. F. (2004). *Istoria korejskoj tradicionnoj literatury (do XX v.)* (The History of Korean Traditional Literature). St.Petersburg. (In Russ.)].
- Hyegyöng, Lady*. The Memoirs of Lady Hyegyöng. The Autobiographical Writings of a Crown Princess of Eighteenth-Century Korea / transl., introd. And annotations by JaHyun Kim Haboush. Berkeley & Los Angeles, 1996.
- 혜경궁 홍씨. 한중록. 정은임 교주 / пер. с новокорейск. и комм. Чон Ынима). Сеул, 2002. [Hyegyöngkwung Hong-ssi. (2002). Hanjungnok (Hanjunnok). Chöng Unim kyoju. Seoul. (In Kor.)]

УДК 82; 159.9

З. И. Рустамова

доктор филологических наук, профессор;
лаборатория азербайджановедения,
Бакинский славянский университет,
Баку, Азербайджан; e-mail: zenrust@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ СЮЖЕТА О ГОЛОМ КОРОЛЕ, ИЛИ ПАРАДОКСЫ ПОВЕДЕНИЯ

В статье прослеживается сюжетное сходство азербайджанской сказки «Падишах и садовник», одной из легенд об Уленшпигеле и сказки Андерсена «Новое платье короля». Эти произведения принадлежат литературе разных культур и эпох, но в них можно увидеть не что иное, как создание так называемой психологической установки для формирования мнения большинства, что активно используется и сегодня и с чем связаны определенные парадоксы поведения человека. Умение создавать такую установку уходит в глубину времен.

Ключевые слова: сказка; садовник; корона; ткачи; невидимый; психологическая установка; мнение большинства.

Z. I. Rustamova

Doctor of Philology, Professor,
Laboratory of Azerbaijanology, Baku Slavic University,
Баку, Азербайджан; e-mail: zenrust@yandex.ru

ABOUT SEVERAL PARALLELS IN THE PLOT ABOUT THE NAKED KING OR BEHAVIOUR PARADOXES

The article addresses the similarity of Azerbaijan folk tale “The padishah and the gardener”, one of the legends about Ulenspiegel and the tale of Andersen “The Emperor’s new clothes”. These works belong to the literature of various cultures and epochs, however, one can observe the creation of so-called “mental set” in the addressed tales, aimed at forming the attitude of the majority. This set is vigorously applied even nowadays and particular behaviour paradoxes of a human are connected thereto. The ability to create such a set roots into old times.

Key words: fairytale; the gardener; crown; the weavers; invisible; mental set; public opinion.

Введение

Сказка «Новое платье короля» датского писателя-сказочника Ганса Христиана Андерсена увидела свет в 1837 году в сборнике «Сказки,

рассказанные детям». Ее сюжет заимствован из 32-й новеллы сборника новелл, притч, афоризмов и морально-дидактических трактатов «Граф Луканор» (1335), автором которого был Хуан Мануэль, знатный вельможа, политик, воин, один из крупнейших писателей средневековой Испании [Новое платье короля URL].

Истории, которую рассказал Андерсен, уже более 180 лет [Андерсен URL], но она не теряет своей свежести, а главное, актуальности, с интересом читается и сегодня. Ключевая фраза сказки: *А король-то голый!* – стала крылатым выражением и произносится, когда за правду пытаются выдать то, чего нет на самом деле, или же когда говорят о человеке тщеславном, но недалеком и лишенном тех достоинств, на которые он претендует.

Интересно, что в одной из народных голландских легенд, положенных в основу романа «Легенда об Уленшпигеле» (1867) известного бельгийца Шарля де Костера, можно встретить подобный сюжет. По легенде Уленшпигель, выдав себя за мастера-живописца, нанимается к некоему ландграфу, чтобы нарисовать его на картине в окружении приближенных. И тут Тиль попадает в весьма затруднительную ситуацию. Знатные, но имеющие физические недостатки люди требуют от художника скрыть их изъяны и угрожают расправой в случае отказа. Ландграф же грозит казнить Уленшпигеля, если тот допустит малейшее искажение в групповом портрете. Тогда Тиль решает пойти на хитрость.

Ничего не нарисовав, через положенный срок он «представляет» свою картину и объявляет, что ее могут видеть только представители благородных кровей. Благородным господам и дамам не остается ничего, как начать восхищаться голыми стенами. Однако во время их восторгов графский шут вдруг заявляет, что стены-то, собственно, пусты, на них ничего нет, и смотреть не на что... Тогда Уленшпигель решает быстро исчезнуть по собственному же предписанию: «Когда говорят дураки, умным лучше всего скрыться» [Новое платье короля URL].

Среди азербайджанских народных сказок есть одна, весьма любопытная. Это сказка «Падишах и садовник» [Падишах и садовник], весьма близкая по сюжету сказке Андерсена. И наша задача состоит в определении идейной нагрузки сюжета в произведениях литературы разных народов.

Сравнительный анализ сказок

Прежде всего сравним ключевые сюжетообразующие моменты двух сказок (см. табл. 1).

Таблица 1

Падишах и садовник	Новое платье короля
<p>Польстившись на необыкновенную красоту взлелеянного садовником сада, падишах приказал отобрать его у садовника, лишив своим разбойничьим поступком его семью средств к существованию.</p> <p>Страшная несправедливость повергла садовника в безысходность, но и она же сподвигла его на обман шаха – грабителя.</p> <p>На попытку жены остановить мужа словами, можно ли заниматься в его возрасте обманом, он в отчаянии отвечает, что обманывать не подобает в любом возрасте, но, чтобы избежать голодной смерти, не грех и обмануть жестокого разбойника-кровопийцу</p>	<p>Жил на свете некий король, гипертрофированное желание которого приобретать новые наряды и наряжаться приводило к неимоверной трате денег</p>
<p>Садовник, выдав себя за ремесленника, предлагает изготовить для падишаха такой венец, который смогут видеть только преданные ему люди</p>	<p>Среди многочисленных иностранных гостей города появились два шарлатана-ткача. Их «продукция» – красивейшая ткань, но невидимая для всякого, кто был бы «не на своем месте» или непроходимо глуп</p>
<p>Таким образом «мастер» поможет правительнице распознать всех врагов короны. Предложение «мастера» совпадает с давним желанием падишаха разобраться с друзьями и недругами в обличии друзей</p>	<p>Король ухватился за возможность блистать в наряде из этой необычной ткани; она же поможет ему распознать, соответствующим ли его сановники занимаемым должностям</p>

Падишах и садовник	Новое платье короля
<p>После получения из казны драгоценных камней и золота для короны (а от падишаха – конкретного срока – 40 дней и угрозы казнить в случае невыполнения работы) садовник, наконец, смог накормить свою семью</p>	<p>Получив требуемые шелковые и золотые нити и не переставая требовать их регулярного пополнения, «мастера» сели за пустые станки и продолжали сидеть за ними день и ночь</p>
<p>Проходит время, старик даже не пытается что-то делать, и жена начинает не на шутку беспокоиться за жизнь своего мужа, но тот успокаивает ее: сумев обманом вытянуть у падишаха столько золота, он и с остальной задачей справится</p>	
	<p>Любозытие не дает покоя королю, однако, помня о необычном свойстве ткани, пойти посмотреть он не решается и посылает старика-министра, с честью занимающего свой пост, в надежде, что тот не станет лгать.</p> <p>Обескураженный пустыми станками старик подвергся «атаке» со стороны ткачей, расхваливающих в один голос цвет и узоры полотна. Честный министр, осознав всю серьезность ситуации, вынужденно соглашается с мастерами.</p> <p>По той же схеме ведут себя и другой сановник, и сам король, пришедшие позже посмотреть на чудо-полотно.</p> <p>Все в свите короля восхищаются тканью и советуют сшить наряд для предстоящих торжеств</p>

Падишах и садовник	Новое платье короля
<p>Через 40 дней садовник объявил, что все приближенные падишаха и народ должны собраться на площади, куда он принесет корону</p>	<p>Обманщики-ткачи так же, как «выткали» ткань, «сшили» и парадный наряд для церемонии</p>
<p>Старик объявляет, что изготовил волшебную чудо-корону: друзьям шаха она будет видна, а недруги ее не увидят. Делая вид, что надевает корону на голову шаху, «мастер» рекомендует ему: теперь пусть твои друзья скажут тебе, как прекрасен этот венец, а ты радуйся, привечай друзей и уничтожь врагов</p>	<p>Якобы, наряжая короля, «мастера» называли каждую часть невидимого глазу наряда, не переставая расхваливать его</p>
<p>Визирь, советник и все придворные проходят мимо шаха, восхищаясь короной</p>	<p>Члены свиты, слушая перебивавших друг друга ткачей, вторили им</p>
<p>Народ был вдали от шаха, и никто из толпы не видел никакой короны. Одни думали, что стоят далеко, поэтому не видят венца; другие со страху, а третьи – просто, как все, в один голос поздравляли шаха</p>	<p>Народ, уже знавший о необычном наряде короля, тоже возторгался его «красотой»</p>
<p>Падишах, не почувствовав короны на голове и не увидев ее в зеркале, хотел было обличить мастера во лжи, но вовремя спохватился – сочтут его самого противником трона. И предпринял хитрый и выгодный для себя ход, сказав приближенным: «Кто предан мне, пусть одарит мастера подарками!»</p>	<p>пока малыш из толпы не закричал: «А король-то голый!». Народ очнулся, отовсюду стал раздаваться смех</p>
<p>Падишах только tet-a-tet осмелился обвинить старика в надувательстве. Старик честно признается, что он тот самый обманутый падишахом</p>	<p>Король ужаснулся, ведь он на самом деле был голый, но... статус не позволял выказать и тени смущения, потому он стал вышагивать</p>

Падишах и садовник	Новое платье короля
садовник, и между ними происходит следующий «обмен мнениями»: «А если я прикажу повесить тебя?» – «Тогда все станут тебя осуждать за неблагодарность к мастеру, который изготовил тебе волшебную корону»	еще величественнее, и довел церемонию до конца.

Таким образом, в развитии сюжета сказок очевидно много сходств. Но есть и различия.

Мотивация дальнейшего поведения

Различия связаны, в первую очередь, с появлением «мастеров-умельцев» и мотивацией дальнейшего поведения. В азербайджанской сказке – это обиженный и доведенный до отчаяния садовник, решивший, чтобы не умереть с голоду, пойти на обман падишаха-разбойника. Его поведение до конца логично и мотивировано спасением себя и своей семьи. У Андерсена плуты появляются неизвестно откуда. Они просто появляются. Их мотивируют обогащение без затраты труда и просто забава.

В «Падишахе...» жена садовника первая видит и понимает, что муж ничего не мастерит. Ее это очень пугает, потому что она беспокоится за свою семью – мотив спасения от голодной смерти связан с близкими людьми. В «Новом платье короля» правитель сам хочет пойти посмотреть на волшебную ткань, но боится – настолько он не уверен в себе – и посылает своего честного старика-министра. Снимать с себя ответственность – удел слабого человека. Посланные на «разведку» министр и другой сановник тоже бы с великим удовольствием сняли с себя этот груз ответственности, но по долгу службы не в силах это сделать. Они в подчинении, а потому лишены инициативы и первые заговаривают о прекрасной ткани.

Глупый падишах хоть и додумывается до того, что короны нет, но по причине оставшегося страха перед силой общего мнения осмеливается обвинить «мастера» во лжи, лишь оставшись с ним наедине. А общественное мнение для старика – это и есть его спасение. На угрозу падишаха повесить его «мастер» совершенно спокойно отвечает, что все станут осуждать правителя за неблагодарность умельцу...

У Андерсена же и в «Легенда об Уленшпигеле» разрушить всеобщее мнение удастся лишь непосредственному малышу и дерзкому шуту, устами которых «глаголет истина».

Кажется, что все три произведения «населены» одними глупцами, а нормальных людей можно пересчитать по пальцам. И здесь глупость заключается, конечно, не в том, чтобы не понимать, что ты не видишь корону, картину и новый наряд, а в том, чтобы, не видя ничего, утверждать, что видишь. Так почему же абсолютно все из окружения высоких особ молчат? Понятно, что каждый боится за себя и свое «тепленькое» местечко; понятно, что все говорят то, что говорят остальные. Но как же получается, что среди стольких приближенных и народа, который «любуется» шахской короной, картиной и новым платьем короля, находится только один человек, сказавший правду – сам шах (упаси Аллах, чтобы никто не слышал), шут и ребенок?

Создание определенного мнения

В сказке «Падишах...» садовник, который выдает себя за ремесленника, своим предложением изготовить для падишаха волшебный венец, создает предпосылки для формирования определенного мнения. Затем, когда народ собирается на площади, старик обращается к нему и повторяет, что изготовил чудо-корону: друзьям шаха эта корона будет видна, а недруги ее не увидят, тем самым дав психологическую установку толпе. Якобы, возлагая венец на голову шаху, «мастер» приговаривает: теперь пусть твои друзья скажут тебе, как прекрасен этот венец, а ты радуйся, привечай друзей и уничтожь врагов – закрепление психологической установки на видение того, чего нет.

У Андерсена и в легенде создание психологической установки идет по той же схеме: сначала на установку нацеливает предложение ткачей / Уленшпигеля. Затем внушение посланным королем сановникам. Их сомнения в том, что они ничего не видят, побеждает страх оказаться не у дел и убедительные интонации, приглашение ткачей полюбоваться необыкновенно красивой тканью. Дело почти сделано: сановники пойдут делиться своими впечатлениями об «увиденном». Далее, когда все уже «видят» невидимую ткань, и заказ на пошив из нее парадного наряда выполнен, ткачи, называя каждую деталь наряда, начинают «одевать» короля, расхваливая уже не только ткань, но и профессиональный пошив. Идет закрепление установки.

Уленшпигель, «представляя» свою картину, объявляет, что ее смогут увидеть только представители благородных кровей. Установка дана. И картину начинают «видеть» представители благородного сословия.

Сказочный вымысел, лежащий в основе всех трех сюжетов, несет в себе глубокую мудрость. В детских сказках со взрослой моралью показано не что иное, как создание, закрепление психологических установок на формирование мнения большинства. Речь уже не о том, правильно оно или нет, соответствует действительности или нет, речь уже идет о массовости восприятия и мнения.

«Сказка – ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок...»

Я и другие

В 1971 году на экраны страны вышел научно-популярный фильм «Я и другие» [Научно-популярный фильм «Я и другие» URL]. Этот фильм, снятый в прошлом веке, показывает и раскрывает многие парадоксы поведения людей, которые можно наблюдать и сегодня. В фильме прослеживается ряд психологических экспериментов, показывающих формирование определенного типа поведения. Хотелось бы остановиться на некоторых из них.

Каждому из двадцати молодых людей показывают в отдельности фотографии одного и того же человека. Одним говорят, что это фотография очень опасного преступника, другим – очень известного ученого, и предлагают дать ему психологическую характеристику. Каждый из этих молодых людей, ни на секунду не задумываясь, находит в лице именно то, на что его настроил экспериментатор. Другими словами, каждый реализует полученную психологическую установку.

Для следующего эксперимента выставляются фотографии совершенно разных старческих, покрытых морщинами лиц под номерами 1, 2, 3, 4, 5. Группа испытуемых якобы состоит из 8 человек, семеро из которых получают заранее задание убедительно говорить о том, что на фото 1 и 4 один и тот же старик, тем самым составив группу для создания единого мнения. Испытуемым фактически становится один человек. Когда группа заходит в отведенное для эксперимента помещение, ведущий эксперимента в первую очередь задает вопрос именно этому человеку: есть ли среди пяти фотографий снимки одного

и того же человека, или это фото пяти разных людей, на что следует естественный ответ, что на фото все люди разные. Затем ведущий обращается к другим, заранее подготовленным членам группы. Друг за другом они проговаривают данное им задание, и испытуемый, видя на фото совершенно разных стариков, начинает в этом сомневаться. Группа продолжает оказывать психологическое давление, и на вопрос, есть ли фотографии одного и того же человека, испытуемый уже проговаривает то мнение, которое сформировало большинство. С одной стороны, давление со стороны большинства – для многих почти непреодолимая сила, с другой, – удобнее согласиться с большинством, чем пытаться доказать свою правоту.

Очевидно конечно, что человек внушаем и подвержен неосознанной готовности воспринять что-то определенным образом. И не всегда его поведение принципиально и определено совестью. Толпа, как известно, сильнейший фактор влияния на поведение не только индивида, но и общества. Если мы посмотрим на себя со стороны, то увидим, что и сегодня часто сверяем свое мнение, восприятие происходящего и даже поведение с другими. За модным сейчас выражением *это мое субъективное мнение* очень часто скрывается обычная некомпетентность и неумение принять правильное решение. А ведь *это мое субъективное мнение* должно быть обоснованно и доказуемо, чтобы претендовать на приятие со стороны в силу своей серьезности, основательности и ответственности.

Заключение

Исследователь Г. А. Твердохлебов считает, что большинство людей как в восприятии произведений искусства, так и в науке следуют мнению знатоков. «И если уж знаток, авторитет сформулировал свое мнение – платье короля прекрасно, то никто из следующих за знатоками не посмеет сказать, что король голый. Андерсена следует признать первооткрывателем основного закона социологии. А Малевича, написавшего «Черный квадрат», следует признать человеком, поставившим блистательный эксперимент, доказывающий правильность этого закона. Живопись «Черного квадрата» настолько же гениальна, насколько прекрасно платье голого короля» [Твердохлебов ... URL].

И если Г. А. Твердохлебов указывает на Ганса Христиана Андерсена как на первооткрывателя основного закона социологии, то следует

уточнить, что закон этот выведен задолго до великого датского сказочника народом, истоки его следует искать в глубине времен, в народной среде, примером чему и служат сказка «Падишах и садовник» и легенда об Уленшпигеле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсен Г. Х. Новое платье короля. URL: <https://deti-online.com/skazki/skazki-andersena/novoe-plate-korolja/> [Andersen, G. H. *Novoe plat'e korolja* (The king's new dress). URL: <https://deti-online.com/skazki/skazki-andersena/novoe-plate-korolja/> (In Russ.)].
- Научно-популярный фильм «Я и другие». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LYe58b-3HM> [Nauchno-populjarnyj fil'm «Ja i drugie» (Popular science film “Me and Others”). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LYe58b-3HM> (In Russ.)].
- Новое платье короля. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F [Novoe plat'e korolja (The king's new dress). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8F (In Russ.)].
- Падишах и садовник // Русский язык: учебник для 3 класса общеобразовательных школ. Баку: Чашыюглу, 2014. С. 23–26. URL: [Padishah i sadovnik (Padishah and the gardener, pp. 23–26). *Russkij jazyk: uchebnik dlja 3 klassa obshheobrazovatel'nyh shkol*. Baku: Chashyoglu, 2014. (In Russ.)].
- Твердохлебов Г. А. Основной закон социологии, или голый король в «Черном квадрате» Малевича. URL: <http://bestreferat.su/Sociologiya/Osnovnoy-zakon-sociologii-ili-golyj-korol-v-Chernom-kvadrateMalevicha/> [Tverdohlebov, G. A. *Osnovnoj zakon sociologii ili golyj korol' v «Chernom kvadrate» Malevicha* (The basic law of sociology, or the naked king in Malevich's Black Square). URL: <http://bestreferat.su/Sociologiya/Osnovnoy-zakon-sociologii-ili-golyj-korol-v-Chernom-kvadrate-Malevi-cha/> (In Russ.)].

УДК 008.001

А. А. Дудинова

старший преподаватель каф. восточных языков,
переводческий факультет, Московский государственный лингвистический
университет; e-mail: Summergerale@gmail.com

О ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ КОРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРАЗНОСТИ

В рамках каждой культуры развивается свой образный язык, особенная система универсальных обозначений, используемая для кодирования идеологических и аксиологических установок, а также для объяснения и описания модели мира. В данной статье рассматриваются основные характеристики художественной и религиозной образности, а также анализируются особенности традиционной образной системы, сформировавшейся на базе корейской культуры. Кроме того, кратко освещается семиозис этой образной системы и роль буддизма в этом процессе.

Ключевые слова: корейский язык; корейская культура; корейская поэзия; образы; буддизм; традиция.

A. A. Dudinova

senior teacher of Eastern languages department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: Summergerale@gmail.com

ON THE DUALITY OF TRADITIONAL KOREAN IMAGES

This article is dedicated to the description of differences between religious images and images in art and to peculiarities of the system of traditional images in Korean culture. Moreover, genesis of the system of traditional Korean images is briefly explained as well as the role of Buddhism in semiosis of this system.

Key words: Korean language; Korean culture; Korean poetry; images; Buddhism; tradition.

Введение

Собственный, уникальный образный язык формируется в каждой отдельной культуре. Он может отличаться даже в рамках одной

культуры на разных исторических этапах. Умение считывать символическое значение элементов отдельных образных систем, владение знаниями об актуальных коммуникативных системах и знаках является маркером, который помогает определить представителей разных культур и разных поколений.

Таким образом, сталкиваясь с произведениями, являющимися продуктом какой-либо культуры, мы вынуждены «дешифровать» заложенные в него смыслы, ориентируясь не только на язык художественных образов, но и на язык образов культуры, поскольку каждое произведение одновременно является отражением не только личности автора, его индивидуальной системы ценностей и мировоззренческих установок, но и ценностно-идеологических установок, сформировавшихся в рамках определенной культуры.

Образы, находясь в неразрывной связи с языком и сознанием, отражают картину мира носителей разных культурных традиций; знание образного языка позволяет нам взглянуть на художественное произведение глазами представителя иной культуры или, по крайней мере, приблизиться к степени его понимания.

Разного рода идеологические установки и ценностные значения непосредственно связаны с обществом, в рамках которого они были сформированы, следовательно, рассматривая какие-либо произведения культуры и пытаясь разгадать заложенные в них смыслы, необходимо иметь в виду также исторический контекст, актуальные для эпохи философские и эстетические парадигмы. Верно и обратное: изучая язык образов, ценностный код, заложенный в том или ином произведении, можно лучше понять мировоззренческие установки и ценностные ориентиры, характерные для того или иного общества.

Образный язык как система знаков обеспечивает преемственность культурной памяти, трансляцию ценностей и представлений о мире как между отдельными пластами одной культуры (например, на разных исторических этапах), так и между разными культурами.

Подобные системы символических образов, характерные как для отдельных культур, так и для отдельных эпох, следует анализировать диахронически. С одной стороны, это затрудняет интерпретацию текстов культуры, с другой – оптимизирует процесс их изучения, поскольку в своем анализе исследователь может ориентироваться на наборы маркеров, помогающие определить принадлежность произведения к той или иной культуре или исторической эпохе.

Анализируя художественные произведения, будь то произведения изобразительного искусства или литературные произведения, мы, как правило, прибегаем к такому термину, как *художественная образность*, принимая во внимание основные признаки, которыми располагает данный вид образности. Однако в традиционных культурах образный язык художественных произведений, как правило, обладает более сложными характеристиками.

Особенности художественно-религиозной образности

Художественный образ как категория творчества является формой истолкования, освоения и интерпретации предметов и явлений окружающего мира посредством создания эстетически воздействующих объектов. Художественный образ также представляет собой отражение определенных эстетических идеалов, ценностей и авторских идей, органично сочетая в себе художественный вымысел (воображение) и отражение реальной действительности (предметность или материальность), является результатом осознанной связи между обозначением и обозначаемым [Роднянская 1970].

Из всего вышесказанного следует, что художественный образ не просто похож на изображаемое, он является «сосудом», который может содержать в себе смыслы, не только искусственно заложенные в него автором, но и сгенерированные неволью (например, вследствие ассоциативного сравнения) или намеренно реципиентами.

Кроме того, важное значение имеет эмоциональная окраска, которой непременно обладают образы, наделенные символическим значением. Поскольку в разных культурах одни и те же концепты или явления могут восприниматься по-разному, соответственно, одни и те же образы, даже обладая значениями, легко считываемыми представителями разных культур, будут иметь разную эмоциональную окраску.

Разумеется, каждый художественный образ не обязан обладать символическим значением. Он может выполнять исключительно эстетическую функцию, использоваться в произведении для художественной выразительности и дополнительной экспрессии. Более того, художественное произведение может совсем не содержать в себе образность. В таких случаях речь идет о так называемой нулевой образности, которая характерна, в частности, для лирической и абстрактной поэзии [Лосев 1982].

Хотя сакральные пространства и тексты, несомненно, обладают художественной ценностью, изучая процесс создания сакральных произведений, а также особенности их восприятия реципиентами, уместнее оперировать таким термином, как «религиозная образность».

Согласно А. Д. Охоцимскому, религиозная образность отличается от художественной тем, что при создании художественных образов личность автора-творца выходит на первый план, в то время как для религиозных образов она является второстепенной, ведь автор произведения – всего лишь проводник, который придает трансцендентной сущности материальное воплощение. Кроме того, художественная образность, представляя собой эманацию личности автора, отражая его творческие интенции, ценностные и мировоззренческие установки, является по сути искусственным конструктом, создаваемым осознанно с целью выполнения определенных эстетических и коммуникативных функций. Религиозные образы, напротив, обладают такими характеристиками, как постоянство и традиционность. Религиозный образ почти не нуждается в рефлексии, ведь автор произведения сакральной направленности следует сложившемуся канону [Охоцимский 2016].

На определенном этапе мировой истории в традиционных обществах совокупность символических образов могла развиваться в разветвленную систему универсальных обозначений, используемых для объяснения и описания модели мира, а также места человека в нем. С течением времени, под влиянием технического прогресса и социокультурной динамики искусство неизбежно приобретает всё более светский характер. Смена философских и художественных парадигм приводит к тому, что многие сюжеты, мотивы и ранее табуированные темы десакрализируются. Таким образом, язык творчества, ранее «скованный» традициями и канонами, становится все разнообразнее, он живет и развивается по законам естественного языка, служит интересам автора, выражая в первую очередь его творческие интенции и художественную волю [Романова 2008].

Хотя обычно подобный поворот от надличностного к личностному, сакрального к профанному, религиозного к светскому происходит постепенно под влиянием множества факторов, нам кажется справедливым считать, что в некоторых культурах отношения между священным и мирским изначально складываются так, что становится

возможным развитие особого отдельного вида образности, которая диалектически сочетает в себе как индивидуальное, творческое, так и надличностное, каноническое. Образы, относящиеся к данному типу, можно назвать художественно-религиозными. Именно к этому типу образности допустимо отнести и традиционную образную систему, сложившуюся в Корее.

Традиционная корейская образная система

На примере Кореи мы можем подробно рассмотреть процесс семиозиса религиозно-художественной образной системы. Формирование традиционной образной системы в Корее происходило в несколько этапов. Первый этап связан с раннерелигиозными представлениями, широко распространенными на территории Корейского полуострова, такими как анимизм, тотемизм, шаманизм, вера в духов предков и т. д. Постепенно эти верования, «смешиваясь» с даосизмом, пришедшим из Китая, привели к формированию единой образной системы. Второй этап характеризуется трансформацией уже сложившегося образного языка под влиянием буддизма, который проник в Корею из Китая в IV в. н. э. благодаря деятельности странствующих монахов, которые переписывали тексты народных сказаний и шаманских песен, адаптируя их таким образом, чтобы они могли доступно изложить простым людям основы буддийской онтологии и философии. Буддизм определил культурный облик Кореи на сотни лет вперед, но его позиции были ослаблены, когда к власти в Корее пришла про-неоконфуцианская династия Чосон (1392–1910 гг.).

Хотя государство опасалось роста влияния сангхи и накладывало определенные санкции, призванные сократить сферу ее влияния, неверно было бы утверждать, что конфуцианская мысль и буддизм находились в оппозиции, поскольку считалось, что они отвечают за разные сферы человеческой жизни: буддизм воспринимался, скорее, как религия, а конфуцианство – как морально-этическое учение, регулирующее отношения в обществе [Волков 1985]. Таким образом, как мы видим, с точки зрения структуры традиционная образность в Корее представляет собой достаточно многогранное (или, вернее, многослойное) образование благодаря синкретизму традиционных верований и буддизма, а также влиянию конфуцианского учения.

Не удивительно, что многие традиционные образы обладают одновременно как символическими значениями, пришедшими из раннерелигиозных верований, так и смыслами, которыми их наделили буддизм и конфуцианство. Примером такого многозначного образа можно считать лотос (кор. 연꽃). В конфуцианстве лотос отождествляется с благородным мужем, обладающим всеми полагающимися ему качествами: скромностью, достоинством, чистотой и ясностью мыслей и т. д. Кроме того, лотос символизирует твердость убеждений, ведь его стебель не ломается под тяжестью крупного цветка. В буддизме лотос, как цветок, растущий в грязной стоячей воде, символизирует чистоту мыслей и просветленное сознание. Согласно традиционным представлениям корейцев, изображение лотоса может выступать в качестве талисмана, обладающего целым рядом благожелательных значений: повышение по службе, рождение многочисленного потомства и т. д. [Юн Елсу 2018].

Средствами традиционной образной системы, характерной для корейской культуры, оперируют не только фольклор и классическая корейская литература, но и изобразительные искусства, например декоративная живопись минхва (кор. 민화). Носители культуры, как правило, интерпретируют и транслируют такую образность в соответствии с ценностно-смысловым содержанием этнонациональной культуры. В то время как не-носители часто испытывают трудности, связанные с культурной дистанцией, расшифровкой чужого культурного кода, вовлеченностью в разного рода дискурсы и т. д., что не позволяет им извлечь все возможные смыслы, заложенные в традиционные образы.

Как мы видим, задолго до того, как постмодернизм открыл возможности для творческого переосмысления ранее табуированных тем, позволил свободно обращаться к сакральным образам и символам вне религиозного контекста, традиционная образность в Корее была доступна для творческого осмысления и активно использовалась даже в произведениях и художественных объектах, обладающих утилитарным характером, несмотря на содержание религиозного компонента.

Возможно, подобная толерантность корейской традиционной образной системы заключается в том, что классическое искусство в Корее на протяжении долгого времени придерживалось определенных

канонов, так или иначе подчиняющих себе творческие интенции создателей художественных и литературных произведений.

Думается, свою роль также сыграли адаптивные способности буддизма, обусловленные тем, что буддизм, в отличие, например, от авраамических религий, не имеет единого Бога-творца, единого канона текстов и общих для всех школ догматов, а потому, как следствие, не имеет ересей. [Лысенко 2003] Буддизм в Корею стал частью синкретичной системы верований, обогатил традиционную иконографику и народный фольклор, способствовал формированию системы ценностей, понятной народным массам, а также централизации власти – одним словом, буддизм укоренился во всех сферах корейского общества.

Принимая во внимание особенности культурной динамики конца XX – начала XXI вв., изменение мировоззренческих ориентиров, поворот к западной философской мысли (в частности, гуманизму), произошедший в вышеуказанный исторический период, а также влияние глобализационных процессов, можно считать, что в настоящее время традиционная корейская образность всё реже воспринимается реципиентами не-носителями культуры как религиозная, но вместе с тем она ассоциативно неразрывно связана с культурным обликом Кореи и ее имиджем.

Переход от классики к неклассике в изобразительном искусстве и литературе, отказ от строгих канонов в пользу постмодернистской парадигмы в художественной культуре подтолкнул автора-творца к переосмыслению религиозной традиции. При создании художественных и литературных произведений авторы всё чаще учитывают запросы глобального рынка потребления, поскольку от уровня подготовленности среднестатистического реципиента зависит успех и популярность их творений.

Таким образом, произведения с традиционным, в том числе – буддийским, компонентом благодаря вышеуказанным трансформациям становятся всё более доступны реципиентам, принадлежащим к отличным от корейской культурам.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод, что религиозно-художественная образность представляет собой особенный отдельный вид образности, диалектически сочетающий в себе не только

характеристики сакрального, надличностного, но и профанного, индивидуального. Такая образность характерна для художественных произведений светского характера, которые, тем не менее, не до конца отступили от устоявшихся канонов, связанных, как правило, с духовной традицией.

К данному типу образности можно отнести и корейскую традиционную образность, в частности – образы, содержащие в себе буддийский компонент. Синкретичность и адаптивность традиционной образной системы позволила сосуществовать в рамках классической образности смыслам, пришедшим из разных религиозно-философских и морально-этических учений. Более того, эта классическая образная система успешно приспособилась к требованиям современности, сохраняя свою актуальность и значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Волков С. В.* Ранняя история буддизма в Корее (сангха и государство). М.: ГРВЛ, 1985. [Volkov, S. V. (1985). *Rannjaja istorija buddizma v Koree (sangha i gosudarstvo)* (Early History of Buddhism in Korea (Sangha and State). Moscow: GRVL. (In Russ.)].
- Лосев А. Ф.* Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л.: Наука, 1982. С. 31–65 [Losev, A. F. (1982). Problema variativnogo funkcionirovanija zhivopisnoj obraznosti v hudozhestvennoj literature (The problem of variative functioning of painting images in literature). (pp. 31–65). *Literatura i zhivopis'*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)].
- Лысенко В. Г.* Ранний буддизм: религия и философия: учебное пособие. М.: ИФ РАН, 2003. [Lysenko, V. G. (2003). *Rannij buddizm: religija i filosofija*. (Early Buddhism: religion and philosophy). Textbook. Moscow: IF RAN. (In Russ.)]
- Охоцимский А. Д.* Образы-парадигмы в религиозной культуре // Вопросы культурологии. 2016. № 8. С. 36–44. [Ohocimskij, A. D. (2016). *Obrazy-paradigmy v religioznoj kul'ture* (Paradigm-images in religious culture). *Voprosy kul'turologii*, 8, 36–44. (In Russ.)].
- Роднянская И. Б.* Художественный образ // Философская энциклопедия (ФЭ). Т. 5. М., 1970. С. 452–455. [Rodnjanskaja, I. B. (1970). *Hudozhestvennyj obraz* (Imagery). (pp. 452–455.). In *Filosofskaja jenciklopedija* (FJe). Vol. 5. Moscow. (In Russ.)].
- Романова С. И.* Художественный образ в пространстве семиотических отношений // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.

- № 6. М., 2008. С. 28–38. [Romanova, S. I. (2008). Hudozhestvennyj obraz v prostranstve semiotičeskikh otnošenij. (Images and semiotic relationships). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija*, 6, 28–38. (In Russ.)].
- Юн Елсу. Характерные особенности корейской народной живописи минхва // Территория земных надежд: корейская декоративная живопись XIX – начала XX века. Сеул: Издательство Корейского фонда, 2018. С. 142–151. [Jun Elsu. (2018). Harakternye osobennosti korejskoj narodnoj zhivopisi minhva (Essential features of Korean folk painting). In *Territorija zemnyh nadezhd: korejskaja dekorativnaja zhivopis' XIX – nachala XX veka* (pp. 142–151). Seoul: izdatel'stvo Korejskogo fonda. (In Russ.)].

УДК 130.2 (61)

М. В. Николаева

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры восточных языков МГЛУ;
e-mail: losmarinik@mail.ru

**«КАРИ АРАБИЙЯ ВА ФРАНСИЙЯ»
(исторические особенности образования
в странах арабского Магриба и проблемы самоидентификации)**

В статье рассматриваются некоторые существенные черты традиционной культуры и системы образования региона арабского Запада в их историческом континууме, и в контексте специфики восприятия западноевропейской культурной традиции в современных странах Магриба.

Ключевые слова: арабская культура; литература; страны Магриба; школы; берберы; кабилы; полилингвизм; духовно-эстетическое наследие; идентичность; французский язык; цивилизация Запада.

M. V. Nikolaeva

PhD (Philology) Associate Professor, Department of Oriental Languages,
Moscow State Linguistic University; e-mail: losmarinik@mail.ru

**HISTORICAL PARTICULARITIES OF EDUCATIONAL PROCESSUS
IN THE ARAB MAGHREB COUNTRIES
AND IDENTITY PROBLEMS**

The article studies some essential features of the traditional culture paradigms and educational system in the Arab West region in its historical approach and in the context of the specific perception of West European culture in modern Maghreb countries.

Key words: Arabic culture; literature; Maghreb countries Berbers; Kabila; schools; polilingualism; spiritual and aesthetic heritage; identity; French language; Western civilization.

Разве можно быть персом?
Монтескье. «Персидские письма»

Исторические особенности формирования самобытной культуры стран арабского Запада – Магриба обусловили специфику ее взаимодействия с европейской культурной традицией. Существенным фактором такого взаимодействия является берберское население региона. Берберы (имазигены – «свободные люди»), древнейший субстрат

Северной Африки, принадлежащий к белой расе, появились на этих землях 11 тысяч лет назад. Их наследниками стали и древние египтяне, и финикийцы, положившие начало истории современного Магриба. Берберы и кабилы и сегодня составляют более четверти населения стран арабского Магриба (около 50% берберов проживают в Марокко, 30% – в Алжире, еще 20% – на территориях современного Туниса, Ливии и Египта).

История вопроса

В IX–XIV вв. оформляются основные элементы магрибинской культуры как духовно-материального синтеза традиций различных групп населения – берберов, кабил, потомков финикийцев и других коренных и пришлых групп населения, освоивших арабский язык и религию ислама при сохранении и активном использовании в быту берберских наречий и постепенном формировании специфического магрибинского диалекта. Дворы магрибинских правителей принимали ученых и философов, строителей и музыкантов, поэтов и улемов со всех концов обширного пространства Арабского Средиземноморья. Освоение классической арабской филологической традиции отражает и распространенная в учебных заведениях стран Магриба вплоть до XX в. нормативная грамматика «Аль-Аджрумийя», составленная марокканским автором, бербером по происхождению Ибн Аджрумом (1273–1323).

В то же время социополитическая раздробленность XIII–XV вв. сопровождалась и духовной, религиозной раздробленностью, оживлением древних локальных анимистических верований, культов местных святых, дервишеских и суфийских орденов, которые и сегодня широко известны нам в марабутском инварианте магрибинского ислама. Традиция безусловной преданности конкретному ученому шейху-наставнику (*вилая*) для следования по пути духовного спасения постепенно заменяется характерным для магрибинской культуры индивидуалистическим стремлением к самостоятельному знанию и поискам знания и истины (*ильм, хакк*), а разнообразные практики коллективного поклонения (*зикра*) воспринимаются как нарушение общепринятой практики индивидуального поклонения Аллаху. Усиливавшиеся тенденции социального и культурного застоя сопровождались стремлением правящих кругов Магриба использовать в противостоянии многочисленным

еретическим центрам духовной жизни ортодоксальное мусульманское духовенство. В его ведение была полностью переведена система образования в мусульманских школах – *медресе*, что ставило под религиозный контроль научные исследования и распространение рационалистических течений общественной мысли.

Вплоть до XX в. в традиционных мусульманских школах Магриба, как и во всем остальном Арабском мире, преподавание заключалось прежде всего в заучивании наизусть сур Корана. На следующей стадии в учебных центрах, называемых *завия* (араб. уголок, кружок), кроме Корана изучали также грамматику арабского языка, толкование хадисов, шариатское право и обрядовые практики ислама. Эти *завия*, представлявшие собой своего рода закрытые религиозные центры марабутских братств, вплоть до наших дней не утратили окончательно своих функций религиозных центров и средних учебных заведений. В первые годы французского колониального завоевания они стали также и центрами активного сопротивления оккупации, а впоследствии и ареной острой идейной борьбы между сторонниками духовного обновления учеными *улемами*-реформаторами и традиционалистами-*марабутами*. Хотя в 1850 г. в Алжире, Константине и Тлемсене была разрешена деятельность арабских школ-*мадраса* под строгим контролем французской администрации, мусульманское образование в регионе в целом постепенно приходило в упадок. К началу Второй мировой войны число учащихся в этих трех школах не превышало двухсот. Политика ассимиляции и закрытие арабских школ мешало распространению грамотности и сохранению традиционной культуры, которая становилась объектом систематической дискредитации даже среди самих ее носителей, получавших образование в организованных в странах Магриба французских школах. Создание в 1931–1935-х гг. Ассоциации улемов Алжира основоположником реформаторского движения в Магрибе шейхом Абд аль-Хамидом бен Бадисом (1889–1940) способствовало активизации борьбы с неграмотностью путем создания частных арабских школ-*мадрас*, и некоторой модернизации образовательного процесса. Однако вся эта просветительская деятельность на базе его знаменитого тезиса «Алжирская нация – не Франция, не хочет и не может ею быть» наталкивалась на многочисленные препятствия со стороны французской администрации [Ланда 1977, с. 77].

В результате многовекового культурного застоя хранителями литературного наследия на арабском языке оставались уцелевшие в среде схоластически образованного населения городов *завия* и некоторые мечети, в которых шейхи передавали начальные знания группам учеников, отправлявшихся затем Константину Фес или Тунис для продолжения обучения. Появившаяся арабская пресса стран Магриба, как и вся литература на арабском языке, отличалась использованием простого, понятного немногочисленным грамотным читателям литературного языка, поисками национального духа и антиколониальными настроениями, обращением к истории региона в противостоянии политике культурной ассимиляции, активно проводимой французскими оккупационными властями.

Французские школы в Магрибе

Первые французские школы в Алжире стали появляться после катастрофического поражения кабилских племен при Ишеридене, подавления французскими войсками восстания в 1871 г. непокорного племени Айт Иратен и установления колониального контроля над образовательным процессом и интеллектуальной жизнью разнородного общества. Это стало тяжелым ударом для переживавшего к тому времени затяжной упадок традиционного арабского образования. Роль французских школ в магрибинской культуре неоднозначна. Существует немало свидетельств о том, как правоверные прадеды современных магрибинцев всеми силами старались избавить своих чад от пагубного инородного влияния иноверцев-румийцев – так арабы обычно называли и римлян, и византийцев, а впоследствии и всех европейских завоевателей. И это понятно – ведь как не быть недоверчивым к тому, что преподносится на остриях штыков? [Культура современного Алжира 1961, с. 19]. Официальная статистика утверждает, что в Алжире накануне Второй мировой войны только 110 тыс. их 1250 тыс. детей школьного возраста (т. е. около 10%) посещали школы, а президент Французской республики того времени Венсан Ориоль заявлял, что следует избегать подготовки национальной арабской и кабилской интеллигенции, ориентируя колониальные власти лишь на получение из мусульманского населения квалифицированной рабочей силы. К концу французского колониального владычества в 1954 г. школы посещали только 15% алжирских детей. При этом многие ученики

французских школ одновременно продолжали посещать коранические школы, которые давали возможность в самых начальных формах сохранять элементы национальной духовной традиции.

Занятия в коранических школах длились каждый день, кроме пятницы, с шести до семи с половиной часов утра, чтобы желающие успевали к урокам во французских школах. Для не посещавших французские школы, занятия продолжались до одиннадцати часов утра. Палочками, которые макали в чернила, ученики выводили арабские буквы коранических сур, начертанных карандашом шейха, затем под его диктовку начинали их переписывать, выделяя долгие и краткие гласные под устные разъяснения элементарных правил орфографии. Лучших учеников поощряли к заучиванию самых длинных сур. Коллективное повторение начиналось за полчаса до окончания урока: все ученики хором читали Коран и того места, на котором остановились накануне, начиная с суры, которую знал преподаватель и лучшие из учеников. По мере перехода к более коротким сурам к этому хору подключались все новые и новые чтецы... Хотя полтора-два года подобного заучивания не давали ученикам ни полного понимания смысла Корана, ни адекватных современности сведений о священной истории, религиозных принципах и обрядах ислама, посещение этих коранических школ не воспринималось ими как принуждение. По свидетельству многих школьников, оно было естественным процессом, тесно связанным с обычаями их родной среды, в которой они чувствовали себя гораздо свободнее, чем во французской школе [Культура современного Алжира 1961, с. 22].

Впоследствии французские власти стали назначать во французских школах (посещение которых было обязательным для всех детей школьного возраста под угрозой наказания их родителей) учителей арабского языка (*мударрисов*) и закрывать коранические школы. Парадокс ситуации заключался в том, что дети магрибинцев во французских школах, помимо обязательного французского, должны были по их собственному желанию выбирать для изучения какой-либо «иностранный» язык, в качестве которого им предлагались английский, немецкий, испанский, итальянский или... арабский! Но, в отличие от других языков, система преподавания арабского обычно находилась на весьма низком уровне. Она сводилась к чтению рассказов о животных, историй о Синдбаде-мореходе и других героях народных сказок

или небольших текстов о приключениях бедуинов, уступая по уровню обучения языку даже начальным классам традиционных *медресе*. Лишь немногие арабские учителя-энтузиасты были способны в таких условиях раскрыть для школьников все глубины национальной словесности, когда большинство учителей закрытых французами арабских школ бежали в непокоренные районы, вступив в ряды движения сопротивления.

Можно говорить о том, что коранические школы, *медресе* и *завия*, сыграли свою важную роль в национальном образовании в эпоху, когда в странах Магриба не существовало других учебных заведений, где можно было бы получить образование, научиться писать и читать на арабском языке. Благодаря кораническим школам, получаемое из детьми французское образование не стало простым «заполнением вакуума», спасая их от слепого преклонения перед французской культурой [Культура современного Алжира 1961, с. 25]. Поэтому предания о мече Роланда Дюрандале в сознании первых арабских школьников уступали место таившимся в глубинах национальной памяти впечатлениям о Зу-ль-Факаре – заговоренной раздвоенной сабле праведного имама Али (халиф в 656–661 гг.), одним ударом рассекавшей пополам сотню всадников с лошадьми, а прекрасные графические иллюстрации раздумий Роланда в Ронсевальском ущелье не могли соперничать с лубочными картинками на стенах коранических медресе, изображавшими жертвоприношение Авраама, святыни Каабы в священной Мекке или волшебного крылатого конька Бурака, парящего с пророком над Иерусалимом.

Живая творческая атмосфера французских школ, множество новых предметов и современных естественно-научных знаний о строении окружающего мира и истории человечества с трудом уживались в сознании арабских школьников со священными легендами и древними традициями, прочно сохранявшимися в сознании как орнаментальные украшения старых домов, придающие неповторимую индивидуальность и подлинность их обветшалым стенам. «Беря под защиту индивидуальность (часто даже в ее прогрессивных аспектах) и требуя уважения к ней, система туземного преподавания фактически имела целью преобразовать эту индивидуальность на свой лад, выхолостить ее национальное содержание» – писал алжирец Садек Хаджерес [Культура современного Алжира 1961, с. 28].

Увлекательные рассказы французских учителей о друидах и галлах, скряге Людовике XI и короле-Солнце Людовике XIV, о героических подвигах рыцаря Баярда и Орлеанской Девы Жанны д'Арк, о несущих гуманизм и прогресс храбрых французских солдатах и колонистах, противостоявших натиску нецивилизованных сторонников фанатичных марабутов Сиди Брахи́ма, не могли не вызывать в сознании магрибинской молодежи вопросы о том, где же были тогда их собственные предки? Что происходило с их странами, остававшимися лишь воспоминаниями в памяти дедов и отцов, в легендах и страшных сказаниях о людоедах и джиннах? Кто были те, кто остановил войска Карла Мартелла в битве при Пуатье, кто столетиями правил королевствами на землях Андалусии? Кто отвоевал Святые Земли в войнах с крестоносцами и бороздил просторы Средиземноморья на пиратских галерах?

Сравнивая положение своих стран с положением других государств, отмеченных на французском географическом атласе, магрибинцы вплоть до середины XX столетия обнаруживали их необъяснимое отсутствие в иллюстрированной истории Ларусса, где были изображены флаги всех стран мира, стремясь найти объяснение исчезновению в этом странном культурном пространстве всех следов своей собственной затерянной в песках родины.

Знаменитая фраза Монтескье «*Разве можно быть персом?*», глубоко запавшая в сердца изучавших во французских школах философию Монтеня, Вольтера и Руссо магрибинцев, парадоксальным образом сочеталась в этой системе образования с пониманием единства процесса познания, движения человеческой мысли, так что басни Эзопа и Лафонтена отзывались в сознании поразительным родством с фольклорными мотивами берберских, кабийских и арабских сказок, преданий и легенд.

В старших классах изучение истории и географии невольно давало возможность более широкого взгляда на место и роль мусульманской цивилизации в мире, а знакомство с идеями Французской революции и Декларацией прав человека и гражданина не могло не вызывать в среде учащихся колониальных школ закономерных вопросов об объективности преподавания, выливаясь порой в острые и трагические дискуссии. Радость от приобщения ко французской и мировой культуре и литературе, от расширения кругозора

и познания достижений современной научной мысли омрачалась осознанием открытого недоверия властей к творческим возможностям и национальному культурному наследию тех, кого называли «туземным населением», лишенным дальнейших перспектив современного развития. Ассимиляторские тенденции в образовании в странах Магриба продолжались в жизни и сознании интеллигенции на протяжении многих десятилетий XX века [Культура современного Алжира 1961, с. 28].

Становление национального самосознания происходило в ожесточенной борьбе между *улемами*-реформаторами и традиционалистами-*марабутами*. Конфликты возникали между стариками и молодежью, учащимися частных медресе охваченными жаждой современных знаний. Французские школы пополняли ряды новых выпускников «Зитуны» в Тунисе или Института Бен Бадиса в Константине. Появлялись новые арабские слова, которые в период французской колониальной оккупации можно было произносить только шепотом: «независимость» «свобода», «родина», «империализм».

Интеллектуальные потрясения, вызванные насильственным знакомством молодого поколения традиционного арабского общества с европейскими гуманитарными дисциплинами, с достижениями французской научной и социальной мысли, до сегодняшнего дня оставили неразрешимые проблемы в духовной жизни и сознании современных маггрибинцев, когда традиционное обозначение грамотного, образованного человека *кари ситтин хизеб* (изучивший шестьдесят глав Корана) постепенно сменяется на *кари аль-фарансийя ва-ль-арабийя* (читающий по-французски и по-арабски).

Проблемы идентичности в современном Магрибе

Современное поколение молодых маггрибинцев унаследовало существовавший течение многих поколений конфликт между французской и традиционной арабской культурами. Ведь если последняя служила опорой и основой сохранения национальной идентичности в противовес попыткам культурной ассимиляции, то сам рационализм и неоспоримые интеллектуальные достижения французской творческой мысли во многом способствовали утверждению современного понимания национального достоинства народов Магриба, освобождая их от бремени антинаучного застоя .

Серьезным фактором культурной жизни была и остается до наших дней языковая раздробленность. Большинство населения стран современного Магриба говорит в своих семьях по-кабийски или на различных инвариантах берберских диалектов *тамазиг*, на улице – на разговорных арабских, диалектах, а в школах изучает французский и официальный государственный литературный арабский язык. На нем же составляются все документы, программы радио и официальных СМИ, в то время как в повседневной культурной жизни, на рынках, в кино и на эстраде обычно звучат местные арабские диалекты. Французский язык остается языком науки, культурных и официальных контактов с современным открытым миром. Он используется и военно-технической сфере в сочетании с разработанными терминами на арабском литературном языке (*аль-фусха*). На практике же повседневное общение населения происходит одновременно на разговорном арабском, кабийском или берберском инварианте одновременно с использованием множества французских «вкраплений», парадоксально называемых учеными-лингвистами «варваризмами»!

Проблемы идентичности также рассматриваются в современном Магрибе в двух принципиальных аспектах: модернистском и традиционалистском – в его сложном тройственном комплексе арабского, исламского и имазигенского (кабило-берберского) дискурса при активной поддержке со стороны различных арабских, исламских или берберских фондов. Для традиционалистских элит признанным достоинством является только авторитет религиозных наук и мусульманских священных текстов, *хадисов*, норм традиционного *фикха* и *шариата*. Общественными и индивидуальными ценностями понимаются религиозные добродетели, а идеальным языком – классический арабский язык Аллаха и священной Книги. Общественные группы, открытые западной культуре, понимаются как враждебные объекты священной войны, носители чуждых ценностей вроде рационализма, феминизма, социальных и личных свобод или парламентского либерализма... Целью культуры и образования провозглашается лингвистическая и когнитивная исламизация общества (*аслямат аль-муджтама*) [Антология берберской литературы (Марокко) 2005, с. 9]. Языком обучения представляется исключительно классический арабский (*аль-фусха*), т. е. язык Корана в его лексической и морфосинтаксической чистоте, а не современный арабский язык, понимаемый как измененный

в ходе длительного контакта с иностранными языками (персидским, турецким – *люгат аль-аджам*) или диалектами (*аль-аммийят*). Западные языки не исключаются, но могут вводиться лишь со второго уровня среднего образования как отдельные предметы или как языки специализации в высшем образовательном звене. Ряд сторонников подобного метода поддерживают возможность преподавания также и берберского языка (тамазиг) при обязательном условии, что его знание будет способствовать усвоению догм и культуры ислама.

Такое образование определяется исключительно как религиозное на протяжении девяти лет основного образовательного цикла, сконцентрированного на заучивании и экзегетике Корана, принципов ислама и навыков владения классическим арабским языком, приобретении языковых компетенций, необходимых для чтения коранических текстов. Лишь после такого исламизированного цикла ученики приступают к изучению различных наук и технологий, приоритетными из которых считаются медицина и другие профессии, способствующие улучшению условий жизни людей. Такие общедоступные школы Магриба в рамках интегрального проекта все больше приобретают ограничительные функции, становясь источниками деклассирования молодежи, оказывающейся вне рамок реальных социальных потребностей и культурных парадигм современного мира, лишенной способности адекватно отвечать на реальные вызовы XXI в.

Существенным фактором социокультурной жизни современного Магриба не может не являться берберский дискурс (амазиг), при всей специфичности его реального присутствия в пространстве современной арабо-мусульманской и западной культуры. Культура имазигенов (кабилов, берберов, туарегов Сахары) остается одной из базовых постоянных составляющих реальной истории и современного положений стран Магриба, интегрируется в народную культуру региона часто в противовес традиционной арабской или прозападной культуре местных национальных элит. Сегодня берберы-имазигены отстаивают свое законное право на культурное и языковое разнообразие как неотъемлемую часть основных демократических прав и свобод человека.

Фактор присутствия в странах Магриба языка и культуры берберов, несомненно, составляют существенную основу диалектики его языкового и культурного развития и в XXI столетии, противопоставляя себя

однозначной ограниченности *салафитского* ислама и непреклонному диктату арабского языка реформаторов-шовинистов, отстаивая исторические права и самобытность неарабских народов региона. Магрибинцы в подавляющем большинстве своем объединены сегодня в рамках религиозной принадлежности к мусульманской общине, политической гражданской лояльности в рамках отдельных стран и культурно-языковой арабской или берберской идентичности. Для большинства населения повседневной реальностью остается диглоссия, или арабско-берберский билингвизм, при неизбежном присутствии языка «Другого», которым остается прежде всего французский.

Интеллектуальная модернизация, которую должно пройти современное общество в странах Магриба, чтобы не исчезнуть с исторической арены, не может игнорировать фактор символического и реального присутствия в нем самой французской цивилизационной компоненты. Ведь истоки культурной отсталости современного магрибинского общества скрываются в кризисном состоянии самой национальной культуры доколониального периода с ее кастовой замкнутостью и консерватизмом традиционных парадигм, которые веками воспроизводила закосневшая система передачи знаний в различных *завиях* и *медресе*, коранических школах и университетах вроде Карауин или Зейтуны с их схоластической практикой бесконечного заучивания и комментирования одних и тех же религиозных текстов, мусульманского права и риторики как основной сущности предоставляемого ими обучения. Оно не оставляло места ни для модернизации знаний, ни для освоения точных и естественных наук. Главными характеристиками этой системы были догматизм, абстрактность и конформизм, несовместимые с великими достижениями арабо-мусульманской цивилизации периода до начала ее деградации с XV в. Ведь еще в доколониальный период истории Магриба его система образования служила для воспроизводства кадров социальной иерархии, базирующейся на политическом авторитаризме, где отношения учителя (*алим*, *муаллим*) и учащегося (*талиб*) строились как суровый ритуал поведения хозяина и подчиненного послушника.

Заключение

Исторический взгляд на проблемы современной культуры стран Магриба предполагает неизбежность интеграции в пространство

западного либерализма для модернизации современного сознания и условий жизни населения, вписывая национальную самобытность в общий процесс развития всеобщей истории, на основе традиций, заложенных еще великим историком Ибн Халдуном. Необходимость соединения арабо-мусульманской и западной либеральной культурных парадигм предполагает свободное владение как арабским, так и иностранными языками, синтез национальных и международных интеллектуальных институтов.

Многокультурность и многоязычие становятся двумя сторонами общей культурной практики интеркультурализма, разнообразие традиций понимается как основа современного Магриба, а многоязычие неожиданно становится возможностью выразить себя на двух или нескольких языках, источник интеллектуального обогащения, когда возникающий диалогизм нескольких языков способствует развитию внутренних сторон личности говорящего.

Культурные парадигмы современных стран Магриба, в рамках которых существует и развивается система образования, строятся на реальности существенных противоречий между традицией и стремлением к модернизации, специфичностью национальной самобытности и универсализмом. Поиски путей преодоления конфликта этих разнонаправленных тенденций в интересах самых широких общественных групп со всем историческим комплексом их духовных и материальных запросов возможно лишь на основе национального консенсуса современного гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антология берберской литературы. Берберы. Т. I–IV. Кабилы Марокко; Т. I–II Туареги / ред. С. В. Прожогина. М.: ИВ РАН, 2001–2011. [Prozhogina, S. V. (2001–2011). *Antologija berberskoj literatury* (An Anthology of Berber literature). Berbery. Vols. I–IV. Kabily Marokko. Vols. I–II Tuaregi. Moscow: IOS RAS. (In Russ.)].
- История национальных литератур Магриба / ред. С. В. Прожогина. Т. I–III. М.: Наука, 1993. [Prozhogina, S. V. (1993). *Istoria nacional'nyh literatur Magriba*. (History of Magrhreb national literatures). Vols. I–III. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Культура современного Алжира: сб. статей. М.: Издательство восточной литературы, 1961. [Kultura sovremennogo Alzhira. (Culture of modern Algeria). (1961). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. (In Russ.)].

- Ланда Р. Г. Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918–1931 гг. М., 1977. [Landa, R. G. (1977). *Pod'em anticolonial'nogo dvizhenia v Alzhire v 1918–1931 gg.* (Rise of Anti-colonial movement in Algeria in 1918–1931). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Прохожина С. В. Магриб: франкоязычные писатели 60–70 годов. М.: Наука, 1986. [Prozhogina, S. V. (1986). *Magrib: francojazychnye pisateli 60–70 godov.* (Maghreb: Francophone authors of 60–70s). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Орлов В. В. Материалы доклада на Конференции арабистов ИВ РАН. Ноябрь, 2019. [Orlov, V. V. (2019). *Materialy doklada na Konferencii arabistov IV RAN.* (Proceedings of the IOS RAS conference on Arabic studies). November, 2019. (In Russ.)].
- Суад Масси Я ravi... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xX0k5jjTrMI> (дата обращения 17.05.2020) [Souad Massi JA Raoui... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xX0k5jjTrMI> (last accessed 17.05.2020)].

УДК 316.7

Е. И. Тарасова

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет; e-mail: tanchang93@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АККУЛЬТУРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ШАНХАЕ В XXI ВЕКЕ

В статье анализируется тема современной российской диаспоры в Шанхае, особенности «аккультурации» представителей шанхайской диаспоры в XXI веке, а также перспективы развития этой темы. Раскрывается понятие аккультурация и связанные с ней термины, описываются методологические основания написания статьи (теория аккультурации, феномен культурного шока). Кроме того, раскрывается метод глубинного интервью и его последующего анализа. Статья является результатом полевого исследования (глубинные интервью с последующим анализом и интерпретацией), проведенного в 2017 году во время учебной поездки в город Шанхай.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; аккультурация; современная русская диаспора в Шанхае; культурное наследие; Русский клуб в Шанхае.

E. I. Tarasova

Department of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University, Lecturer;
e-mail: tanchang93@mail.ru

THE SPECIFICS OF ACCULTURATION OF MODERN RUSSIAN RESIDENTS IN SHANGHAI IN XXI CENTURY

The report analyses the topic of modern Russian residents in Shanghai, their cooperation and cultural activities. The report also touches upon types of acculturation, associated terms and methodological bases of investigation. The report aims defining the specifics of acculturation types of modern Russian diaspora in Shanghai (which is the consequence of in-depth interview with nominees). The research accomplished in 2017.

Key words: cross-cultural communication; acculturation; modern Russian residents in Shanghai; Russian diaspora; cultural heritage; Russian club in Shanghai.

Введение

Цель статьи – раскрытие понятия «аккультурация», а также применение этого термина по отношению к современной русской диаспоре в Шанхае.

В статье рассматривается деятельность современных россиян, проживающих в Шанхае. С помощью анализа глубинных интервью, проведенных у современных россиян, проживающих в Шанхае (2017), будет определена основная стратегия аккультурации, присущая современным россиянам, проживающим в этом городе.

Для исследования нами был выбран город Шанхай, как один из крупнейших городов Китая, многонациональный центр культуры, в котором когда-то проживало значительное количество русских эмигрантов (1920–1940-е года). Автором выделяется этот город (Шанхай) для более детального изучения и выявления специфики жизни диаспоры в конкретном регионе.

Раздел I. Методологические основания исследования

В данной статье раскрывается понятие аккультурации представителей современной российской диаспоры. Процесс аккультурации изучает такая дисциплина, как межкультурная коммуникация, а также культурология. В отечественной культурологии аккультурация определяется, как «процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции у другой (у культуры-донора)» [Хоруженко 1997, с. 18].

По теории аккультурации Дж. Берри, данный процесс связан с вопросами сохранения культуры и участия в межкультурном взаимодействии. Факторов, влияющих на адаптацию в принимающем сообществе, существует большое количество, они включают в себя пол, возраст, религию, образование, язык, мотивы для миграции.

В зависимости от влияния параметров адаптации выделяют четыре стратегии аккультурации: интеграция, сепарация, ассимиляция, маргинализация. Дж. Берри выделяет два основных фактора, от которых зависит стратегия аккультурации: 1) стремление наладить взаимоотношения с представителями принимающего сообщества и 2) проблема сохранения культуры, наследия и самобытности.

Согласно Дж. Берри, «интеграцией является тот вид аккультурации, в процессе которого эмигранты сохраняют особенности своей культуры, в то же время стремясь стать частью культуры общества, в котором они находятся» [Berry John 1997, с. 9]. Итогом такого типа аккультурации, как интеграция является приспособление представителей

культуры мигрантов и представителей принимающего сообщества, а также адаптация мигрантов к жизни в среде другой культуры.

Ассимиляция – тип аккультурации, при котором человек чувствует себя частью новой культуры, а также отрицает культуру, к которой принадлежал до миграции или переезда.

Сепарация означает, что мигранты, или люди, живущие значительный период времени в другой стране, отрицают свою принадлежность к культуре большинства, сохраняют национальное и культурное самосознание.

Если человек не может почувствовать себя частью культуры этнического большинства или меньшинства, его типом аккультурации, скорее всего, будет маргинализация. Причин для маргинализации несколько: «Это может быть следствием отсутствия возможности (или интереса) поддержания культурной идентичности (часто из-за вынужденных или навязанных культурных потерь) и отсутствия желания установления отношений с окружающим обществом (из-за отвержения доминирующей культурой или дискриминации)» [Ионцев, Лебедева, Назаров, Окороков 2001, с. 159].

Аккультурация неразрывно связана с ощущениями, возникающими у группы людей или одного индивида при вхождении в инокультурную среду. Попадание в другую культурную среду часто вызывает ряд негативных эмоций. Психологическая потерянности и дезориентация (в приложении изучения аккультурации) называется культурным шоком. Понятие «культурный шок» было введено К. Обергом. Он отмечал, что «вхождение в новую культуру может сопровождаться рядом неприятных ощущений» [Oberg 1960, с. 13]. Например:

- «дискомфорт при общении с представителями культуры принимающего сообщества;
- чувство одиночества в новой инокультурной среде, которое впоследствии может перейти в отрицание этой культуры;
- тревога от осознания культурных различий и неспособности преодолеть «культурный шок»;
- психическое потрясение, иногда перерастающее в физический дискомфорт» [Oberg 1960, с. 14].

Причины «культурного шока» кроются в непохожести культур. В каждой культуре существует определенный набор символов и образов, посредством которых человек действует в различных ситуациях.

Находясь в другом культурном поле, установки и ценности родной культуры становятся далекими, в другой культуре они могут трактоваться совершенно иначе. Таким образом, одной из причин возникновения культурного шока может являться столкновение культур и подходов общения.

Культурный шок развивается ступенчато. Первая стадия – «инкубационная»: человек получает удовольствие от всего, что видит и делает, может испытывать чувство эйфории, получает новые (в основном, положительные) эмоции.

Вскоре после этого наступает вторая стадия. Человек может сталкиваться с мелкими неудачами в повседневной жизни. Например, трудности в коммуникации. Появляется расстройство, нетерпеливость и чувство некомпетентности. Данная реакция на процесс адаптации в новой культуре может считаться совершенно нормальной.

На третьей стадии появляется понимание новой культуры. Человек может снова испытать чувство удовлетворения, достигается определенный уровень равновесия. Человек более ли менее понял новую культуру и теперь стремится или не стремится стать ее частью.

К началу четвертой стадии человек готов признать, что у новой культуры есть различные черты (положительные и отрицательные), он понимает, что может стать частью культуры или что ему непонятна данная культура.

Пятая стадия – «шок по возвращении на родину». Данная стадия наступает, если человек возвращается на родину. Некоторые люди замечают, что на родине все изменилось и отличается от того, что человек знал до отъезда, т. е. он открывает для себя заново родную культуру.

Люди по-разному реагируют на эти стадии, поэтому некоторые стадии могут протекать очень быстро, а могут длиться очень долго. На прохождения культурного шока влияет множество факторов: тип личности, состояние психического здоровья, социально-экономические условия, опыт длительных поездок за границу, поддержка, знание языка, уровень образования и знание культуры страны.

По прохождении человеком стадий культурного шока можно говорить о выборе определенной стратегии аккультурации. Иногда человек проходит не все стадии культурного шока.

Автору статьи важно отметить, что современные россияне, проживающие в Шанхае, являются диаспорой, а именно – это: «культурно

отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» [Тишков 2000, с. 46]. Отличительные особенности русской диаспоры в Шанхае мы сможем увидеть в следующих разделах статьи.

Раздел II. Русская диаспора в Шанхае

В начале данного раздела автор не может не отметить богатой истории и культуры русской эмиграции XX века.

На протяжении XX века русская эмигрантская диаспора в Китае, в частности в Шанхае, ввиду различных политических и культурных факторов не раз изменялась. В 1920–1930-е гг. большая часть русского населения стекалась в Шанхай из России, а также и с Севера Китая, впоследствии это привело к расцвету русской культуры в Китае. К 1930–1940 гг. в Шанхае была упорядочена религиозная жизнь, включая регулярные богослужения; была организована деятельность различных творческих объединений и кружков, открывались учебные заведения, научно-просветительские организации.

Говоря о современной русской диаспоре, необходимо упомянуть русское клубное движение. Оно начало развиваться в Китае с начала XXI века. Активная деятельность русского клуба в Шанхае (РКШ) стала стимулом для создания объединений русских соотечественников по всему Китаю: в Пекине, Гуанчжоу, Гонконге, Харбине, Урумчи.

Русский клуб в Шанхае был основан 9 декабря 1998 г., главная цель его создания – сплотить русских, проживающих в многомиллионном китайском городе, чтобы чаще общаться и встречаться вместе, для поддержания и сохранения духовных, национальных и культурных традиций, «поддержать словом, делом в решении насущных проблем местной шанхайской жизни» [Русские в Китае 2010, с. 507].

Сегодня члены РКШ не эмигранты, это российские бизнесмены, командированные специалисты, студенты шанхайских вузов, преподаватели, а также те, кто связал себя семейными узами в Китае, каждый из них в любой момент может вернуться на Родину.

Деятельность РКШ довольно обширная. Можно сказать, что это культурный центр русской диаспоры в Шанхае. РКШ поддерживает сайт Русского клуба и форум китаистов «Восточное полушарие», занимается организацией культурно-развлекательных мероприятий – это

презентации новых российских изданий, встречи с российскими писателями, концерты звезд шоу-бизнеса, организуются встречи с эмигрантами, родившимися в Шанхае и прожившими здесь много лет.

РКШ содействовал формированию и развитию православной общины в Шанхае. Клуб был первым, члены которого обратили внимание на бедственное положение двух православных храмов (в одном из них располагался ресторан французской кухни и ночной клуб).

Одним из важнейших направлений деятельности клуба является изучение истории русской эмиграции в Шанхае. На эту тему опубликовано множество статей на сайте РКШ.

Таким образом, деятельность РКШ и многих членов современной русской диаспоры в Шанхае может считаться деятельностью по сохранению национального наследия и национальной идентичности.

Раздел III. Особенности аккультурации российской диаспоры в Шанхае в XXI веке

В ходе исследования мы взяли интервью у современных россиян, проживающих в Шанхае, с целью выявить основные стратегии аккультурации. В данном случае интервью является полевым исследованием, так как большая его часть проводилась в КНР (Шанхай) в ноябре – январе 2016-2017 гг.

Гипотеза данного исследования заключается в предположении о том, что моделью аккультурации современной российской диаспоры в Шанхае является сепарация. С помощью проведенного анализа деятельности современной русской диаспоры в Шанхае и подробных интервью мы попробуем доказать нашу гипотезу.

Полевое исследование как метод культурологии и социологии позволяет собрать новейшую информацию по теме того или иного исследования. Длительное «погружение» в исследование дает возможность рассмотреть «случай» в динамике развития.

Особенности интервью: фокусированное интервью с углублением в определенную тематику с всё большей конкретизацией. Для описания и анализа глубинных интервью используется метод качественной социологии – качественный анализ. В качестве теоретической литературы по подготовке и проведению полевого исследования используется монография В.А. Ядова «Стратегии социологического исследования» [Ядов 2007].

Для полевого исследования по теме квалификационной работы мы выбрали метод глубинного интервью, который является одним из методов качественной социологии (качественный анализ), использующийся также в культурологии.

Суть качественного анализа глубинного интервью состоит в том, что нам необязательно подбирать большую по количеству участников выборку, и мы имеем возможность углубиться в исследование отдельно взятого случая, а также нескольких схожих или различных случаев в совокупности. Имеем возможность за счет рассмотрения частных случаев представить целостную картину отдельно взятого общества: *«Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном, в описании целостной картины социальных практик»* [Ядов 2007]. Кроме того, качественный анализ интервью позволит подробно объяснить и проинтерпретировать отношение, чувства и опыт людей, проживающих / проживавших в Шанхае, т. е. поможет выявить специфику жизненного опыта. За счет качественного анализа отдельных уникальных ситуаций у нас есть возможность погрузиться в особый мир интервьюируемых: «Но если принять точку зрения качественной (или гуманистической) социологии, то каждая из таких особых человеческих ситуаций уникальна, содержит специфический социальный опыт, особые переживания и страдания, которые в совокупности складываются в их специфический жизненный мир. Этот мир именно как «особое» может стать объектом исследования. Их прошлый опыт, практика каждодневных забот и переживаний может быть понята только через изучение индивидуальных судеб представителей этих групп, *особенностей их восприятия и поведения* в рамках общего социального контекста – данной социально-исторической ситуации» [Ядов 2007].

С помощью выявления специфики опыта и ощущений интервьюируемых мы постараемся ответить на вопрос, подтверждается или нет гипотеза данного исследования. В качестве стратегии выборки участников глубинного интервью мы следуем указаниям В. А. Ядова о том, что состав и объём выборки не фиксируется заранее, а устанавливается опытным путем по мере развития исследования. Здесь мы используем так называемый метод снежного кома [Ядов 2007], когда при достижении «порога насыщения» прекращается набор целевой аудитории, т. е., когда ответы на ключевые вопросы интервью

повторяются несколько раз у разных респондентов, нужно прекратить набор целевой аудитории и остановиться на набранном количестве участников интервью.

Выборка участников глубинного интервью зависит от целей исследования. Таким образом, нас интересуют люди в возрасте от 20 до 50 лет, поскольку они включают в себя студентов китайских вузов и работающих в Шанхае. Мы не берем для исследования группы лиц, состоящих в браке с китайцами или потомков эмигрантов, для того чтобы более отчетливо проследить влияние культурного шока и особенности аккультурации. Кроме того, в настоящее время в Шанхае наблюдается сокращение постоянно живущих русских из-за ухудшающейся экологической ситуации.

Для выборки нам был важен фактор знания / незнания языка. Все интервьюируемые владеют в той или иной степени китайским языком. На данный момент люди приезжают в Шанхай для усовершенствования знания языка или для работы, так или иначе связанной с китайским языком.

Кроме того, важным критерием выборки является время пребывания в Шанхае. Все интервьюируемые прожили на территории Шанхая как минимум три-четыре месяца (и более). Подобный временной критерий необходим для возможности проследить влияние культурного шока, и после прохождения этого периода можно говорить о выборе определенной стратегии аккультурации.

Нами был составлен перечень вопросов, в соответствии с которыми нами была предпринята попытка доказать гипотезу, а также попытка выявить особенности культурного шока современных русских, проживающих в Шанхае.

Стоит отметить, что в зависимости от того, как шло интервью, в каждом отдельном случае вопросы задавались не по порядку, или возникали новые вопросы.

В ходе интервью мы делали детальные письменные заметки с выделением сознательных и скрытых импульсов интервьюируемого, что так же является одной из особенностей метода глубинного интервью и будет отражено нами в детальном анализе. Мы будем анализировать неформальные письменные заметки, которые были сделаны в ходе интервью. Они включают: место проведения интервью, обстановку, особенности поведения интервьюируемого (манеры, жесты, реакция

на интервью). Кроме того, по согласию информантов, интервью были записаны на диктофон.

Было проведено одиннадцать интервью с русскими, проживающими / проживавшими в Шанхае. Далее мы переходим к описанию и анализу глубинных интервью. Мы уделим внимание ответам каждого респондента, затем перейдем к общему анализу и сравнению.

По нашему мнению, у участника № 1 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как «экзотическая» и «другая», не вызывает родственных чувств, порой вызывает даже отторжение из-за иной модели поведения и быта. Ему интересно смотреть на нее со стороны.

С точки зрения культурного шока можно сказать, что респондент пережил пик шока, когда происходит либо полное отторжение особенностей новой культуры, либо спокойное принятие. Первоначальное отторжение сменила спокойная в меру заинтересованная позиция по отношению к особенностям китайской повседневной культуры.

У участника № 2 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует респондента только с научной и познавательной точки зрения, он не считает ее близкой по духу, у него не возникает желания приобщиться к китайской культуре, он относится к Китаю как «к учебе».

С точки зрения культурного шока можно сказать, что респондент испытывал сильный культурный шок в первые две недели пребывания в Шанхае, связано это было (по его словам) с организацией быта и привыканием к новому часовому поясу. В меньшей степени связано с попаданием в иную культурную среду, поскольку респондент имел представление об особенностях китайской культуры.

По нашему мнению, у участника № 3 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как «другая», не вызывает родственных чувств, порой вызывает даже отторжение из-за иной модели поведения и быта китайцев. По словам интервьюируемого, бывает сложно сдерживать агрессию по отношению к китайцам. Респонденту интересно смотреть на особенности китайской культуры со стороны, изучать их, узнавать новое.

С точки зрения культурного шока можно сказать, что респондент на момент интервью (30 ноября 2016 г.) испытывал пик культурного шока, поскольку всё увиденное им в китайской повседневности

вызывает у него непримиримые разногласия. В настоящее время мы не можем спрогнозировать, как сработает процесс культурного шока дальше.

По проведению интервью у участника № 4 можно сказать, что у него наблюдается такой тип аккультурации, как интеграция, когда человек воспринимает особенности своей культуры и в то же время интересуется и погружается в культуру другой страны, воспринимает и проецирует на себя ее особенности. Респондент в будущем хотела бы остаться жить в Шанхае, готова выйти замуж за китайца (национальность не важна, но мы не исключаем такой вариант) и, по ее словам, «узнавать больше и больше о культуре и обычаях Китая, чтобы быть своей».

С точки зрения культурного шока можно сказать, что респондент испытывал сильный культурный шок в первые два года пребывания в Шанхае, поскольку был не подготовлен к самостоятельной жизни в Китае, отсутствие знания китайского языка в первое время также создавало трудности.

По нашему мнению, у участника № 5 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как «другая», не вызывает родственных чувств, порой вызывает даже отторжение из-за иной модели поведения и быта. Интервьюируемого интересует древнее культурное наследие Китая. Респонденту интересно смотреть на китайскую культуру со стороны. На тот момент интервью респондент уже принял решение о том, что не собирается оставаться в Китае на длительный срок.

Проведя анализ интервью, у участника № 6 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только «как другая», не вызывает родственных чувств, но в то же время не вызывает отторжения и неприятия. Респондент общается, в основном, с русскими и не собирается кардинально расширять круг общения.

По нашему мнению, у участника № 7 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как «другая», не вызывает родственных чувств, но в то же время не вызывает отторжения и неприятия, поскольку период культурного шока был пройден. Респондент общается, в основном, с русскими и не собирается кардинально расширять круг общения. На

первом этапе возникали сложности с организацией быта и нахождением новых знакомств среди китайцев.

По нашему мнению, у участника № 8 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как другая, не вызывает родственных чувств, но в то же время не вызывает отторжения и неприятия. Респондент общается, в основном, в интернациональной среде и с русскими, общение с китайцами интервьюируемого не интересует, и он его не осуществляет.

В отношении культурного шока мы можем сказать, что уровень профессиональной подготовки и знаний о культуре Китая был на таком уровне, что шока как такового не наблюдается.

Респондентом № 9 были упомянуты разные семьи, в которых один из родителей русский, а другой – китаец. Смешанных семей в Шанхае проживает достаточное количество, чтобы дать им отдельную работу. Респондентом отмечается факт того, что в этих семьях можно наблюдать ассимиляцию русских с китайцами.

Респондент № 9 вместе с мужем являются организаторами «Русского клуба в Шанхае». Проводят различные встречи, конкурсы и т. д. Сейчас проводится меньше встреч, поскольку многие русские, кто помогал в создании клуба, уехали. На момент января 2017 г., по словам респондента, ежемесячные встречи перешли «в формат дружеских встреч за бокалом вина».

Респондент имеет право говорить за всю свою семью, они считают, «что Россия – это их дом, они продолжают быть русскими, никак не интегрируются в китайскую культуру».

Создание «Русского клуба в Шанхае» в 2000 г. ознаменовало постоянные встречи русскоязычных друзей и знакомых с целью поддерживать русскую культуру за рубежом.

Русскоговорящих было гораздо меньше в 2000 г., это было тесное общение. Сейчас в Шанхае проживает 3 тыс. – 5 тыс. русских людей, включая студентов, которые приезжают на один-два семестра.

По нашему мнению, у участницы № 9 и членов ее семьи наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует их только как «другая», не вызывает родственных чувств. Респондент и члены его семьи общаются, в основном, с русскими и не собираются кардинально расширять круг общения.

По нашему мнению, у участника № 10 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует

его только как экзотическая и «другая», не вызывает родственных чувств, порой вызывает даже отторжение из-за иной модели поведения и быта. Ему интересно смотреть на нее со стороны, изучать, узнавать что-то новое. Однако на момент интервью (январь 2017 г.) респондент отметил, что собирается меньше времени уделять изучению китайского языка и культуры, поскольку чувствует непримиримые разногласия с особенностями китайского менталитета. Следует отметить, что на момент интервью респондент не находился в Шанхае уже в течение трех лет, вспоминал о своей жизни и об опыте, полученном в Шанхае, как пройденном этапе своей жизни.

С точки зрения культурного шока можно сказать, что респондент испытывал культурный шок в различных его стадиях, особенности китайской повседневности и быта вызывают у него неприятие, в связи с этим респондент не задумывается о возможности работы в Шанхае или где-либо ещё в Китае.

У участника № 11 наблюдается такой тип аккультурации, как сепарация, так как китайская культура интересует его только как экзотическая и «другая», не вызывает родственных чувств, порой вызывает даже отторжение из-за иной модели поведения и быта. Ему интересно смотреть на нее со стороны, изучать, узнавать новое. Респонденту представляется интересной жизнь в Шанхае в качестве туриста на непродолжительный срок. Стоит отметить, что на момент интервью респондент уже не проживал в Шанхае в течение года, смотрел на свою жизнь и опыт, полученный в Шанхае, как на пройденный этап жизни, однако хотел бы время от времени возвращаться в Шанхай на непродолжительный период времени.

Для большинства участников глубинного интервью важно общение с соотечественниками. Четверо из одиннадцати респондентов (36%) отметили, что им жизненно необходимо общение с соотечественниками и оценили эту важность на 10 и 9 баллов соответственно. Четверо из одиннадцати респондентов (36%) отметили то, что им важно общение с соотечественниками и оценили эту важность на 7 и 8 баллов соответственно. Трое из одиннадцати респондентов (28%) отметили, что им важно общение с соотечественниками, если они являются их близкими друзьями или родственниками, и оценили важность общения с остальными соотечественниками на 5 и 6 баллов соответственно.

По проведению анализа глубинного интервью мы получаем следующие результаты. Во-первых, преобладающей моделью аккультурации, может считаться сепарация. Кроме того, мы хотим вынести дополнительное предположение о том, что у современных русских, проживающих в Шанхае, так же наблюдается такой тип аккультурации, как интеграция, так как модель аккультурации одного из опрошенных тяготеет к интеграции.

Следовательно, мы приходим к выводу о том, что для представителей российской диаспоры в Шанхае характерен такой тип аккультурации, как сепарация. Они не стремятся к объединению по культурному и духовному признаку с китайцами, однако интерес к китайской культуре у большей части русских сохраняется.

Заключение

В данном исследовании нами были рассмотрены: понятие «аккультурация», его виды, вопросы аккультурации современной российской диаспоры, анализ глубинных интервью от одиннадцати информантов.

В отношении понятия «диаспора» нами может быть сделан вывод о том, что о современных россиянах, проживающих в Шанхае, мы можем говорить, как о диаспоре. Несмотря на то, что современные россияне Шанхая являются гражданами РФ и имеют возможность вернуться на Родину, они устраивают и принимают участие в различных мероприятиях, связанных с сохранением национальной идентичности и поддержанием исторической памяти.

Посредством проведения и анализа глубинных интервью мы выявили, какой тип аккультурации присущ современным россиянам, проживающим в Шанхае. Преобладающим типом аккультурации является сепарация.

Автор хотел бы особо отметить, что на момент проведения исследования (сентябрь – февраль 2016–2017 гг.) не было проведено интервью у бывших русских эмигрантов в Шанхае или их потомков, что можно считать будущей задачей исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А. А. Хисамутдинова; А. А. Хисамутдинов [и др.]. Шанхай : Изд. Координационного совета

- соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. [Hisamutdinova, A. A., Hisamutdinov, A. A. [i dr.]. (eds). (2010). *Russkie v Kitae*. (Russians in China). Shanghai: Izd. Koordinacionnogo soveta sootchestvennikov v Kitae i Russkogo kluba v Shanghae. (In Russ.)]
- Советский энциклопедический словарь. М., 1987. [Sovetskiy jenciklopedicheskiy slovar'. (1987). (Soviet encyclopedic dictionary). Moscow. (In Russ.)]
- Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63. [Tishkov, V. A. (2000). *Istoricheskiy fenomen diaspori*. (Historical phenomenon of diaspora). *Jetnograficheskoye obozrenie*, 2, 43–63. (In Russ.)]
- Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. [Horuzhenko, K. M. (1997). *Kul'turologija. Jenciklopedicheskiy slovar'*. (Cultural studies. Encyclopedic dictionary). Rostov-na-Donu: Fenix. (In Russ.)].
- Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. [Ioncev, V. A. et al. (2001). *Jemigraciya i repatriaciya v Rossii*. (Emigration and repatriation in Russia). М.: Popечitel'stvo o nuzhdah rossijskih repatriantov. (In Russ.)].
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Интернет-ресурс. М.: Омега-Л, 2007. URL: <http://uchebnik-online.com/31/05.html>. [Jadov, V. A. (2007). *Strategija sociologicheskogo issledovanija*. (Strategy of sociological research). URL: <http://uchebnik-online.com/31/05.html> (In Russ.)].
- Berry John W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. *An Intercultural Review*. 1997. 46(1). P. 5–68.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 8 (837)	Issue 8 (837)

Ответственный редактор выпуска 8 (837)
кандидат филологических наук доцент Л. Ш. Рахимбекова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 30.11.2020
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 17,0.
Заказ № 112/20

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.